

СТРАШНЫЕ ГНОМЫ

КИРИЛЛ
СМОРОДИН

Annotation

Загородный лагерь, природа, друзья, множество развлечений... Во всяком случае так должно было быть. Однако в действительности отдых Андрея Новожилова и его младшего брата Лешки превратился в кошмар. Потому что лес стал домом для страшных гномов. Страшных, злых и очень опасных.

Глава 1. Треснувшее зеркало

Метла последний раз прошелестела по асфальту. Федор Иванович Сбитнев выдохнул, перехватил ее за середину ручки и направился к скамейке. Прислонив метлу к дереву, дворник стянул рукавицы, сунул в карманы потрепанного оранжевого жилета и уселся. Взгляд помимо воли скользнул по серой стене «сталинки» — к трем окнам со светло-зелеными рамами на втором этаже.

«Что же с тобой приключилось?» — в очередной раз подумал Сбитнев, чувствуя, как возвращается приутихшая за работой тревога.

Все случилось чуть меньше трех часов назад. Двор еще хранил ночную прохладу и тишину, окна верхних этажей ловили мягкие рассветные тона. Оставив у стены четырехэтажки тележку с жестяным совком и помятым ведром для мусора, Сбитнев взялся за метлу. За домом прогрохотал трамвай, в гуще зелени застрекотала сорока. Дворник прервался, с усмешкой повернулся, надеясь углядеть птицу. Но тут же забыл о ней — в темном прямоугольном зеве арки показался человек.

Несколько секунд он стоял, пошатываясь, пытаясь удержать равновесие. Затем наклонился, сделал несколько шаркающих шагов. Вытянул руку, словно хотел опереться о стену, до которой было не меньше пары метров, вновь остановился и упал на колени. Не опуская руки, человек всхлипнул и стал заваливаться на бок.

«Не похож он на пьяного», — нахмурился Сбитнев.

Он положил метлу и бросился на подмогу. Приблизившись, дворник узнал Максима Серова — девятнадцатилетнего сына своей хорошей знакомой. Тот уже лежал на боку. Из темных растрепанных волос торчали травинки, на заляпанном грязью, блестящем от пота лице Федор Иванович увидел несколько царапин, ссадин и синяков. Ворот красной футболки был разорван, под мышками темнели мокрые пятна. К штанинам голубых джинсов пристало не меньше сотни колючек. Время от времени парень вздрагивал, хватал ртом воздух и шумно сглатывал. Глаза припухли от слез. Пальцы вытянутой руки скребли по асфальту.

Поспешно стянув рукавицы, дворник присел, взял Максима под мышки и приподнял. Тот опять всхлипнул, попытался выпрямить ноги и едва не упал.

— Тише, тише! — выдохнул Сбитнев, удерживая парня.

Он поднырнул Максиму под руку, взвалил его на спину и мелкими шажками двинулся к подъезду. Сердце заколотилось, в голове стало жарко. Спиной Федор Иванович чувствовал, как парень дрожит.

— Сейчас... Почти дошли уже, — приговаривал он, не отрывая взгляда от крыльца и бордовой двери с кодовым замком. — Потерпи чуть-чуть...

Через пару минут Сбитнев с Максимом втиснулись в подъезд. Поднялись на второй этаж, и дворник, посадив парня на ступеньки, стал звонить в восьмую квартиру.

За старенькой деревянной дверью послышались шаги. Звякнула цепочка, щелкнул замок, и в проеме показалось тонкое лицо Нины Евгеньевны. В полумраке подъезда оно казалось серым.

Больше всего Федор Иванович боялся, что она закричит. Но Нина Евгеньевна только закрыла лицо руками и попятилась, не сводя с сына глаз.

— Ничего-ничего, — пропыхтел дворник, вновь поднимая Максима. — До дома

добрались, это главное.

Нина Евгеньевна распахнула дверь и прижалась спиной к стене, пропуская Сбитнева. Тот устроил Максима на пуфике, вытер лицо рукавом. Серова бросилась к сыну, опустилась на колени и обхватила его лицо ладонями.

— Максюша! — шептала она, позабыв о дворнике. Голос дрожал, и Федор Иванович понял, что Нина Евгеньевна из последних сил борется со слезами. — Миленький!

— Надо бы его раздеть да в постель уложить, — тихо сказал Сбитнев.

— Да-да, сейчас! — Нина Евгеньевна, не вставая, принялась торопливо расшнуровывать кроссовки сына. На шнурках и носках Федор Иванович заметил еще несколько колючек.

Стянув кроссовки, Серова взялась за футболку. Максим послушно поднял руки, потом сгорбился, обнял колени и, не мигая, устался на темно-красные доски пола. Нина Евгеньевна осторожно взяла сына за плечо, потянула вверх, и тот неуверенно поднялся. Пошатнулся, но устоял.

«Вот и хорошо», — подумал Федор Иванович, отмечая, что Максим перестал дрожать.

Под руку с матерью он сделал несколько шагов и остановился возле зеркала. Пару секунд Максим удивленно рассматривал себя. Затем сглотнул и попятился, часто дыша. Рот приоткрылся, губы скривились. Упершись спиной в стену, Максим стиснул руками виски и замотал головой, со свистом втягивая воздух.

— Что?! Что с тобой?! — испуганно зашептала Нина Евгеньевна, пытаясь заглянуть ему в лицо.

В ответ Максим глухо замычал, словно во рту был кляп. Он снова дрожал. Федор Иванович шагнул вперед, чтобы поддержать парня, но тот отшатнулся и сполз по стене, не переставая трястись.

— Н-не м-мог-гу... Н-не могу! — выдавил он, впиваясь пальцами в волосы и пряча лицо. — Н-не м-могу б-бы-ыт-ть! Т-та-аким-м!

Несколько раз ударившись спиной о стену, Максим заплакал. Нина Евгеньевна, снова прижав ладони к лицу, хотела присесть рядом, но Сбитнев взял ее за плечи.

— Сходи лучше за водой, — прошептал он. — А я пока в комнату его отведу.

Сдерживая слезы, Серова на цыпочках двинулась на кухню, а дворник, старательно загораживая зеркало, отволол Максима в зал и устроил на диване. Парень отвернулся к спинке, стянул с нее покрывало и, прерывисто дыша, спрятал голову.

— Не могу быть таким! Не могу быть таким! — шептал он, ерзая и дрожа.

В дверях появилась Нина Евгеньевна со стаканом воды. Вдвоем со Сбитневым они напоили Максима и укрыли толстым одеялом. Парень понемногу успокаивался. Дрожь утихала, слезы высохли. Минут через десять он заснул, и Серова с дворником тихонько прошли на кухню. Нина Евгеньевна опустилась на табуретку и только тогда позволила себе расплакаться.

— Так не должно быть! — шептала она сквозь слезы. — Это я виновата! Я его в этот лагерь вожатым отправила!

— В какой еще лагерь? — Федор Иванович растерянно приподнял брови.

— В наш! В «Березки»! Еще весной в институте договорилась, чтобы Максима взяли вожатым! — Нина Евгеньевна закусил тонкую нижнюю губу и покачала головой. — Он так радовался! Говорил, что станет самым лучшим вожатым! И я тоже радовалась! А теперь!.. Я его погубила!

— Ну-ну, тише! — Сбитнев подошел к ней и положил руку на узкое плечо. — Никого ты

не губила. Сама ведь говоришь, Максим радовался, что в лагерь едет. Вот и нечего себя казнить, ни в чем ты не виновата. Тебе сейчас сильной нужно быть, чтобы Максим видел это, чувствовал и на поправку быстрее шел.

— Как думаете, он серьезно болен? — Нина Евгеньевна со страхом глянула на дворника.

— Сомневаюсь. Руки-ноги целы, даже жара нет. Царапины пустяковые. Пусть отлежится пару дней, а там посмотрим.

— Да, наверное, — Серова неуверенно, с прерывистым вздохом, кивнула и посмотрела на Федора Ивановича. — Спасибо вам большое! Если бы не вы... — она не договорила. Подбородок задрожал, дворник понял, что она вновь готова расплакаться, и покрепче стиснул плечо.

— Не надо. Слезами только хуже себе сделаешь. Ну а я пойду — двор еще не подметен.

— Да-да, конечно. Вы уж простите...

— Нашла, за что извиняться, — Сбитнев обернулся и с добродушным укором посмотрел на Нину Евгеньевну. Прошел в коридор и открыл дверь. — И все у вас будет хорошо, — сказал он уже на лестничной клетке. — Самое страшное позади. Вот увидишь, уже завтра дело на поправку пойдет.

Но что-то копошилось в душе Федора Ивановича и мешало ему самому верить собственным словам. Это чувство немного утихло, пока Сбитнев подметал двор. Однако сейчас вернулось и стало еще сильнее.

«Выходит, он пешком из лагеря вернулся, — размышлял он. — Двадцать с лишним километров протопал, да еще, видать, по лесу перед этим побегал».

Перед мысленным взором снова появился Максим. Он лежал на асфальте, потный, исцарапанный, обессиленный, весь в лесном мусоре... И с глазами затравленного зверя. В них дворник увидел не боль, не страх и даже не отчаяние. Только обреченность. Словно Серов знал нечто, о чем другие боятся даже догадываться.

«Назад пути нет! — говорил взгляд парня. — Забыть это невозможно, а исправить что-либо — тем более!»

— Что же с тобой приключилось? — шепотом повторил Сбитнев, глядя на низкий металлический забор с красными прутьями.

С Серовыми дворник был знаком почти десять лет. Он помнил, как восьмиклассником Максим связался с беспризорниками и доводил родителей прогулами и хамством. Без сигареты или бутылки с пивом его видели очень редко. В конце концов, сердце отца не выдержало. Его хоронили всем двором, и после этого Максим изменился — бросил пить и курить, ушел из дурной компании, снова стал домашним.

«Уж не аукнулось ли ему то время?» — подумал Федор Иванович.

Двор понемногу просыпался. Шелестели, играя с солнцем, пышные купола листья, под окнами первого этажа покачивались мальвы. В воздухе плавал последний тополиный пух. Воробьи с чириканьем принимали пыльные ванны. Вдоль стены крался поджарый серо-белый кот.

За спиной послышался рев мотора, воздух наполнился запахом бензина и мазута. Сбитнев обернулся и увидел, как мусоровоз механической «лапой» подцепляет один из баков. Неподалеку двое мальчишек лет пяти-шести кидали камни в ржавый лист железа, скрывающий вход в белую бетонную избушку-бомбоубежище.

«Будто и не случилось ничего», — подумал Федор Иванович, оглядывая двор. Горка,

качели, карусель, приоткрытая дверь кухни детсада... И вновь три окна со светло-зелеными рамами на втором этаже.

— Как вы там? — шепотом спросил дворник.

Окна молчали.

За три месяца до этого.

Макс уселся на пуфик, прислонился спиной к стене и вытянул ноги.

«Сколько там у нас натикало?» — подумал он, залезая в карман куртки.

Достав мобильник, он пару секунд вглядывался в темный экранчик, затем нахмурился и убрал телефон.

«Совсем батарея дохлая стала. Стипендию получу — и надо новый аппарат покупать», — решил Серов и огляделся.

В коридоре поликлиники было на удивление немногочленно. Только у соседнего кабинета сидели три старушки и с видом светских тусовщиц азартно перемывали кости врачам, политикам, артистам и соседям.

Макс усмехнулся и закинул ногу на ногу, наблюдая за бабками. Он давно заметил, что они ходят по поликлиникам не столько лечиться, сколько поболтать. В этих стенах старушки полноправные хозяйки: чуть что не так — сразу скандал.

Поэтому Серов старался как можно реже бегать по врачам. Но на сей раз без помощи было не обойтись.

За каким только чертом он потащился со Жгутом в чебуречную? Знал ведь, что дрянь, которую там лепят, могут переварить только бомжи да такие скупердяи, как одноклассник Сева Жгутов. Знал, но все равно пошел — до следующей пары оставалось сорок минут, желудок слипался от голода, а на обед в студенческой кафешке не хватало.

Чебуреки взбунтовались через несколько часов. Полночи Макс простоял на четвереньках перед унитазом, наутро поднялась температура, и пришлось вызывать врача. Неделю он провалялся дома, хлебая бульон и слушая обиженное бурчание желудка.

Но молодой организм быстро шел на поправку, и сейчас Серов ждал участковую. Оставалось лишь заверить, что все отлично, что больше никаких чебуреков сомнительного происхождения и качества он пробовать не будет, — и можно возвращаться к учебе.

«А наверстывать придется дай боже», — размышлял Макс, барабанил пальцами по бордовому дерматиону пуфика. Он уже представлял кровожадный взгляд госпожи Бужинской — заведующей кафедрой живописи, имеющей поразительное сходство с обиженным жизнью бульдогом. Да, работой она завалит по уши, стерва такая!

Справа послышался металлический лязг. Макс обернулся и увидел в конце коридора высокую, чуть ссутуленную фигуру в мятом синем халате. Штанины широких коричневых брюк были подвернуты, но все равно подметали пол, наполовину скрывая розовые шлепанцы. Уборщик стоял к Серову спиной, и тот видел давно не мытые, седеющие волосы, собранные в хвост.

«Странный тип, — подумал Макс. — Вон какой здоровый, устроился бы грузчиком. Все лучше, чем полы в поликлинике мыть».

Уборщик окунул швабру в ведро и стал ворочать белой пластиковой ручкой, будто что-то размешивал. Макс с любопытством разглядывал «странного типа», прикидывая, сколько тому лет.

«Наверное, около пятидесяти», — наконец решил он.

Швабра замерла. Уборщик обхватил ее обеими руками, приподнял и замер, ожидая пока

стечет вода. Так он стоял не меньше минуты. Вода журчала, заглушая голоса бабулек, а уборщик неподвижно держал швабру на весу. Потом отодвинул ведро ногой, отчего часть воды выплеснулась на линолеум, со шлепком припечатал тряпку к полу и стал возить ей, отшагивая назад. Изредка он останавливался и поддегивал штанины. Но стоило ему сделать несколько шагов, как те вновь волочились по полу.

Продвигался уборщик очень быстро. Похоже, его не волновало, что возле стен линолеум так и остается сухим. Вскоре он уже елозил тряпкой около бабулек. Те время от времени бросали в его сторону сердитые взгляды.

От запаха хлорки защекотало в носу. Макс не удержался и чихнул. Старушки прекратили трескотню и уставились на него. Потом, решив, что нового повода посудачить не представилось, но для приличия все равно покачав головами, отвернулись и вновь взялись за врачей, политиков, артистов и соседей.

Усмехнувшись, Макс отвел от старушек взгляд. И вздрогнул, встретившись глазами с уборщиком. Тот смотрел на Серова, позабыв, казалось, и о швабре, и о ведре, и о половине невымытого коридора.

«Чего он так уставился?» — насторожился Макс, изучая узкое и скуластое лицо с заросшими седеющей щетиной щеками.

Глаза в красных прожилках недобро поблескивали и не отрывались от Макса, брови чуть заметно ходили вверх-вниз. Уборщик сглотнул, отчего кадык медленно шевельнулся, потом словно бы спохватился, опустил голову и отвернулся. Но прежде чем взяться за швабру, вновь посмотрел через плечо.

Его движения стали еще торопливее. Тряпка так и моталась влево-вправо. Макс недоуменно глядел то на нее, то на уборщика. Ему вдруг подумалось, что тот хочет как можно быстрее поравняться с ним. Интересно, для чего? Еще раз посмотреть? И что тогда?

«Скорее бы участковая появилась! — подумал Макс, не отрывая настороженного взгляда от фигуры в синем халате. — Чтобы я еще раз в эту поликлинику сунулся!»

В памяти всплыла чебуречная — пропахший пивом зал с большими окнами в металлических рамах, затоптанным кафельным полом и десятком круглых одноногих столиков по грудь. Жгут с довольной физиономией и набитым ртом держит в блестящих от жира пальцах надкушенный чебурек — светло-коричневый кокон из теста с торчащим куском серого мяса. Очень похожего на тряпку, которая сейчас снует по коридору.

Макса затошнило. Он сглотнул и глянул на типа со шваброй. Страшно подумать, как тот повел бы себя, если бы Серов не выдержал и наблевал посреди коридора.

Воображение разыгралось. Макс представил, как уборщик замирает. Медленно разворачивается. Смотрит на лужу желтой дряни. Ноздри со свистом втягивают воздух. Дыхание учащается, брови ползут вверх. Из груди вырывается глухой рык. Наконец уборщик бросает швабру, кидается на Макса и начинает душить.

«Бр-р-р! Что за дурь?!» — Серов встряхнулся и замер.

Уборщик стоял напротив и не сводил с Макса глаз. Швабра замерла в руках, пальцы — длинные и тонкие — с паучьим проворством бегали по белой пластиковой ручке. Казалось, он играет на кларнете или саксофоне. Макс заметил, что на правой руке уборщика не хватает безымянного пальца.

Грудь сдавило. Макс понял, что задержал дыхание и воздух закончился. Он как можно тише выдохнул и засунул руки глубже в карманы. Серову не хотелось, чтобы тип со шваброй видел, как они дрожат.

Тот по-прежнему рассматривал его. Тонкие бескровные губы тронула едва заметная улыбка.

— Фантазия у тебя богатая, — прошептал уборщик, прищурившись. — Но я еще не настолько сошел с ума, чтобы душить кого-то посреди коридора. К тому же, ты мне еще понадобишься.

Он продолжал изучать Макса... с какой-то голодной жадностью. Точно так же придурок Жгутов смотрел на свой надкушенный чебурек.

Опять эти чебуреки, чтоб им второй раз протухнуть!

— Ну-ну, не надо злиться! — уборщик улыбнулся и отступил.

Он покрепче ухватил швабру и снова стал протирать полы, изредка поглядывая на Макса и усмехаясь.

— Серов, ты ко мне?

Макс и не заметил, как появилась участковая Ирина Сергеевна. С неизменной иссиня-черной трехэтажной прической, в круглых, посаженных на кончик длинного носа очках, она строго глядела на парня, стоя на пороге кабинета.

— Я?.. А-а?.. Да! — проблеял тот и поднялся с пуфика.

Врачиха недовольно посмотрела на Макса, пропустила в кабинет и закрыла дверь. Устроилась за столом, раскрыла карточку и стала писать.

Макс присел на кушетку, чувствуя, что испуг понемногу слабеет.

«Там в коридоре просто старый псих, с которым давно никто не общался, — размышлял Серов. — Вот он и пялился на меня. Но с другой стороны... Откуда он узнал, о чем я подумал?»

— Чувствуешь себя хорошо? — пробубнила участковая, не переставая писать. Ручка с синим колпачком так и плясала в пухлой руке.

— Да, все нормально, — отозвался Макс, разглядывая в окне кусок пасмурного весеннего неба.

За дверью снова лязгнуло ведро, и он представил высокую фигуру в синем халате. Уборщик энергично работал шваброй и ухмылялся, бросая частые взгляды на дверь, за которой скрылся Макс.

Как он сказал? «Ты мне еще понадобишься»? И что это значит?

Додумать не дала Ирина Сергеевна. Закончив писать, она довольно выдохнула и закрыла карточку.

— Хорошо. Иди и больше не ешь всякую дрянь. А то в больницу попасть недолго! — врачиха исподлобья посмотрела на Макса. — Считаю, в этот раз легко отделался!

Макс кивнул, встал с кушетки. Взял больничный лист и направился к выходу, но у дверей остановился. В коридоре ведь этот ненормальный со шваброй. И идти придется мимо него.

— Ну? Чего ты? Свободен! — слова участковой подтолкнули в спину, и Макс вышел.

Бабульки по-прежнему кудахтали, азартно жестикулируя. Рядом появилась разукрашенная дамочка. Уборщика не было.

«Наверное, на третий этаж пошел, — догадался Макс. — Вот и отлично».

Приободрившись, он миновал коридор и вышел на лестницу. Ступеньки торопливо проносились под ногами, Макс преодолел два пролета и оказался на первом этаже. Осталось свернуть за угол — и вот он, выход.

«Ну? И стоило психовать?» — с веселым укором спросил себя Макс.

Он повернул и не успел затормозить. Фигура в синем халате словно выросла на пути. Налетев на уборщика, Макс охнул и задел ведро. Мутная вода окатила джинсы, выплеснувшись на пол. Чертыхнувшись, Макс отскочил, растерянно глядя на лужу.

— Ничего-ничего! — торопливо заговорил уборщик, хватая его за руки. — Прости, это я виноват! Не следовало так торопиться!

Едва он договорил, правое запястье полыхнуло болью. Макс вскрикнул, вырвался и уставился на руку. Длинный прямой порез, на том самом месте, по которому самоубийцы чиркают бритвой, сочился кровью. Несколько капель устремились вниз, оставляя глянцевые темно-красные дорожки.

— Черт! Прости, пожалуйста! Я иногда такой неловкий! — уборщик сцапал руку Макса и стал разглядывать. — Но ничего страшного. Сейчас я вытру кровь, у меня есть платок. Не переживай, все будет в порядке!

Рука, сжимавшая запястье, задрожала. Кусая губы, уборщик нырнул в карман брюк и достал клетчатый сине-белый платок. Макс перехватил его взгляд и содрогнулся. Уборщик смотрел на порез с жадностью, будто кладоискатель, дорвавшийся до тайника.

— Нет! Не надо! — запротестовал Макс, пытаясь высвободить руку.

Но уборщик сжал ее, будто клещами.

— Сейчас все будет нормально! Я только вытру кровь! — отдельно, шепотом твердил он, прикладывая платок к порезу. — Вот и готово. Видишь, совсем не больно!

Отняв платок от запястья, уборщик поспешно спрятал его в карман — Макс лишь мельком увидел красную кляксу. Схватил швабру, ведро и бросился по коридору. Отойдя метров на пять, он обернулся, и Серову показалось, что на бледном худом лице появилась довольная улыбка.

Макс перевел изумленный взгляд на руку. Кровь маленькими каплями срывалась с запястья, и те бесшумно падали на пол. Не отрывая глаз от пореза, позабыв, что кругом полно врачей, он направился к выходу. Ноги слушались плохо, но Макс добрал до двери, толкнул плечом так, что та грохнула о стену, и вышел на крыльцо.

Холодный сырой воздух освежил голову. Макс осторожно спустился с покрытых слякотью ступенек и чуть ли не бегом рванул домой.

Никогда город не казался таким серым. Конечно, ранняя весна любит обесцвечивать. Черный от автомобильных выхлопов снег превращается в месиво. Голые деревья кажутся мертвыми. Кое-где проглядывает земля, покрытая сгнившей за зиму прошлогодней листвой. У водосточных труб холодно поблескивают осколки сосуллек.

Макс вспомнил, как лет шесть назад вместе с пацанами обожал пинать водосточные трубы. Когда оттуда с барабанной дробью высыпались льдинки, братва мерзкими ломкими голосами орала: «Джек-пот!» А если кто-нибудь делал замечание, подростки разбегались. Оглядываясь, матерясь, показывая обидчику средний палец...

Серов несся вперед, совсем, как тогда. Слякоть вылетала из-под ботинок, облепляла джинсы. Прохожие казались тенями, улица с киосками, машинами и трамваями — изображением на гигантском экране.

«Еще два перекрестка — и вот он, мой двор», — задыхаясь, подумал Макс.

Грудь болела, словно легкие терли наждаком. Снова захотелось покурить, хотя последний «бычок» Макс выкинул в тринадцать лет.

Тот день живой картинкой встал перед глазами. В комнате полно народу, все приходят проститься с отцом. Тот неподвижно лежит в деревянном ящике, обитом красной тканью. А

длинный подросток с прыщами на носу, щеках и лбу прячется на балконе, давясь дымом и слезами.

Светофор загорелся красным, и Макс едва успел затормозить. Правую руку он все еще держал перед собой, и кровь оставляла на слякоти маленькие темные кругляшки.

«Давай уже, а?!» — торопил Макс светофор, переступая с ноги на ногу.

Через пару минут он нырнул в облезлую, исписанную похабщиной арку, миновал два подъезда и взбежал на крыльцо. Рванул дверь, поднялся на второй этаж и ворвался в квартиру. В ботинках и куртке добежал до ванной, открыл кран и сунул руку под струю.

Порозовевший поток стекал по стенке ванны, Макс выравнивал дыхание и пытался понять, что произошло.

«Вляпался! — думал он. — Как этот псих сказал? Иногда он бывает таким неловким? Как же! Наоборот — он тот еще ловкач! Наверняка лезвие в рукаве держал, фокусник чертов! Тварь! Надо было ему прямо там зубы выбить! — Макс почувствовал, что злость стала вытеснять испуг. — Но вопрос в другом: зачем ему все это? Он сказал, что я ему еще пригожусь. Как?»

На это Макс ответить не мог. В голову лезли самые бредовые мысли.

«А если он какую-нибудь заразу в кровь занес?! — Серов вздрогнул и прислушался к себе. Вроде бы все нормально, только сердце колотится. Но это обычное дело после такой пробежки.

— Ерунда какая-то, — вполголоса сказал Макс. — Нужно просто забыть.

Он промокнул порез полотенцем, которое потом смял и бросил на корзину для грязной одежды. Прошел на кухню, открыл аптечку и взял пузырек с йодом.

«Никакой заразы этот урод не занес. Но прижечь все равно надо», — убеждал себя Макс, окуная в маленькую склянку спичку, обмотанную ваткой.

Вернувшись в ванную, он осторожно мазнул порез и оскалился, когда йод обжег запястье. Морщась, Макс обработал руку, подул на нее, глянул в большое прямоугольное зеркало над раковиной...

И снова почувствовал это.

Вскрикнув, он отшатнулся и задел стиральную машинку. Та гроыхнула, пузырек упал и разбился с тихим звоном. Не замечая коричневой лужицы, Макс схватил заляпанное кровью полотенце, зажмурился и накиннул на зеркало.

Несколько секунд он стоял, заглывая воздух. Потом осторожно открыл глаза и увидел, что зеркало скрыто лишь наполовину. Руки тряслись, ноги подгибались, но Макс сделал несколько шагов и поправил полотенце. Развернувшись, он вылетел из ванной. Ворвался в зал, включил свет и грохнулся в кресло.

Ботинки, оставляя капли грязи, барабанили по красным половицам, пальцы впивались в деревянные подлокотники. Больше всего Макс хотел забраться в кресло с ногами и съежиться. А еще лучше — стать невидимым. Уже много лет детский страх не напоминал о себе так ярко.

Макс снова был пятилетним Максимкой, гостившим в деревне у бабушки. Лето выдалось щедрым на грозы. Небо почти каждый день заволакивало черными тучами, сквозь которые одна за другой прорывались вспышки молний. Потом отзывался гром.

Максимке казалось, что с неба катятся огромные невидимые валуны, и всякий раз, когда гроыхало, он вжимал голову в плечи. Вдруг одна из глыб снесет домик, а его раздавит? Бабушка в такие минуты посмеивалась над Максимкой и гладила по коротко стриженной

голове.

Но в тот день она поехала в город, и мальчик развлекал сам себя. Сначала поиграл с машинками и солдатиками, поскакал по сеним с пистолетом. Потом пододвинул сундучок со старой одеждой к зеркалу на стене и забрался на крышку.

Стекла уже дребезжали под напором ветра, в воздухе за окном кружилась пыль. Тучи скрадывали дневной свет, отчего казалось, что близится ночь. Вдалеке ворчал гром, но Максимка бесстрашно ждал бурю. Бабушка ведь сказала, что он остается за старшего. Значит, он уже совсем-совсем большой, и гроза ему нипочем!

Максим подпрыгивал, отчего крышка тихонько скрипела, и смотрел, как скачет вверх-вниз лицо в зеркале.

Сверкнула молния. Через несколько секунд ответил гром. Домик вздрогнул, но Максим не обращал внимания на грозу. Он продолжал кривляться, со смехом глядя на отражение. Мотал головой, щурился и таращил глаза. Морщил нос, втягивал щеки, высовывал свернутый трубочкой язык.

С неба скатился очередной валун, дом задрожал сильнее. Зеркало заскрипело, и на гладкой поверхности появился узор трещины.

Максим замер, изумленно заглядывая в овальный кусок стекла.

Что там за страшилище?

Чьи эти три глаза, два рта, несколько ноздрей и угловатое, словно собранное из кусков лицо?

Всхлипнув, Максим отступил, забыв, что под ногой не окажется опоры. Он грохнулся, ударился головой, перевернулся и пополз на четвереньках, скуля по-щенячьи. Забившись в угол, он не отрывал от зеркала глаз и тихо плакал.

Потом, казалось, через много дней, вернулась бабушка. Причитая, она подняла Максимку, отнесла в комнату, усадила на диван, и тот шепотом, чтобы не услышало чудовище, рассказал, что случилось.

Бабушка улыбнулась и, поглаживая внука по голове, стала успокаивать. Когда Максим перестал дрожать, она отвела его в сени и сказала, что на стене теперь вместо одного большого зеркала несколько маленьких. Вот и получается много отражений. Она поставила внука на сундук, а сама приблизилась к зеркалу. Максим заглянул в него и с воплем выбежал из сеней. Ворвался в комнату и нырнул под кровать. Прижимаясь к стене, он понял, что разгадал тайну.

Бабушка не такая, какой он ее видит. Нет ни круглого улыбчивого лица, ни седых кудряшек. Только нечто с тремя глазами и двумя ртами, страшное, слепленное из кусков. И сам Максим выглядит по-другому. И все остальные тоже. Вокруг только чудовища. А зеркала врут, показывая человеческие лица.

Долгое время Макс верил в это. Уже школьником он часто смотрел на отражение, пытаясь разглядеть жуткие черты. Где это трехглазое, иссеченное, кривое?

«Внутри», — мысленно отвечал себе Макс, отворачиваясь от зеркала.

Он вырослел, и страх уходил. Но Серову по-прежнему казалось, что он выглядит иначе. Густые волосы и брови, прямой широкий нос, серые глаза и прямоугольный подбородок... Все это обман.

Макс нравился девчонкам и знал это. В старших классах и в институте место рядом с ним никогда не пустовало. Но что бы сказали хохотушки, увидев настоящего Макса? Которого способно показать только треснувшее зеркало в бабушкином доме?

Макс сидел в кресле, оглядывая стенку с несколькими рядами книг за стеклянной дверцей, телевизор, журнальный столик, окно с отдернутыми занавесками... Совсем не обязательно идти к зеркалу. Отражение можно увидеть на любой гладкой поверхности.

В куртке и шапке становилось жарко. Запястье саднило. Сквозь уличный шум Макс расслышал бой курантов. Полшестого — скоро вернется мама.

«Надо убрать полотенце с зеркала. Не хватало еще ее пугать», — подумал он, поднимаясь.

Сняв в коридоре куртку и разувшись, Макс медленно направился в ванную. Сдернул полотенце, быстро отвернулся и затолкал его в корзину. По квартире разнеслась трель звонка, Макс метнулся в коридор и открыл дверь.

— Привет, Максюша, — выдохнула мама, едва переступив порог.

Макс наклонился, чмокнул бледную, покрытую мелкими морщинами щеку. Взял сумку с продуктами и прошел на кухню, слушая, как мама рассказывает, что было сегодня в институте — она преподавала литературу в его вузе.

— Видела Дарью Сергеевну, — она появилась в дверях, снимая старенькое серое пальто с выпуклыми пуговицами. — Передавала тебе привет, пожелала, чтобы ты появился как можно скорее.

Макс усмехнулся, представив, как госпожа Бужинская передает привет и улыбается. Бульдог в хорошем расположении духа... Хороший натюрморт может получиться.

Мама, наконец, выпуталась из пальто и стянула пушистый сиреневый берет. Часть тусклых светло-русых волос как обычно выбивалась из узла на затылке. В такие минуты мама напоминала божий одуванчик. Маленькая, бледная, рано постаревшая, с большими, всегда чуть испуганными глазами и тонкими бескровными губами.

Нахмурившись, Макс отвернулся к окну и стал освобождать сумку.

«Вареники, хлеб, две банки сгущенки...» — мысленно перечислял он, раскладывая продукты на подоконнике.

— Есть еще одна замечательная новость, — продолжила мама, повесив пальто и берет. — Я договорилась, чтобы ты летом поработал вожатым в «Березках». Что думаешь, Максюш?

— Супер! — тут же воскликнул Макс. Он бросил пустую сумку на табуретку, подскочил к матери, обнял и закружил, отчего та испуганно вскрикнула.

«Вот это действительно классно!» — думал Макс, не отпуская маму.

Наконец-то выдалась возможность помочь ей. Максу было уже девятнадцать, и он все чаще чувствовал себя балластом. От редких подработок становилось тошно, серьезно работать не позволяла учеба. К тому же, он не хотел бросать живопись — дома едва ли не на каждой стене висели два-три пейзажа. Макс часто видел, с каким восхищением мама смотрит на его работы, но чувствовал только злость и обиду наполоам с бессилием.

«Кому, кроме нее, нужна эта мазня?! — думал он. И каждый раз стискивал зубы и сжимал кулаки. — Да никому!»

Но летом все обязательно изменится! Еще три месяца — и он докажет, что не тюфяк с красками и кисточками, а взрослый, серьезный и ответственный человек, на которого можно положиться!

— Максюш, ну отпусти! Задушишь ведь! — слабо сопротивлялась мама. Макс, наконец, освободил ее от объятий и еще раз чмокнул в щеку. — Я рада, что ты согласен. В общем, сдаешь сессию, немного отдыхаешь и едешь.

Улыбнувшись, Макс закивал и уставился на прикрепленный магнитами к дверце холодильника календарь с драконом. Теперь он будет считать дни до начала смены.

Глава 2. Самый лучший вожатый

Старенькая «Нива» с красным крестом скрылась за углом. Сбитнев выдохнул, покачал головой и, наконец, позволил себе опуститься на прохладные ступени крыльца. В ушах шумело, руки дрожали, сердце и не думало утихомириваться.

— Вот тебе и пошел на поправку, — сморщившись от сухости в горле, пробормотал Федор Иванович.

Два часа назад он уже готов был поверить, что с Максимом все в порядке. Но сейчас...

Сбитнев только начал подметать, когда на втором этаже открылось окно и показалась Нина Евгеньевна. Выглядела она гораздо лучше, чем вчера. Дворник улыбнулся, поздоровался. Серова в ответ кивнула и рассказала, что Максим недавно проснулся, неплохо поел и сейчас пойдет мыться. А она пока проветрит квартиру.

«Вот и славно», — подумал Федор Иванович, возвращаясь к работе.

Минут пять утреннюю тишину нарушал только шелест метлы. Потом из окна Серовых донеслись грохот, звон и крик:

— Не надо! Максюша!.. Миленький!..

В груди что-то оборвалось, во рту посолонело. Сбитнев бросил метлу и метнулся к подъезду. Взлетел по лестнице и заколотил в дверь.

— Помогите! Он же убьется!.. — открыв, Нина Евгеньевна вцепилась в руку дворника и потащила его по коридору.

Из ванной слышались мычание и стук. Сбитнев остановился в проеме и застыл, глядя на Максима.

Зажмурившись и оскалив зубы, тот сидел на полу и бил по голове пустой пластмассовой рамой из-под зеркала. Лоб и правая щека блестели от крови, узкие темно-красные дорожки бежали к груди. Вокруг блестели осколки, валялись флаконы с шампунями, пеной для бритья, мочалка, пара зубных щеток и кусок желтого мыла.

— Быстро носи простыню! — Федор Иванович обернулся, легонько подтолкнул Нину Евгеньевну.

Затем перешагнул через корзину для белья и открыл холодную воду. Вырвав у Максима раму, дворник повалил его и прижал руки к полу.

— Скорее! — крикнул он, с трудом удерживая парня.

Тот мотал головой, хрипел, скалился и пускал кровавые слюни.

В дверях появилась Нина Евгеньевна со скомканной простыней.

— Намочи! — велел Сбитнев. — Потом накроем его!

«Камзол» помог. Максим перестал биться и хрипеть, только изредка вздрагивал.

Сбитнев выдохнул, подошел к тихо плачущей Нине Евгеньевне и обнял.

— Я ничего не успела сделать! — зашептала она, не отводя глаз о сына. — Он как в зеркало посмотрел, сразу затрясся. Потом голову наклонил и бросился вперед. Ударился, чуть не упал. Вцепился в раму, сорвал со стены и начал себя бить. Осколки во все стороны летели. Господи! — Серова вздрогнула и с испугом посмотрела на дворника. — Что же я стою?! Он ведь поранился, ему врач нужен!

Она метнулась к телефону, но Сбитнев удержал ее за руку.

— погоди, — сказал он. — Врач ему и вправду нужен, но не какой попало. Есть у меня знакомый, очень хороший.

Дворник нырнул в карман брюк и вытащил старенькую записную книжку без обложки.

— Сейчас-сейчас, — бормотал он, торопливо перелистывая истрепанные страницы. —

Где там у меня Игорь Витальч... Ага, вот!

Игоря Витальевича Королькова Сбитнев знал больше двадцати лет. Они подружились, когда тот появился в городской психиатрической лечебнице еще желторотым интерном. Федор Иванович держал на себе всю хозяйственную часть больницы, Корольков плутал по запутанным тропкам людских душ. Правда, иной раз, когда поступал «острый» больной, завхозу и молодому врачу приходилось работать на пару, потому как сильных рук в лечебнице не хватало.

Время шло, Корольков дорос до главврача, а Сбитневу пришла пора отправляться на пенсию. Он помнил, с какой грустью Игорь Витальевич пожал ему на прощание руку и сказал, что в случае чего всегда готов помочь.

Вот это «в случае чего» и наступило...

Корольков ответил после третьего гудка. Выслушал, коротко сказал: «еду...» и уже через пятнадцать минут был в квартире. Осмотрел и обработал раны Максима, сделал укол слабого успокоительного и посоветовал на несколько дней поместить его в больницу.

— Устроим парню абсолютный покой, понаблюдаем, пообщаемся, — сказал Игорь Витальевич, присев рядом с притихшей от испуга Серовой.

Та только кивнула и вместе с Корольковым пошла собирать вещи Максима, а Сбитнев решил прибраться в ванной.

«Что ж он такое видит в зеркале-то? — размышлял Федор Иванович, складывая крупные осколки в мусорное ведро. — Ведь нормальный парень, не урод...»

Сбитнев поставил ведро в прихожей и остановился перед зеркалом, разглядывая собственное круглое, загорелое лицо с большой родинкой между темными бровями, нос в красных прожилках, кривоватые губы, коротко стриженные седые волосы.

Из комнаты Максима вышел Корольков.

— Мы готовы. Федор Иваныч, сможешь до машины проводить? — спросил он, встав рядом.

Сбитнев кивнул, глядя теперь на отражение психиатра.

Для сорока пяти лет тот сохранился великолепно. Не носил очки, а щурился лишь потому, что часто пребывал в задумчивости. Волосы и не думали седеть, на макушке только-только начали проявляться овальные очертания лысины. Последние пару лет Корольков стал стричься короче обычного — чтобы будущая плешь оставалась незаметной как можно дольше. Правда, он любил побаловать себя сладким, но за здоровьем следил тщательно и никогда не позволял животу выпячиваться дальше ремня на брюках.

Вскоре все вышли из квартиры. Нина Евгеньевна с сумкой шла впереди, Сбитнев и Корольков поддерживали Максима под руки. Погрузив его в служебную «Ниву», Федор Иванович пожал доктору руку и ободряюще кивнул Серовой. Отошел к крыльцу, проводил машину взглядом и обессилено опустился на ступеньки.

Укутанный шелестящей листвой двор хранил вчерашнюю безмятежность, и от этого Сбитневу делалось еще страшнее.

«Лишь бы все было хорошо», — подумал он, поднимая взгляд к утреннему небу в тонкой облачной дымке.

Корольков пообещал устроить Максима в отдельной палате. Что же, тем лучше. Нечего ему видеть обитателей лечебницы. Сбитнев помнил, какие они: все как один тихие, серые,

страдающие от кошмаров собственного разума. Тени, а не люди.

«Хотя нет...» — Федор Иванович покачал головой, кое-кого вспомнив.

Был у Королькова пациент, не похожий на остальных. Ходил по коридорам и дворику с важным видом, глядел свысока и на больных, и на врачей. Высокий, худой, чуть ссутуленный, с длинными седеющими волосами, собранными в хвост. Сбитнев не знал ни имени, ни фамилии пациента, а про себя называл его Беспалым — на правой руке у того не хватало безымянного пальца.

Как-то Федор Иванович чинил во дворе тележку. Услышал за спиной кашель, обернулся и увидел Беспалого. Тот огляделся, прикусив губу, наклонился и шепотом предложил «очень выгодную сделку».

— Отдай мне несколько капель своей крови и вскоре сможешь навсегда забыть об этой грязной работе, — сказал Беспалый, сверля Сбитнева темными, чуть воспаленными глазами.

В ответ Федор Иванович лишь усмехнулся, качнул головой и поспешил отойти. А Беспалый скривился, развернулся и пошел прочь.

После этого завхоз и больной виделись не единожды. И всякий раз Беспалый смотрел на Федора Ивановича со смесью брезгливости и злости.

«Интересно, что с ним сейчас? — задумался Сбитнев. — Он ведь все еще был в больнице, когда я уходил».

Вздыхнув, он поднялся, подошел к метле, лежавшей возле дерева, и взялся за работу.

За несколько дней до этого.

Дождь моросил с самого утра, но Макс радовался. Значит, дорога будет удачной. Он стоял на площади у курантов и держал табличку с номером отряда.

«И число счастливое!» — думал вожатый, поглядывая на большую красную семерку, украшавшую фанерку.

Часы пробили половину второго. Еще тридцать минут — и груженные ребятней автобусы двинутся в лагерь.

Вокруг Макса уже толпилось полтора десятка подростков. В стороне стояла воспитательница Ирина Олеговна — ухоженная сорокалетняя дама с круглым лицом, круглыми глазами, круглыми очками и круглыми кудряшками черного цвета. Она строчила в блокноте, умудряясь держать в левой руке и ручку зонта и блокнот. Изредка воспитательница прерывалась, хмурила брови, потом кивала и снова ныряла в записи.

«Слишком уж она нервная, — отметил Макс, наблюдая за воспитательницей. — Но ничего, мы с вами, Ирина Олеговна, все равно поладим!»

Он хорошо помнил, как три месяца назад, после разговора с мамой, дал себе слово стать самым лучшим вожатым. Надежной опорой для воспитательницы и лучшим другом ребят.

Не без волнения Макс разглядывал пеструю толпу школьников. В стороне он заметил низкого толстячка с ежиком рыжих волос и крупными веснушками на щеках. Мальчишка взволнованно смотрел на ребят и кусал губы, то и дело дотрагиваясь до очков в красной пластиковой оправе. Мама, тоже рыжая и полная, все норовила надеть ему капюшон синей джинсовки. Но толстячок морщился и откидывал его. У ног пацана стояла черная дорожная сумка с надписью «Adibass», которую тот старательно загораживал.

«Да уж, такому непросто будет найти друзей, — с долей тревоги подумал Макс. — Надо повнимательнее за ним приглядывать. А вот эта принцесса без кавалера не останется. Наверняка на первой же дискотеке отбоя от парней не будет».

Макс переложил табличку в левую руку, глядя на высокую брюнетку в темных джинсах

и белой водолазке. Девочка весело болтала с отцом — усатым мужчиной в костюме цвета хаки и берцах. Вдвоем они подошли к Ирине Олеговне, брюнетка отдала ей путевку. Воспитательница тут же вновь уткнулась в блокнот, а красавица, поправив хвост пышных волос, стала с любопытством оглядываться.

Серов усмехнулся, заметив, как на девчонку смотрит его напарница, вожатая Светка. Бесцветные, уменьшенные очками глазки шурились, маленький рот перекосялся, прыщавые щеки залило румянцем зависти.

«Надо же, еще в лагерь не уехала, а недоброжелательницей обзавестись успела», — усмехнулся Макс, мысленно обращаясь к брюнетке.

Когда он первый раз увидел напарницу, то расстроился. Три недели работы с низкой, толстеющей и сутулой третьекурсницей инфака, обладающей гадючьим характером, удовольствием не назовешь. К тому же, Серов успел убедиться, что Светка не любит детей. Так что толку в отряде от нее будет мало.

«Ну и пусть, — подумал Макс. — Сам справлюсь».

— Лешка! Сколько можно повторять: не трогай жвачку пальцами! Подхватишь заразу, и привезут тебя из лагеря с болями в животе! — высокая светловолосая женщина с большими темными очками на лбу держала за плечо худенького пацаненка. Тот хмурился и втягивал прилипшую к подбородку жвачку, пряча руки в карманах желтой толстовки.

— Ха! И будешь потом всю оставшуюся жизнь на унитазах сидеть! А чтобы смог передвигаться, к нему колесики приделают! — фыркнул другой мальчишка, похожий на первого, только постарше. — И станут все тебя звать Толчок-на-колесиках! По радио начнут говорить, как в страшилке: «Внимание! По городу едет Толчок-на-колесиках! Всем надеть противогазы или хотя бы заткнуть носы!»

— Андрей! Ну-ка прекрати глупости болтать! — одернула его женщина. Лешка, выглянув из-за ее спины, скорчил рожу и показал средний палец.

Макс еле сдержался, чтобы не расхохотаться. Эти двое скучать не дадут — он сам был таким в их возрасте.

«Хотя нет, — помрачнел Серов, до боли в ладони сжав табличку. — Ты был хуже. Гораздо хуже».

Он хорошо помнил, как шатался с братвой по городу, тормозил «маменькиных сынков» и, разжившись деньгами, шел стреляться в компьютерный клуб. Или находил незнакомый дворик, где можно было спокойно посидеть с бутылкой пива.

Как-то в промышленной зоне пацаны наткнулись на спящего среди коробок бомжа. Под ногами очень кстати оказались битые кирпичи и осколки бутылок. Макс до сих пор словно живую видел, как среди раскисающего картона ворочалось и хрипло материлось нечто в заляпанном пакостью, драном пальто, а компания — и он в том числе — гоготала, метая снаряды потяжелее.

Сейчас Макса затошнило от воспоминаний. Но тогда он чувствовал себя охотником — не понимая, что на самом деле был шакалом.

Потом умер отец. Макс не видел, он был с компанией, когда это случилось. Но не раз представлял, как папа вскрикнул, вытаращил глаза и стал ловить ртом воздух, заваливаясь на бок.

Мама потом все успокаивала Макса, говорила, что у отца было слабое сердце. Но Макс знал: виноват он — тринадцатилетний прыщавый ушлепок.

Площадь расплывалась перед глазами. Макс встряхнулся, несколько раз моргнул и чуть

отпустил табличку, потому как ладонь болела нестерпимо.

«Спокойно! — сказал он себе. — Все это осталось больше шести лет назад».

Как обычно, легче не стало. Макс чувствовал: то время все еще живет внутри. И однажды напомнит о себе...

— Максим! — к вожатому семенила Ирина Олеговна. Синяя просторная блузка развевалась, напоминая мантию. Нога в босоножке угодила в лужу, и на джинсовых бриджах осталось несколько мокрых пятнышек. — Максим, поднимите, пожалуйста, табличку повыше. Вдруг кто-нибудь из ребят не увидит номер отряда.

«Ну, вы даете! Во мне же метр восемьдесят роста плюс вытянутая рука!» — усмехнулся про себя Макс.

Но табличку приподнял и даже немного постоял на цыпочках — пока воспитательница не отвернулась. Потом снова посмотрел на братьев.

Андрей кивал, слушая наставления матери, Лешка вертелся неподалеку, отчего рюкзак за спиной болтался вправо-влево. Из рта рос очередной розовый пузырь. Отвернувшись от мамы и брата, Лешка быстро ткнул в шар пальцем. Тот лопнул, и мальчишка всосал жвачку.

Макс улыбнулся — эти ребята нравились ему все больше. Оба черноволосые, бледные и худые. Андрей выше примерно на полголовы. Наверное, у них полтора-два года разницы.

— Извините, — кто-то тронул руку Макса.

Вожатый обернулся и увидел рыжего толстячка. Тот робко смотрел на него, шаркая ногой по мокрому асфальту.

— О, привет! — улыбнулся Макс, поняв, что у мальчишки не хватит духу договорить. — Ты ведь в седьмом отряде будешь? Вот и отлично! Я там вожатый. Макс.

Он протянул рыжему раскрытую ладонь, и тот, слабо улыбнувшись, пожал ее.

— А меня Егор зовут, — сообщил он, приободрившись. Макс отметил, что голос у него слишком высокий — видимо, от волнения.

— Вот и познакомились. Давай-ка ты прощайся с мамой. Еще пять минут — и отправляемся.

Егор оглядел шеренгу длинных синих автобусов с открытыми дверями. Некоторые уже фырчали и работали дворниками. Потом снова робко улыбнулся и посмотрел на маму, стоявшую в стороне.

— Ребята! Седьмой отряд! — подала голос Ирина Олеговна. Она несколько раз хлопнула в ладоши и чуть не выронила зонт. — Начинаем садиться! Не толкаемся, все делаем организованно!

Договорив, она ринулась к автобусу с семеркой на лобовом стекле и застыла у дверей. Ребята загомонили, прощаясь с родителями, и стали стекаться к воспитательнице. Макс опустил табличку, чувствуя, что еще чуть-чуть — и рука бы срослась с ней. Он заметил, как девочка с темными волосами хлопнула отца по ладони, быстро обняла и пошла вслед за остальными. Мама Андрея и Лешки чмокнула обоих в щеки и погрозила младшему пальцем. Наверняка велела слушаться брата. Егор несколько секунд стоял в обнимку с матерью. Потом та погладила сына по голове, все-таки накинула ему капюшон и подала сумку. Мальчишка подхватил ее и, при каждом шаге задевая ногой, посеменял к автобусу.

Ребята кидали вещи в багажное отделение, толпились у дверей. Ирина Олеговна что-то говорила и жестикулировала, руководя посадкой. Рядом, скрестив на груди руки, стояла Светка.

Вслед за ними Макс поднялся в салон и огляделся. Многие прилипли к окнам, прощаясь

с родителями. Воспитательница по пятому кругу пересчитывала ребят. Светка плюхнулась на сиденье рядом с кабиной и уткнулась в мобильник.

— Все, мы отправляемся! — объявила Ирина Олеговна, усаживаясь с вожатой.

Макс устроился сбоку и улыбнулся ребятам. Дверь зашипела, захлопнулась. Автобус качнулся, будто судно, спущенное на воду, и плавно тронулся. Прощаясь, ожили куранты, и седьмой отряд радостно завопил.

Дождь усиливался. Улица проносилась в окне все быстрее, дома сменяли друг друга, из водосточных труб вырывались пенные потоки. Лужи у бордюров пузырились, кроны обстриженных деревьев напоминали пучки зелени, глянцевого от дождя. Машины катерами носились по залитой проезжей части, люди под зонтами были похожи на ожившие грибы.

Макс уперся виском в окно и скосил глаза, глядя, как на стекле дрожат капли. Большая часть города осталась позади, колонна автобусов проезжала мимо желтой двухэтажки — психиатрической больницы.

«Вот уж где бы не хотел оказаться», — подумал Макс, глядя, как вдоль здания проходит плотный человек в белом халате. Спасаясь от дождя, он вжимал в плечи коротко стриженую голову и прихлопывал по бедру черной кожаной папкой.

Показались дома с зеленеющими огородами. Кое-где Макс видел людей. Возле ворот одной избушки топтались куры, за забором гавкала крупная серая дворняга.

Салон наполнялся голосами — ребята понемногу знакомились. Макс отыскивал взглядом братьев. Андрей что-то выговаривал Лешке, тот строил рожи, передразнивая.

«Вот клоун! — усмехнулся Макс. — За ним в отряде глаз да глаз нужен».

В конце концов, терпение старшего брата лопнуло, и Лешка заработал локтем в грудь.

«Да и Андрея не надо без внимания оставлять», — мысленно добавил вожатый.

Ирина Олеговна пару раз вставала и осведомлялась: не укачивает ли кого. Ребята вразной отвечали, что все в порядке. Светка с кислой миной так и пялилась в мобильник.

«На ее физиономию долго смотреть — точно вывернет», — ухмыльнулся Макс, оглядывая салон.

Колонна автобусов проезжала мимо поля. Небо не думало светлеть, и пейзаж за окном напоминал аппликацию — зеленую равнину будто бы наклеили на лист плотной, темной, с лиловым отливом бумаги. Дождь стучался в стекло, капли ползли вниз, порывы ветра сдували их в сторону. А теплый и сухой салон казался самым уютным местом на свете.

«Впереди потрясающие три недели, — думал Макс, довольно потягиваясь. — Я отлично проведу время. Иначе и быть не может».

Глава 3. Лесной вагончик

В магазине было прохладно, пахло копченой колбасой и сыром. Под потолком гудел кондиционер, из старого магнитофона за прилавком лилась «Зимняя вишня». На весах лежал завернутый в целлофан фарш, вдоль стены тянулись полки с консервами, конфетами, пряниками, выпечкой и бутылками. Продавщица, невысокая полная женщина с рыжими, подстриженными «под мальчика» волосами, склонилась над большой тетрадью на пружине. Когда Сбитнев подошел ближе, она выпрямилась и сдержанно улыбнулась.

— Здравствуйте, Федор Иванович, — сказала продавщица, откладывая тетрадь. — С работы?

— С работы, Мариночка, — отозвался Сбитнев. — Откуда же еще.

— Что-то выглядите вы не очень. Заболели?

— У знакомых беда приключилась... — Федор Иванович замолк, вспомнив два прошедших дня. Посмотрел в пол и тихо договорил: — Вот, помогаю, чем могу.

Марина кивнула, закусилась нижней губой и тоже опустила глаза.

— А ты чего такая невеселая? — спросил Сбитнев.

Продавщица прерывисто вздохнула:

— Знаете, и у нас ведь не все в порядке. Помните, я рассказывала, что Егорку в лагерь отправила? В наш, в «Березки».

— Было дело, — ответил дворник, чувствуя, как внутри всколыхнулось волнение.

«Опять эти «Березки!» — подумал он.

— Позавчера утром мне оттуда позвонили, — продолжила Марина. — И заявили: забирайте сына, он дисциплину нарушает. Я, естественно, беру отгул, мчусь в лагерь этот. Приезжаю, гляжу на Егора и не узнаю его! За два дня осунулся, под глазами тени какие-то странные. Розовые. И на шее тоже розовая полоса. Вроде как шрам... Но и не шрам... Не даже не это главное. Он ведь у меня тихоня. Домашний, ласковый. А тут стоит передо мной, смотрит исподлобья и губы кривит. Спрашиваю: что случилось. Плечами пожимает, бурчит и отворачивается. Ладно, думаю, домой привезу — придет в себя. Все-таки первый раз в лагерь поехал, переживал.

— И как? — спросил Федор Иванович.

— Да все так же, — голос продавщицы дрогнул. Дворник понял, что она готова расплакаться. — Слова не вытянешь, все в комнате норовит запереться. А Барбос, кот наш, вообще с ума сходит. По углам прячется, а если Егора увидит — сразу уши в голову вжимает и шипит. А Егор глядит на него и ухмыляется...

— Дела-а, — протянул Сбитнев. — А что он в лагере-то натворил?

— Как сказала Светлана Максимовна, директриса, он вместе с тремя ребятами из отряда перед отбоем сбежал в лес. В итоге весь лагерь на уши поставили, чтобы их найти. Отыскали, а они все грязные, оборванные и перепуганные насмерть. Начали их спрашивать, что случилось, зачем в лес пошли. А они молчат, будто сговорились. Да не будто, а точно сговорились, я думаю!

— Тут ты права. Они иной раз, как партизаны, — Федор Иванович заставил себя добродушно усмехнуться. — А за Егора не переживай. Взрослеет парень, меняется.

— Наверное, — неуверенно кивнув, ответила Марина. — Ой, заболтала я вас! Вы ведь купить что-то хотели?

...Расплатившись за две булки «Бородинского», коробку рафинада и пакет молока, дворник вышел и огляделся.

От ступенек магазина брала начало пыльная, усыпанная щебенкой тропка. Петляя, она вела вправо и вверх и заканчивалась у водонапорной башни, вокруг которой стояло несколько желтых маршруток. Пухлые кучевые облака неторопливо плыли к западу, бросая подвижные тени на прогретую землю. Сзади высились коробки панельных пятиэтажек с бордовыми пунктирами балконов. Под их серыми боками ютились частные дома с огородами. Неподалеку, гремя цепью, глухо гавкал пес, в воздухе витал запах костра. Слева, за трубами теплотрассы и железной дорогой зеленело поле. И где-то там, в двадцати с лишним километрах, стоял детский лагерь «Березки».

«Непросто все с этим лагерем, — спускаясь, думал Сбитнев. — Сердцем чувствую».

За несколько дней до этого.

«Когда уже дождь кончится?» — думал Андрей Новожилов, хмуро глядя в окно автобуса. Сотни капель скользили вниз, оставляя длинные извилистые дорожки.

Хлоп!

Андрей повернулся к Лешке. С губ брата розовой тряпочкой свисала жвачка, на бледной физиономии с россыпью веснушек застыло довольное выражение.

«Опять пузырь пальцем проткнул, — понял Андрей, косясь на брата. — Точно когда-нибудь сразу подцепит, Толчок-на-колесиках!»

Он усмехнулся и снова уставился в окно. Мимо проплывал холм, на склоне паслось несколько коров. Буренки окунали морды в траву, изредка взмахивая хвостами.

— Чего хмыкаешь, Андрюша? — Лешка толкнул его в бок и почти вплотную приблизил лицо. Серые глаза, как обычно, ехидно шурились, челюсти терзали жвачку.

— Да вот, на родственников твоих смотрю, — Андрей с ухмылкой указал на стадо. — Тоже вечно жуют, только пузыри не надувают. Наверное, потому что их копытом протыкать неудобно. Интересно, когда у тебя копыта вырастут, ты тоже пузыри надувать перестанешь? Я буду очень рад.

— Пошел ты! — Лешка снова пихнул брата локтем и стал выдувать очередной пузырь.

— Решил новый рекорд поставить? — лениво поинтересовался Андрей, наблюдая, как растет розовый шар. — Только осторожно, а то взрывной волной остатки мозгов выбьет.

Брат пропустил колкость, вытянул указательный палец и быстро ткнул в пузырь. Хлопка не получилось — шар с тихим шипением стал съеживаться. Лешка нахмурился, заглотил жвачку и отвернулся, заработав челюстями энергичнее прежнего.

Андрей снова уставился в окно. Интересно, сколько еще ехать? От города до лагеря примерно двадцать пять километров. На папиной машине добрались бы минут за двадцать, если не раньше. А караван автобусов тащился уже больше получаса. Пятая точка начинала ныть, пейзаж за окном надоедал.

«Ничего, — успокаивал себя Андрей, ерзая на сиденье. — Приедем в лагерь и оторвемся, как следует!»

Этого дня Андрей ждал долгий учебный год. Ребята ездили в «Березки» третье лето подряд и с гордостью называли себя аборигенами лагеря. Они вдоль и поперек изучили окрестности и, тем не менее, частенько обнаруживали что-нибудь новое.

Тем летом, например, наткнулись на заброшенную прачечную с огромной, привинченной к бетонному полу стиральной машинкой. Лешка тут же сочинил про домик страшную историю.

— Очень давно, — рассказывал он друзьям, — там работала старуха. Она стирала только по ночам и колдовала над простынями, наволочками и одеялами. Ребятам, которые потом на них спали, постоянно снились кошмары, а старуха подпитывалась страхом. Но однажды ночью разразилась сильнейшая гроза. Бабка, как обычно, стирала и колдовала. Вдруг молния попала прямо в прачечную, пробила крышу и ударила старуху. Та потеряла сознание, упала в машинку, которая продолжала работать, и ее искромсало, как в мясорубке. С тех пор ребята стали спать спокойно, но в день смерти старухи можно снова услышать жужжание стиральной машины и увидеть призрак, который летает вокруг прачечной.

История привела всех в восторг. Лешка даже пару раз водил в заброшенную прачечную экскурсии, где снова рассказывал страшилку, добавляя новых кровавых подробностей.

«Голова у него работает, как надо, — думал тогда Андрей, вместе с экскурсоводом поедая заработанные конфеты. — Жаль, не так часто, как хотелось бы».

Может, и в этом году удастся подзаработать. Новожилов уже несколько раз оглядывал салон и не увидел ни одного знакомого лица. Вожатые и воспитательница тоже были новые. Ирина Олеговна Андрею не очень понравилась — бочка на ножках, к тому же, довольно нервная. Такая за каждым шагом будет следить, так что толком не повеселишься. Уже сейчас по салону взглядом шарит, будто прожектором. Вожатая Светка вообще кикимора, а вот Максим вроде бы ничего — веселый, приветливый.

— Ребята! — воспитательница поднялась и выступила вперед. — У всех все в порядке? Никого не укачивает?

Андрей усмехнулся, мотнув головой, и откинулся на спинку кресла. Ирина Олеговна задавала этот вопрос уже в третий раз.

Автобус наполнился нестройным хором — все чувствовали себя нормально. Воспитательница кивнула и вернулась на сиденье. Лешка закатил глаза и нагнулся, изображая, что его выворачивает. Он перестарался: жвачка вылетела изо рта и шлепнулась возле ног. Лешка нахмурился и легонько пнул розовый комочек под сиденье.

Андрей увидел, что вожатый Максим усмехнулся, заметив, как брат избавляется от улик.

«Нормальный чел. Надо бы его уговорить перед отбоем страшную историю рассказать, — решил он, глядя на Лешку, который распечатывал очередной квадратик жвачки.

— У тебя когда-нибудь или нижняя челюсть отвалится или мозги в слюне раскиснут, — заявил Андрей, пихая брата локтем.

— А что еще делать? — развел тот руками, громко чавкая. — Скучотень!

Тут Андрей не стал возражать — поездка ему уже надоела. Он снова уставился в окно. В стороне от дороги за сетчатым железным забором с проржавелыми воротами стояло несколько старых тракторов и комбайнов.

«Интересно, хоть один на ходу?» — подумал Андрей, разглядывая технику.

Автобус миновал стоянку, и Новожилов увидел несколько домов. Чуть дальше мужик в синем спортивном костюме и плоской кепке вел черную лошадь. Рядом, помахивая хвостом, семенила здоровая псина с длинной рыжей шерстью. Вдалеке виднелась гора, укрытая густой зеленью деревьев.

— Не так долго ехать осталось, — заметил Лешка, выглядывая в окно. — Минут пятнадцать, может, чуть больше. Вон, уже лес начинается.

«Пятнадцать минут! — мысленно проворчал Андрей, провожая глазами первые березы

и сосны. — У меня к этому времени зад к сиденью прирастет — я поднимусь, а он останется!»

Покачав головой, он выудил из рюкзака «пээспэшку» и стал загружать игру. На дисплее появилась рука с пистолетом, и Андрей, закусив губу, принялся жать на кнопки.

Новожилов обожал носиться по заброшенным заводам, космическим кораблям и секретным базам, выпуская тысячи патронов в инопланетян, мертвяков, мутантов и зомби. Оружие захлебывалось пальбой, противники разлетались кровавыми ошметками, и Андрей следовал дальше.

Иногда, проходя уровень, он гадал: хватило бы у него духу встретиться с кем-нибудь из компьютерных уродцев в реальной жизни? Андрею хотелось проверить, однако компьютер, приставка или телефон не желали выпускать тварей на волю, и он вынужден был разбираться с ними, находясь в безопасности.

Пистолет стрекотал без умолку. Пальцы все быстрее сновали по кнопкам. Мутанты с серой кожей, красными глазами и оскаленными пастями подышали один за другим.

— Началась мясорубка, — пробормотал Лешка, наклоняясь к Андрею. — Докуда дошел?

— Третий этаж, лазарет, — бросил тот, тяжело дыша. Нос понемногу приближался к приставке, глаза пялились в экранчик, не мигая.

— Дашь потом чуть-чуть поиграть?

— Подожди, не мешай!

Лешка снова лопнул пузырь. В ту же секунду снаружи раздался хлопок. Автобус завиял, будто очутился на слаломной трассе. Завизжали шины, и экипаж стал замедляться. По салону прокатился гул голосов.

Андрей нажал паузу и огляделся. Кое-кто из ребят приподнялся и вытягивал шею, вертя головой. Автобус остановился, фыркнул, будто отдувался после долгого пути, и заглох.

— Что такое? — Андрей отыскал глазами Ирину Олеговну.

Та повернулась к кабине и разговаривала с шофером. Вожатые обменивались удивленными взглядами. Ребята продолжали гадать, что случилось. Сзади засигналили.

— Похоже, мы создали пробку, — пробормотал Лешка, оглядываясь на автобусы.

Дверь кабины открылась. Водитель, сухой мужичок с длинными усами и блестящей макушкой выпрыгнул и присел на корточки рядом с колесом.

— Спустило что ли? — предположил Андрей. — Если так, мы здесь надолго застрянем.

Он уставился перед собой, хмурия брови. Этого еще не хватало! Добирались-добирались, и вот на тебе! Пятая точка ныла все сильнее, желудок забурчал от голода.

Ирина Олеговна выбежала из автобуса и подошла к водителю. Андрей вытянул шею и увидел обоих возле кабины. Шофер разводил руками. Воспитательница, подбоченившись, стояла рядом. Они говорили минут пять, потом Ирина Олеговна вернулась в салон, и по ее лицу Андрей понял, что не услышит ничего хорошего.

— Ребята, — начала она, потирая руки. — Произошла маленькая неприятность — спустило переднее колесо. Не надо волноваться, скоро его поменяют, и мы благополучно доберемся до лагеря.

— Зашибись! — выдохнул Лешка, хлопнув по подлокотнику.

Андрей смотрел в окно. Автобусы неторопливо объезжали их экипаж. В окнах виднелось множество любопытных лиц.

«Все, нас бросили», — подумал Андрей, провожая колонну мрачным взглядом. Потом

поднялся и пихнул Лешку ногой.

— Ты чего? — уставился на него брат. — Пешком до лагеря собрался?

— Типа того. Хотя бы на улицу выйду. Сидеть уже не могу. Давай вместе?

Лешка кивнул, и оба прошли к выходу.

— Куда это вы? — поинтересовалась Ирина Олеговна. Она строго посмотрела на братьев — будто просканировала.

— Можно нам погулять? — спросил Лешка. — Сидеть уже надоело.

— Ничего страшного, потерпите. Водитель сказал, что через тридцать минут все будет готово. А теперь быстренько по местам!

«Досталась же нам воспитка!» — с обидой подумал Андрей.

Он хотел уже развернуться, но тут поднялся Максим:

— Ирина Олеговна, пусть ребята немного прогуляются, я за ними присмотрю. Дождик кончился, на улице свежо, самое время воздухом подышать. Вы ведь далеко уходить не собираетесь? — обратился он к братьям, и те дружно мотнули головами.

— Ну, хорошо, пусть идут, — сдалась воспитательница. По залитому румянцем круглому лицу было видно, что затея по-прежнему ей не нравится. — Только прошу вас, смотрите за ними внимательно!

Максим кивнул, подмигнул ребятам и первым вышел из автобуса.

— А вы будьте все время на виду! — напутствовала Ирина Олеговна.

Братья выскочили из автобуса, и Андрей втянул прохладный воздух. Дождь кончился, и лишь в траве шуршали капли, срывающиеся с листы. Под слабыми дуновениями березовые ветви чуть слышно шелестели, будто деревья переговаривались.

— Пойдем, — сказал Лешка и стал спускаться в заросли. Он поскользнулся и едва не шлепнулся, смешно взмахнув руками.

Андрей усмехнулся и последовал за братом.

Оказавшись под навесом ветвей, он поежился — возникло чувство, будто его вот-вот накроет зеленой волной. Трава холодила ноги, и Андрей пожалел, что надел шорты.

Лешка вышагивал метрах в десяти. Фигурку в желтой толстовке и синих джинсах то и дело скрывали черно-белые, чуть изогнутые стволы.

— Чего застрял, Андрюша? — крикнул Лешка, подбирая трухлявую березовую ветку. Та переломилась после легкого взмаха. — Блин, запустить в тебя хотел, но она рассыплется, пока лететь будет.

Фыркнув, Андрей повернулся к автобусу.

Остальные ребята тоже не стали засиживаться. Бродили вдоль дороги, потягивались, разминали затекшие ноги. Возле вожатого крутился низкий толстяк с рыжими волосами. Максим что-то объяснял, указывая вдаль.

«Хороший у нас вожатый», — снова подумал Андрей и направился за Лешкой.

Дорогу преградила поваленная береза с налипшей на корни землей. По стволу сновало не меньше сотни муравьев. Андрей сорвал травинку, подцепил одного, и тот, будто канатоходец, уверенно направился к пальцам.

— Эй, натуралист! — окликнул Лешка. Он все еще размахивал палкой. — Пойдем дальше. Охота что-нибудь интересное найти.

Андрей отпустил муравья, перешагнул через ствол и бегом нагнал брата. Подул ветер, и ветви качнулись, окатив обоих дождевой водой. Ребята выругались, поежились и двинулись дальше. Прошли метров пятнадцать, остановились у огромного муравейника. Покатая

вершина доставала Андрею до груди.

— Прямо египетская пирамида, — Лешка ткнул палкой и стал наблюдать, как засуетились насекомые. — Вон, забегали!

— Тебя палкой тыкнуть, еще бы не так забегал! — Андрей толкнул брата, тот едва удержал равновесие.

Отбросив палку, Лешка кинулся вперед и хотел сделать подножку, но Андрей увернулся и наступил в муравейник. По коже тут же забегало несколько десятков букашек. Он вскрикнул и затряс ногой. Лешка в двух шагах согнулся и хохотал.

— Ну, все... — Андрей сделал страшное лицо и сжал кулаки.

Лешка ойкнул и, едва не поскользнувшись, бросился бежать.

Минут пять братья с воплями носились между деревьев, с треском прорывались сквозь кустарник. Зеленая листва и травы, черно-белая кора и серое небо мелькали перед глазами. Воздух с каждой секундой все сильнее обжигал легкие.

В конце концов, Андрей схватил брата за капюшон и потянул. Лешка не удержался, взмахнул руками и плюхнулся на землю. Несколько секунд он лежал, хватая ртом воздух и глядя в небо.

— Фу-у-ух! Вот это побегали! — выдохнул он, поднимаясь.

— Нормально, — Андрей стоял рядом, уперев руки в колени.

Подул ветер, он выпрямился, втянул ноздрями и нахмурился. Что-то не так... Откуда этот едва ощутимый запах?

— Тоже чувствуешь? — спросил Лешка, чуть сморщив нос. — Тухляком каким-то несет.

Андрей кивнул и стал оглядываться, пытаясь понять, откуда идет вонь. Точно так же однажды пахло в школе. Преподаватели с завхозом все этажи излазили, пока, наконец, не заглянули в вентиляцию. Там оказался гниющий кусок мяса — видимо, засунули жадные до приколов старшеклассники.

Новожилов помнил, как директриса вскрикнула и, прикрыв рот ладошкой, ломанулась в туалет. Кое-кто вдоволь повеселился, но Андрею было не до смеха — слишком уж мерзко выглядел кусок мяса.

Ветер усиливался, вонь вытесняла свежесть леса. Братья вертели головами, Лешка не выдержал и зажал нос.

— А там еще что такое? — прогундосил он, указывая на темное пятно под сосной, метрах в пятидесяти. — Может, это оттуда несет? Давай глянем.

Меньше всего Андрею хотелось тащиться дальше, чтобы посмотреть на какое-то темное пятно. Но Лешка, не разжимая носа, уже шагнул вперед, и оставалось только пойти следом.

Сосна приближалась, пятно росло. Ветви продолжали шелестеть, заглушая шаги, ветер проникал под футболку, шевелил невидимыми пальцами волосы на макушке.

— Фу, блин! Ну и гадость! — Лешка с воплем отшатнулся и отдал Андрею ногу.

Новожилов стиснул челюсти и отвел взгляд.

Черные и серые перья. Скрюченные, похожие на веточки лапки. Куски мяса и косточек. Настоящее птичье кладбище... Объеденные и раздавленные тушки ворон, галок, синиц и воробьев опоясывали сосновый ствол. Перья чуть подрагивали на ветру, отчего казалось, что трупы шевелятся.

— Достань телефон, — прошептал Лешка, глядя на горку мертвых птиц.

— Зачем? — насторожился Андрей.

— Давай сфоткаем! Этим же реально напугать можно! Все в отряде со страху

пообдeldьваются!

Не понимая зачем, Андрей полез в карман за мобильником. Отодвинув затвор, он навел объектив на гору птичьих останков и сделал снимок.

— Покажи! — Лешка выхватил телефон и пару секунд глядел на дисплей, затем довольно кивнул. — Как думаешь, кто это сделал?

— Почему я знаю? Может, сатанисты какие-нибудь. У них ведь куча всяких ритуалов. Наловили птиц, посворачивали бошки, вымазались кровью и давай по лесу бегать. Ненормальные, короче.

— А если они и сейчас рядом? Сатанисты эти, — Лешка завертел головой. Обычно бледное лицо казалось серым. — Может, мы зря так далеко ушли?

Андрей обернулся и поежился, глядя на автобус, казавшийся меньше игрушечной машинки. Голоса ребят были едва слышны, и крохотный синий прямоугольник экипажа напоминал мираж. Настоящими были только деревья, хмурое небо, сырая трава и куча изуродованных птиц. Словно соглашаясь, в листве вновь зашелестел дождь.

— Пойдем, — Лешка вертел телефон и жадно смотрел назад. — Сейчас дождь начнется. Вымокнем, и от Олеговны достанется.

— Ха! Воспитку он испугался! — ухмыльнулся Андрей. Он редко видел брата таким серьезным и не мог не подколоть. — Струсил — так и скажи!

— Кто струсил?! Я?! — Лешка вытаращился и облизнул губы. — Догоняй!

Он бросил брату телефон, развернулся и помчался вперед. Андрей охнул, поймал мобильник и рванул за Лешкой. Желтая толстовка мелькала между деревьев, будто солнечный зайчик. Расстояние увеличивалось.

Деревья словно выросли перед лицом и тут же отскакивали. Среди стволов постоянно приходилось вилять, и Андрей никак не мог разогнаться. Ноги разъезжались на траве.

— Лешка! — крикнул он.

Брат несся, уменьшаясь на глазах. Он мог в любую секунду исчезнуть за стеной деревьев.

— Подожди! Остановись! — надрывался Андрей.

Нога за что-то зацепилась, и он покатился по земле. Мир несколько раз перевернулся, потом перед глазами застыло небо. Березы шевелились, отчего казалось, будто кроны двигают тяжелые тучи. Дождь поливал разгоряченное лицо, и Андрей постепенно выравнивал дыхание.

Он подвигал руками и ногами. Вроде ничего не сломано, только правая коленка саднит. Андрей сел и огляделся. Деревья слева. Деревья справа. Тяжесть серого небосвода сверху. Мягкая земля под ногами. И больше ничего — ни автобуса, ни брата.

— Лешка! — снова крикнул Андрей, вскочил и завертелся.

Никогда раньше он не замечал, что лес может быть таким однообразным. Откуда он пришел? В какую сторону побежал Лешка? Где дорога?

Андрей понял, что не может ответить ни на один вопрос. Сейчас он был не против вернуться хотя бы к куче дохлых птиц. Втянув ноздрями, Андрей попытался уловить вонь. Ничего.

Дождь усиливался. Футболка намокла и стесняла движения. По телу пробегала дрожь, зубы начали постукивать.

«Нужно что-то делать, иначе продрогнешь», — сказал себе Андрей и снова огляделся.

Неподалеку росла пара молодых сосенок. Андрей метнулся к ним, но тут же

остановился. Видел ли он их, пока бежал? Что он вообще видел, кроме желтой толстовки? И чем думал, когда дразнил Лешку? Знал ведь, что тот может отчебучить нечто подобное!

«Успокойся! — велел себе Андрей, снова направляясь к сосенкам. В случае чего они послужат ориентиром. — Будешь психовать — до темноты из леса не выберешься!»

Он задрал голову и тут же зажмурился — с неба лило, как из ведра.

Но на самом деле хорошо, что пошел дождь. Ирина Олеговна наверняка загнала всех в автобус и поняла, что двоих не хватает. Тех самых, которым так не терпелось прогуляться.

Андрей вспомнил теплый и сухой салон. Чего ему не сиделось внутри? Подумаешь, задница отваливалась!

В голову закралась нехорошая мысль: что если он больше не вернется в автобус?

Да нет, ерунда! Воспитательница уже подняла тревогу и отправила вожатых бегать по лесу. Нужно только прислушиваться, чтобы не пропустить голоса. Хотя как разобрать свое имя, когда дождь непрерывно шуршит листвой? Собственные шаги и то с трудом различить можно...

Что если самому покричать?

Сложив ладони рупором, Андрей гаркнул:

— Лешка! Ты где?!

В ответ лишь шум дождя. Андрей прошел немного, снова огляделся и нахмурился.

Как будто кто-то идет. Может, Лешка услышал и возвращается?

Если бы дождь прекратился хоть ненадолго!

Но спустя несколько секунд шум ливня уже не мог скрыть шагов. Кто-то приближался.

— Лешка! Это ты?!

Андрей остановился возле изогнутого ствола березы и стал всматриваться в заросли рядом с огромной, покрытой мхом глыбой. Почему брат не отвечает? Решил поиграть?

— Лешка! Кончай! Нам в автобус пора!

Не получив ответа, Андрей попятился.

Там не Лешка. У него шаги другие — частые.

— Максим, это вы? — спросил Андрей, продолжая отступать.

«Кто там?!» — гадал он, пролезая под стволом, готовый в любую секунду развернуться и бежать.

Перед глазами снова появилась куча изуродованных птиц. Потом воображение нарисовало тощего голого мужика, измазанного кровью и грязью. Он крался по-звериному, припадая к земле. Поворачивал лысую башку, принюхивался и скалился, вращая красными глазами.

«Мотать отсюда надо!» — решил Андрей.

Неподалеку вздрогнули кусты.

Андрей развернулся и бросился бежать. В любую секунду он ожидал услышать вопли. Но вместо этого донесся девчоночий голос:

— Эй! погоди!

Андрей затормозил. Проехался по траве, но не упал. Обернувшись, он увидел девчонку из их отряда — высокую, с темными волосами. Она подошла к изогнутой березе и стала отряхивать черные джинсы.

— Ну и заставил же ты меня побегать! — сообщила она, недовольно глядя на Андрея. — Носитесь оба, как угорелые!

Тот все еще стоял вполоборота и смотрел на девчонку. Испуг понемногу уступал место

удивлению.

— А ты чего? Следила за нами что ли? — спросил Андрей, возвращаясь к березе.

— Скажем, приглядывала, — девчонка усмехнулась. — Когда я увидела, что вы углубились в лес, решила пойти за вами. Мало ли что... И, как видишь, не напрасно.

Она выпрямилась, и Андрей почувствовал, как щеки заливают краска. Того гляди, от намокшего лица пар пойдет.

Это же надо! Какая-то девчонка бегала за ним, как нянька! Хотя нет, не какая-то, а довольно симпатичная. С густыми темными волосами, большими глазами и красивой улыбкой. Если бы еще не смотрела на него, как на идиота...

— Ладно, не дуйся, — сказала девчонка. — Нам еще твоего брата надо найти. Пойдем.

Она развернулась и направилась к кустам, подрагивающим под напором ливня.

— Разве нам туда? — Андрей сделал пару шагов и остановился.

— Когда ты упал, то стал вертеться и в итоге взял левее. Так что сначала вернемся к тому месту.

Андрей почувствовал себя маленьким мальчиком, которому объясняют, на какой свет переходить улицу. Однако он снова был не один и понемногу успокаивался.

Наконец он смог оглядеть себя. Насквозь промокшие шорты и футболку покрывали пятна грязи и лесной мусор, на локтях и правой коленке содрана кожа. Ощупав затылок, Андрей поморщился — видно, набил нехилую шишку.

— Пойдем. И так уже кучу времени потеряли, — напомнила девчонка, двигаясь вперед.

Андрей кивнул и стал догонять. Ребята миновали заросший мхом валун, наполовину укрытый травой и папоротником. Андрей все время оглядывался: было около трех, однако из-за туч казалось, что на лес опускаются сумерки.

— Кстати, это, кажется, твое, — девчонка протянула телефон. — Нашла там, где ты упал.

Новожилов кивнул, взял мобильник и нахмурился. На дисплее так и остался снимок с кучей мертвых птиц. Девчонка исподлобья посмотрела на Андрея.

— Зачем вы их сфотографировали? Ничего более гадкого я в жизни не видела.

— Я тоже, — признался Андрей. — Поэтому и снял. Мы с Лешкой хотели всех в лагере этой фоткой пугать.

Он снова взглянул на телефон. Нет, лучше избавиться от этой мерзости. Андрей удалил снимок и сунул телефон в карман.

«А ведь обратно придется идти мимо этой кучи», — подумал он и ускорил шаг.

Больше всего на свете Андрею хотелось побыстрее найти Лешку и свалить из этого леса. Шум дождя стал напоминать шаги — будто кто-то подкрадывался сзади.

Рядом хрустнула ветка. Андрей тут же замер и стал оглядываться.

— Ты чего? — спросила девчонка, указывая под ноги.

— Все нормально, — отозвался Андрей, в очередной раз почувствовав себя идиотом. — Просто подумал, вдруг Лешка рядом.

Девчонка кивнула, но Андрей понял, что она не поверила.

— Ты так и не представилась, — напомнил он.

— Ах да, извини. Просто как-то не до этого было, — девчонка усмехнулась, и Андрею снова захотелось провалиться сквозь землю. Ей что, в кайф каждые пять минут напоминать, какой он придурок? — Оля. Оля Герасимова.

«Бонд. Джеймс Бонд, — мысленно передразнил Андрей. — Ведет себя, как крута»

суперагентша!»

Он понимал, что злится больше оттого, что Оля ему понравилась. И ничего не мог с собой поделать. Защитная реакция или как там это называется?..

— Ну вот, — Оля остановилась возле тех самых сосенок. — Здесь ты и упал. Наверное, запнулся о камень, — она указала носком кроссовки на булыжник, скрытый в траве. — Честно сказать, я сначала даже испугалась. Ты чуть ли не сальто сделал, вполне мог шею сломать...

Оля замолчала, и Андрей сжал кулаки, ожидая, что она снова усмехнется. Но девочка поджала губы и посмотрела в сторону. Там, в полусотне шагов, за узкой тропкой начинался подъем.

— А Лешка побежал туда, — добавила она. — Пошли.

Оба двинулись дальше.

— Так что случилось? Почему вы поссорились? — спросила Оля.

— Не знаю, — пожал плечами Андрей. — По глупости. Я начал дразнить Лешку, когда тот предложил вернуться к автобусу. Сказал, что он струсил. Вот Лешка и вспылал.

— Дураки. Нашли, где шутить.

Андрей поджал губы, кивнул и замер.

Что это?

Как будто его только что позвали по имени. Но голос доносился издалека, а дождь, как назло, зарядил с новой силой.

— Ты чего? — Оля тронула его за плечо.

— Не слышала? — Андрей прищурился и стал озираться.

— Аы-ы-ы-е-ей-й! — донеслось из-за деревьев.

Ребята вздрогнули и посмотрели влево. Андрей кивнул Оле и хотел бежать на голос, но девочка схватила его за рукав.

— Пусти! — Новожилов стал вырываться, футболка треснула. — Там Лешка! Он зовет меня!

— погоди! — Оля подняла руку и свела брови.

Андрей недоуменно смотрел на девчонку. Чего она насторожилась? Они ищут Лешку, тот первый дал знать о себе. Осталось только встретиться и можно возвращаться в автобус.

Мотнув головой, Андрей снова рванулся.

— Да погоди ты! — зашипела Оля, прислушиваясь.

— Чего годить-то?! — крикнул Новожилов.

Оля подскочила к нему и зажала рот ладонью.

— Не ори! Он может услышать!

— А мы чего хотим? Разве не этого? — Андрею удалось вывернуться, и он уставился на девочку.

Оля все так же напряженно вслушивалась, но лесные звуки тонули в шуме дождя.

— Объясни, что происходит? — потребовал Андрей. — Там мой брат! И он зовет меня!

— Я не уверена, что это Лешка, — почти шепотом ответила Оля.

— А-а-а-аы-ы-ы-е-ей-й-й! — снова донеслось издалека.

— Слышал? Не очень-то похоже на твоего брата!

Андрей нахмурился. Голос действительно очень странный. Прерывистый, будто кто-то выталкивал звуки, причем с трудом. И намного ниже, чем у Лешки.

— И кто это может быть? — спросил он.

— Не знаю.

Неизвестный позвал Андрея в четвертый раз. Ребята отшатнулись и тут же услышали птичий крик и что-то, похожее на кашель.

— Что там творится? — выдохнул Андрей, обшаривая глазами траву в поисках палки или камня. Сердце, казалось, разбухало с каждым ударом, а птица все кричала.

— Говорю же, не знаю, — Оля дотронулась до его руки. — Нам лучше подняться. Там оглядимся и подумаем, что делать.

Дождь становился сильнее. Ноги скользили, зубы стучали. Намокшая футболка и шорты облепляли тело, в кроссовках хлюпала вода.

«Хорошее начало смены! — мысленно проворчал Андрей. Добравшись до вершины, он повалился на колени. — Не хватало только простуду зарабо... А это еще что такое?!»

Он замер, глядя вперед.

— Ничего себе! — выдохнула Оля. — Что он здесь делает?

— Без понятия, — прошептал Андрей.

В низине, врытый в землю и окруженный деревьями, стоял зеленый строительный вагончик. Из темной металлической крыши торчала труба в форме буквы «Г». Окно скрывал ржавый лист железа, стены были вымазаны грязью. Возле приоткрытой двери Андрей увидел небольшую искореженную конструкцию, в которой признал металлический столик на колесиках, какие бывают в больницах. Вокруг валялись тряпки, обрывки полиэтилена и мертвые птицы.

— Жуть, — сказала Оля, рассматривая вагончик. — Кому понадобилось ставить его посреди леса?

Андрей пожал плечами и поднялся.

— Думаю, надо зайти туда, — сказал он, поворачиваясь к Оле.

Та нахмурилась, поджала губы и сделала пару шагов назад.

— Знаешь, я бы не хотела. Какой-то он страшный. И нам еще твоего брата надо найти.

— Вот именно. Лешка вполне может быть там, он такой — ему лишь бы что-нибудь облазить. А внутри и дождь переждать можно. Пойдем.

Но едва Андрей сделал пару шагов, как заросли позади вагончика зашевелились. В ту же секунду раздался рев. Хриплый, полный злобы. Дверь со стоном отъехала, и наружу выскочила фигурка в синих джинсах и желтой толстовке.

— Лешка! — крикнул Андрей, бросаясь к брату.

В вагончике загрохотало. Послышались крики. А Лешка несся к ребятам и, увидев, что Андрей хочет спуститься, замахал, приказывая остановиться.

Андрей замер, глядя то на вагончик, то на Лешку.

— Сматываемся! — выдохнул Лешка, когда до вершины оставалась пара метров.

Он налетел на Андрея, подтолкнул и помчался дальше. Тот чуть не упал, но тут же рванул за братом и Олей.

Деревья пролетали мимо смазанными пятнами. Андрей позволил ногам нести себя по склону, позабыв, что можно запросто свалиться и переломать все кости. Сейчас было не до этого. Главное — оказаться подальше от лесного вагончика. Ноги уже не успевали за телом и едва касались травы. Впереди показалась тропинка. Андрей пересек ее и поравнялся с Лешкой.

— Бежим дальше! — прокричал тот.

Лес продолжал проноситься перед глазами. Шум в ушах мешал расслышать, что

творится за спиной.

Преследуют ли ребят? И если да, то кто? Люди ли это? Андрей снова вспомнил крики. Ему не удалось разобрать ни слова.

Куча дохлых птиц. Кто-то, зовущий его по имени. Вагончик. Насмерть перепуганный брат. Злобные бессвязные вопли. Этот лес начинает сводить с ума...

Стиснув зубы, Андрей поднажал. В следующее мгновение Оля вскрикнула, взмахнула руками и покатила по траве. Лешка ойкнул и чудом не налетел на девочку. Андрей затормозил и бросился к Оле.

— Все нормально! — она села и выставила руки.

Андрей огляделся. Повсюду стволы берез и сосен, кусты, листва и трава. Из звуков только шум дождя и собственное дыхание. Ни шагов, ни воплей. Неужели оторвались?

Лешка закашлялся. Повернувшись к брату, Андрей увидел, что тот упер одну руку в коленку и пытается отдышаться. Кашлянув еще несколько раз, он сплюнул и выпрямился.

— Фу, блин! — выдохнул он, хватая ртом воздух. — Думал, все — капец мне пришел!

Андрей хотел спросить, что произошло, но успел только раскрыть рот. Неподалеку вздрогнули заросли, и послышался звук шагов.

Глава 4. Здравствуйте, "Березки"!

Федор Иванович покрепче стиснул ручку метлы, встряхнул головой и вдохнул прохладный утренний воздух. Борьба с сонливостью становилось все тяжелее.

Он проворочался до самого утра, погруженный в зыбкую полудрему. А перед глазами маячило узкое, скуластое лицо, заросшее щетиной.

— Отдай мне несколько капель своей крови и вскоре сможешь навсегда забыть об этой грязной работе, — твердил Беспалый, буравя Сбитнева пристальным недобрым взглядом. — Отдай...

Он повторял это снова и снова. Потом пятился и замирал — высокий, ссутуленный, в серой больничной пижаме. За спиной Беспалого появлялась лечебница. Желтую двухэтажку растягивало, сжимало, перекручивало... Словно отражение в кривом зеркале. После этого и фигура, и больница тонули в тумане. Он змеился, подбирался к Сбитневу, окружал, окутывал. Вновь появлялось лицо Беспалого — и все повторялось.

Дворник замер, задумчиво разглядывая вязь трещин на сером полотне асфальта.

Несколько капель крови... Что Беспалый собирался с ней делать? Выпить?

Вздыхнув, Сбитнев покачал тяжелой после бессонницы головой. Он подумал, что никогда не узнает ответа. И тут же где-то на самом дальнем рубеже подсознания неприятно кольнуло: никогда не говори «никогда»!

— Доброе утро, Федор Иванович, — послышался тихий женский голос за спиной. Сбитнев чуть заметно вздрогнул, обернулся и увидел Нину Евгеньевну.

В длинной вязаной кофте желтого цвета, серой юбке ниже колена и темных поношенных туфлях на низком каблуке и с круглыми носами, она стояла в паре метров и устало глядела на дворника. Волосы были стянуты в узел на затылке, под глазами залегли тени, особенно яркие на бледном лице.

— Здравствуй, Нина Евгеньевна, здравствуй, — кивнул Сбитнев. — Как ваши дела? Как Максим?

Серова опустила глаза.

«Ясно», — подумал Федор Иванович.

— Пока без улучшений, — едва ли не одними губами сказала Нина Евгеньевна. — Не говорит ничего. Лежит все время, лицом к стене, и смотрит в одну точку. Встает, только чтобы до туалета дойти. Ест и пьет в палате, таблетки успокоительные принимает. Игорь Витальевич говорит, ему надо спать не меньше десяти часов в сутки.

— А про состояние Максима он что-нибудь сказал?

Нина Евгеньевна вздохнула и покачала головой.

— Пока ничего определенного. Сказал набраться терпения... — она полезла в старенькую бежевую сумочку, достала платок и промокнула глаза. — Господи, как же плохо в этой больнице! Темень, воздух какой-то тяжелый! И коридор этот, с кафелем!..

Федор Иванович лишь кивнул. Он помнил крыло, в котором располагались палаты. Там всегда было сумрачно. Коричневый линолеум втягивал солнечный свет из узкого зарешеченного окна. Слабенькие лампочки прятались за матовыми кругляшами плафонов. Двери по обеим сторонам коридора глядели маленькими прямоугольными оконцами, а стены... Стены снизу были выложены осколками белого, розового и голубого кафеля.

Игорь Витальевич как-то сказал Сбитневу, что эта пародия на мозаику напоминает

души больных.

— ...И дома, как в тюрьме, — слезы почти лишили Серову голоса. — На зеркала вообще смотреть не могу. Завесила, будто в доме покойник...

Она скомкала платок, уткнулась в него и разрыдалась.

— Перестань. Все обязательно наладится. Верь в это, — дворник подошел к Серовой. — А теперь ступай домой и отдохни. Нечего себя лишней раз изводить. Максим должен видеть тебя спокойной и сильной.

Та кивнула, убрала платок в сумку и, не глядя на Сбитнева, направилась к подъезду.

«За что тебе все это?!» — мысленно обратился к ней Федор Иванович.

За несколько дней до этого.

— Я знала! Знала, что случится нечто подобное! — причитала Ирина Олеговна, переминаясь в дверях. — Нельзя было их отпускать! Это же дети! За ними все время надо смотреть!

Макс, едва не задев воспитательницу, выскочил наружу, прищурился и накиннул капюшон ветровки.

Пару минут назад снова пошел дождь. Всех загнали в автобус, и обнаружилось, что троих не хватает. Братьев Новожиловых и той высокой брюнетки, Оли Герасимовой.

Остальные переговаривались, водитель матерился на колесо и погоду, а Ирина Олеговна суежилась возле выхода:

— Вот куда их занесло?! Дождь, лес незнакомый! Вымокнут, простудятся, а мне потом отвечать!

— Успокойтесь, сейчас пойду их искать, — сказал Максим, чувствуя, как внутри нарастает паника. — Они не могли далеко уйти.

Воспитательница снова открыла рот, но Серов не стал слушать и спустился в заросли. Пройдя с полсотни шагов, он огляделся. Березы, осины, несколько сосен, трава вперемежку с папоротником. С неба, будто из душа, льется вода. Не самое лучшее место для прогулок, так что ребята рядом.

Макс надеялся, что потерялись они не по отдельности. Не очень-то хотелось сначала найти одного Андрея, а потом отправляться за его братом и девчонкой.

«Вот засранцы! — мысленно проворчал вожатый, разводя ветки, будто пловец. — Найду — уши всем троим надеру!»

Хорошее настроение будто смыло дождем. Макс удалялся от дороги и хмурился. Это ведь он разрешил им выйти из автобуса, хотя видел, что воспитательница не в восторге.

«Хорошо смену начал, ничего не скажешь!» — подумал Серов, обходя почерневший от дождя пень, у корней которого гроздью ютились мелкие желтые грибы. Он редко бывал в лесу и не представлял, как искать братьев и Олю.

Оглянувшись, Макс едва разглядел автобус. Метров сто пятьдесят, не больше. И ребята должны быть где-то рядом.

— Андрей! Леша! Оля! — выкрикнул Макс.

Неподалеку затрещали ветки. Каркнула ворона. Серов развернулся и помчался на звук.

— Леша! Андрей! — звал он, лавируя между деревьев. — Оля! Идите сюда!

Снова карканье, на этот раз громче. Птица кричала, не переставая. Макс слышал, как хлопают крылья и трещат кусты.

«Они ее поймали что ли?» — вожатый остановился.

Ворона продолжала надрываться. Она уже не каркала, а верещала.

— Эй! Идите сюда! — крикнул Макс, хмурясь.

Птица замолкла, но заросли все еще трещали. Макс вытянул шею и услышал смешок, короткий и сухой. А затем — бормотание и писк.

Серов сделал еще несколько шагов, высматривая ребят. Неужели они все заранее продумали?

Бормотание не прекращалось. Макс прислушивался, но не разбирал ни слова. Снова писк. И вслед за ним еще один смешок. Кусты затрещали громче.

Серов сжал кулаки и рванул вперед. Из зарослей донесся хриплый вскрик и звук шагов — очень частых, словно бежали на четвереньках.

«Вот и отлично! — подумал Макс, ныряя в заросли. — Тем быстрее я вас поймаю, шутники!»

Однако догнать не удавалось, и до него понемногу доходило, что там не ребята.

Бормотание сменилось гортанным звуком. Незнакомый словно пытался отхаркнуть.

Макс поскользнулся и плечом налетел на березу. Едва устояв, остановился и увидел в траве черные перья, кровь и чуть подрагивающее крыло.

Серов приоткрыл рот и опустил на корточки. Он не сразу заметил, что заросли больше не трещат. Тот, кто изуродовал птицу, сейчас наверняка наблюдал за Максом. Но вожатый не мог отвести взгляд от крыла.

«Да это псих какой-то! — думал Серов. — Главное, чтобы Андрей, Лешка и Оля с ним не столкнулись».

Выпрямившись, Макс огляделся и снова стал выкрикивать имена ребят. Он вертел головой, но взгляд наткнулся только на заросли.

— Андрей! Леша! Оля! — кричал вожатый.

Он откинул капюшон и облизнул губы, тяжело дыша. Где они? Неужели не слышат? А что если они уже встретились с тем... из кустов? Макс еще раз огляделся и побежал дальше.

— Оля! Андрей! Леша! Где вы?! Ау-у-у-у-у!!!

— Ау-у-у-у-у! Аы-ы-ые-ей!

Макс застыл.

Никогда раньше ему не доводилось слышать такого голоса — низкого и отрывистого. Будто некто в зарослях впервые попробовал заговорить.

Он хотел отступить, но едва двинулся, как из кустов, шагах в сорока, снова донеслось бормотание.

«Может, там и не человек вовсе? — подумал Макс, застыв. — Одичавшая собака, например. Очень похоже на ворчание пса».

Но он тут же отбросил эту мысль. Животные не говорят, пускай те звуки и сложно назвать речью.

Кусты снова затрещали. Послышались частые беспорядочные шаги. Вожатый вздрогнул и стал отодвигаться, пока не уперся в сосновый ствол. Неподалеку лежал крупный камень. Макс медленно, не сводя глаз с зарослей, нагнулся и подобрал его. Незнакомый тут же ухнул и замер.

«Ага, не такой уж ты и смелый!» — подумал Серов, сжимая камень.

— А-а-а-аы-ы-ые-е-е-ей-й-й!!!

Голос пришил Макса к стволу. Тот поскользнулся на корнях и чуть не упал. Незнакомый захрипел.

Вожатый не сразу понял, что это смех.

— Что тебе надо?! — крикнул он, сжимая кулаки.

Хрипение не затихало. Макс обшаривал взглядом заросли, пытаясь понять, где находится противник. Пора прекращать эту игру в прятки.

— Аы-ы-ые-е-ей! — выкрикнул незнакомец, и вожатый заметил, как за одной из сосен качнулись кусты.

Они не могли укрыть человека в полный рост. Значит, этот псих все еще на четвереньках. Что же, тем лучше...

— Ну, держись, урод! — прошептал Макс, бросаясь вперед.

— Аы-ы-ы-ые-е-ей-й!

Вопль потонул в верещании птицы. Кусты чуть раздвинулись, и в вожатого полетело серо-черное нечто. Тот увернулся, и вопящий снаряд шлепнулся рядом. Незнакомый зашелся в булькающем хохоте, но застывший Макс смотрел на взъерошенный комок перьев.

Ворона металась и верещала, хлопая единственным, вывернутым крылом. А ненормальный в кустах захлебывался восторгом. Он то хрипел, то булькал, то кашлял.

— Что ты делаешь?! — выкрикнул Макс, переводя взгляд с засады незнакомца на изуродованную птицу.

Неизвестный снова ухнул, заворочался и зашипел. Мгновением позже в глубь леса метнулось нечто около метра ростом. Макс ему показалось бугристым бледно-розовым комом. Вожатый не заметил ни головы, ни плеч, ни рук.

Противник скрылся, но Макс не решался отвести взгляд от кустов. Что если там еще кто-то есть?

Ноги что-то коснулись. Вожатый вскрикнул и отшатнулся. Ворона выплясывала возле него, не переставая верещать. Вопли становились невыносимы, и Макс понял, что придется сделать.

Стиснув зубы и отвернувшись, он наступил вороне на голову и надавил. Та пискнула и затихла. Несколько секунд Макс стоял, ощущая под кроссовкой мягкую тушку. Ему даже показалось, что ноге передается тепло остывающей птицы.

«Что за чушь?» — Макс тряхнул головой и отошел от трупика.

Оглядываясь, он направился к кустам, стал осторожно раздвигать ветки. Огляделся, прикидывая, где искать ребят. Кричать он не решался — в ушах все еще звучал неестественный, прерывистый голос, и Макс не хотелось вновь его услышать.

Топот и треск кустов заставили вздрогнуть. Серов отскочил к ближайшей березе, прислонился спиной к стволу и услышал высокий вскрик и чье-то удивленное «ой!»

— Все нормально! — донесся из-за деревьев девчоночий голос.

«Да это же ребята!» — Макс облегченно выдохнул и услышал кашель.

— Фу, блин! — сказал кто-то из братьев. Скорее всего, Лешка. — Думал, все — капец мне пришел!

«Надо спешить! Пока они опять куда-нибудь не девались!» — вожатый оттолкнулся от ствола и бросился к ребятам.

Он перемахнул через невысокий, поникший от дождя куст и увидел всех троих — насквозь промокших, трясущихся, перепуганных. Оля сидела в траве. Лешка, согнувшись пополам, держался за колени. Андрей, загораживая обоих, сжимал кулаки.

— Ой! Это вы... — пробормотал старший Новожилов, отступая. — А мы думали, что там эти...

— Кто?! — нахмурился Макс.

— Сатанисты! — встрял Лешка. — Которые птиц едят! Там их целая куча!

— Кого, сатанистов?!

— Да нет, птиц! Хотя и сатанистов, наверное, тоже!

— Об этом потом, — отрезал Серов и напряженно огляделся. — Объясните лучше, за каким чертом вы потащились так далеко?! Весь отряд на уши поставили!

Новожиловы и Оля опустили головы. Лешка шмыгнул носом.

— Мы нечаянно, — тихо сказал он.

— Ну, разумеется!.. — воскликнул Макс. — Ладно, объясняться будете с Ириной Олеговной. А сейчас — бегом к автобусу! Ехать давно пора, а вы по лесу носитесь! И запомните: больше я вам на уступки не пойду.

Оля встала, и все трое, понутив головы, двинулись вперед. Мгновением позже сквозь шум дождя прорвался автомобильный гудок.

— Это нам сигналият, — сказала Оля. — Пойдемте на звук.

Макс направился за ребятами. Те держались ближе друг к другу и время от времени озирались.

«Они напуганы», — понял Макс, обводя лес напряженным взглядом. Руки помимо воли сжимались в кулаки, мышцы не желали расслабляться.

Про кого они там болтали? Про сатанистов, которые едят птиц?

Перед мысленным взором появилась изуродованная ворона. А над головой слышалось карканье.

Вздрагнув, Макс замер и резко обернулся. Сердце заколотилось, во рту сделалось солоно. Он вглядывался в зеленое море листвы, готовясь вновь услышать птичий крик, треск веток и булькающий смех. Но ничего не происходило. Тишину нарушали только дождь и гул клаксона.

— Вы чего? — Лешка обернулся и с испугом посмотрел на водителя.

— Все нормально. Идемте. Автобус уже близко.

Немного прошли молча. Потом Андрей резко остановился и отступил на пару шагов.

— Вот они, — пробормотал он, указывая на сосну, под которой что-то темнело.

— О чем ты? — Макс подошел к нему, чуть наклонился и прищурился.

— Там куча мертвых птиц! — сказал Лешка. — Мы когда гуляли, почувствовали вонь, прошли немного и наткнулись на нее. А потом...

Андрей легонько ткнул брата кулаком в бок, и тот замолчал.

— Смотрите, вон автобус! — воскликнула Оля.

Вид синего, маленького, как спичечный коробок, экипажа придавал сил. Макс и ребята ускорились. Миновали огромный муравейник, поваленную сосну и вскоре вышли к автобусу.

Клаксон смолк, из салона выбежала Ирина Олеговна. Торопливо осмотрев каждого, она загнала троицу в салон, поставила в ряд, уселась и плачущим голосом принялась отчитывать. Всплескивая руками, воспитательница захлебывалась словами, а ребята стояли, опустив головы. Лешка, судя по выражению лица, был не прочь что-нибудь сказать. Но к счастью для самого же себя не решался.

Светка оторвалась от мобильного, зыркнула на троицу. Тихо, чтобы не слышала Ирина Олеговна, обозвала ребят «малолетними кретинами» и вновь уткнулась в телефон.

Макс стоял на ступеньках, прислонившись спиной к открытой двери, и не сводил напряженного взгляда с зарослей. Поникшие ветви берез мотались из стороны в сторону.

Где-то там, в траве, лежит мертвая птица. С единственным, вывернутым крылом и

раздавленной головой. А между деревьев бродит...

Кто?

Или что?..

— Готово. Можем ехать, — бросил водитель, уставший, промокший и озлобленный. Он откатил спущенное колесо к обочине, вернулся к кабине, влез внутрь и от души хлопнул дверью.

Автобус зафырчал. Макс отошел, дверь захлопнулась с тихим свистом.

— ...А теперь немедленно по местам! — закончила раскрасневшаяся Ирина Олеговна.

Оля и Новожиловы прошли к своим креслам. Остальные ребята поглядывали на них недовольно, но с любопытством.

Макс устроился рядом с Ириной Олеговной. Та мельком глянула на него и поджала губы.

«Все, впал в немилость...» — подумал Серов.

Автобус тронулся, Макс уставился в окно. Под потолком зажглись длинные прямоугольные лампы, и на стекле возникло призрачное отражение водителя. Бледная маска словно летела снаружи и плакала дождем.

Болезненно сморщившись, Макс отвернулся и посмотрел на ребят.

Андрей задумчиво глядел на серую дорожку пола между рядами кресел. Лешка выковыривал из красной упаковки квадратик жвачки. Оля распустила хвост и расчесывала мокрые волосы. Вид у всех троих был измученный и подавленный.

«Надо бы узнать, что у них за секреты», — Макс вспомнил, как Андрей пихнул младшего брата, когда тот рассказывал про птиц.

Выходит, не он один сегодня столкнулся с...

С кем?

Макс прикрыл глаза и представил заросли. Ветки затрещали, и из кустов на пару секунд показалось что-то маленькое, бугристое, бледно-розовое. Меньше всего оно походило на человека.

«Но это существо разговаривало. По крайней мере, пыталось. Значит, оно разумно, — размышлял Макс. — Вот только откуда в нем столько жестокости?»

В ушах опять словно бы зазвучало хриплое бульканье. Незвестный был в восторге, глядя на перепуганного Макса и покалеченную ворону.

«Вдобавок он очень ловкий, — продолжал думать Серов. — Поймать птицу не так-то просто».

Автобус накренился, вписываясь в поворот, миновал мостик над ручьем и остановился на поляне, перед высокими решетчатыми воротами. Неподалеку стояли и остальные экипажи.

— Ребята, мы добрались, — объявила Ирина Олеговна, поднимаясь. — Высаживаемся. Только прошу вас: не толкайтесь.

Дверь открылась, и воспитательница со Светкой первыми выбрались из автобуса. Макс пропустил говорливый поток подростков, выскочил из салона и глубоко вдохнул, чувствуя, как отступают недавние страхи.

Дождь был уже не таким сильным, ветви едва шевелились. В корпусах за забором горел свет, из глубины лагеря доносились голоса и музыка.

— Ну, здравствуйте, «Березки»! — тихо сказал Макс, оглядываясь.

Седьмой отряд с гомоном толпился у багажного отделения, разбирая сумки. Ирина

Олеговна направилась к маленькому домику за воротами, Светка спрятала телефон и топталась, пытаясь открыть зонт. Водитель курил в маленькой железной будке с облезлыми зелеными стенами.

Макс, оглядываясь, обошел автобус. Свежий лесной воздух сам лился в легкие, дождь окутывал прохладой.

«Хорошо», — подумал он, окидывая взглядом березовые стволы, кудрявые ветви, темное небо. Тучи выплывали из-за далекого горного хребта, в серых просторах кружила птица.

Проведя пальцами по мокрым волосам, Макс сделал еще несколько шагов. И замер, спиной чувствуя пристальный взгляд. Он резко обернулся, но лишь мельком увидел высокую фигуру — та почти мгновенно скрылась за деревьями.

Макс сглотнул, чувствуя, как усиливается приутихшая тревога. Он хотел было направиться к зарослям, но тут вернулась Ирина Олеговна, и началось построение.

Минут пять вожатый вместе с воспитательницей и Светкой суетился, расставляя ребят парами. После чего седьмой отряд прошел в ворота лагеря «Березки».

Глава 5. Лешкин рассказ

Прямоугольник солнечного света из окна подбирался к кровати. Федор Иванович потянулся, откинул ногами одеяло и уселся. Впервые за последние несколько дней он не чувствовал тревоги и был полон сил.

Поддев ногами тапочки, он встал. Скользнул взглядом по серванту с цветастыми тарелками, блюдами и чашками, старому ламповому «Горизонту», столу под кружевной скатертью с бахромой по краям. Надел темно-синие спортивные штаны с заплаткой на правом колене, закатал штанины и пошел умываться.

Почистив зубы, сполоснув лицо и подмышки, Сбитнев спустился с крыльца и вышел в сад.

Воздух еще не нагрелся, лицо обдувал прохладный ветерок. В небе застыли белые острова облаков, в траве, на листьях картофеля, помидоров, капусты, свеклы и стенах бака с водой ютились сотни капель росы.

«Жарким денек будет, — отметил Федор Иванович. — Надо бы поскорее со шлангом по грядкам пройти».

Он подошел к трем кустам китайской вишни. Ягоды уже покраснели и понемногу наливались соком. Возле малинника, замерев в воздухе, жужжали осы. Ветви яблонь и груш укрывали тенью невысокий деревянный забор, у корней, выискивая в земле корм, скакали воробьи.

Сбитнев сделал еще несколько шагов, остановился между грядками, положил руки на пояс и начал упражнения.

С соседнего участка донесся кошачий вопль.

«Дерутся», — усмехнулся Федор Иванович, делая наклоны.

Вопль повторился. Вслед за ним послышались торопливые шаги и грохот. А затем — новый истошный мяв.

«Странно», — подумал Сбитнев, прерываясь.

Кот все еще верещал. Федор Иванович живо представил, как тот вжимает уши, щурится и щерит пасть.

На цыпочках он прошел к теплице с огурцами, заглянул на соседский участок и увидел Егора.

Невысокий полный мальчишка с короткими рыжими волосами, в цветастых шортах ниже колена и серой майке стоял возле верстака и держал за шкурку крупного серо-белого кота. На узкой цементной дорожке валялись плоскогубцы, молоток и ножовка.

«Это же Барбос!» — узнал зверя Сбитнев.

Кот выл, съжившись, прижимая пушистый хвост к брюху. А Егор держал его, чуть заметно раскачивал и ухмылялся.

«Что он делает?!» — Федор Иванович присел, бесшумно подобрался к кустам черной смородины. Опустился на корточки, раздвинул ветки и стал смотреть.

Егор приблизил кота к лицу, оскалился и зашипел. Зверь заурчал и еще больше скукожился, а мальчишка захихикал.

В памяти всплыл недавний разговор с Мариной. Сбитнев вспомнил, сколько тревоги было в глазах продавщицы. Тогда он не отнесся к этому серьезно. Тогда...

Ноги начали ныть, и Сбитнев тихонько встал на колени, не отрывая глаз от Егора,

который стоял всего в двадцати шагах.

Мальчишка действительно изменился. Исчезли пухлые щеки, черты лица заострились, волосы как будто стали темнее. А под глазами виднелись странные розовые тени.

Егор все еще хихикал и, не моргая, смотрел на перепуганного кота. Барбос перестал урчать. Он лишь покачивался — напряженный, словно околелый.

Федор Иванович отвел взгляд и уставился в землю. Он чувствовал, как под частыми и сильными ударами сердца вздрагивает грудная клетка. Виски ломило, желудок наливался каменной тяжестью, руки и ноги одолевала слабость.

— Кс-кс-кс! — донеслось из-за забора.

Вздыхнув, Сбитнев снова поднял глаза.

Мальчишка вытянул губы трубочкой и, наклонив голову, таращился на кота.

— Хорошая киса! — тихо сказал Егор.

«У него даже голос изменился, — подумал Федор Иванович.

Он не понимал, куда делся вечно робкий соседский мальчишка со звонким голосом. Тот, кто держал сейчас кота, одновременно и был, и не был Егором Мещеряковым.

— Хорошая киса! — повторил Егор. — Только трусливая! Боишься меня, да?! Боишься! И правильно делаешь, меховой твареньш!

Он опять оскалился, зашипел и приблизил Барбоса к лицу. Кот ощерился, ударил лапой и съежился сильнее прежнего.

От неожиданности Егор охнул и отступил, приложив ладонь к правой щеке. Лицо перекосилось. Он несколько раз встряхнул кота и, справившись с приливом злобы, присел на корточки. Глаза, окруженные розовыми тенями, продолжали буравить зверя. Левая рука шарила по бетонной дорожке в поисках молотка.

Сбитнев понимал: надо встать, крикнуть на Егора. Не дать ему закончить... Но страх держал на невидимой привязи. Даже отвести взгляд было невозможно.

— Смотри, какая штучка, — Егор подобрал молоток и легонько тыкал коту в морду. Тот жмурился и дергал головой. — Нравится?

Он поднялся и подошел к верстаку. Захихикал, подняв Барбоса повыше. Замахнулся, но остановил руку с молотком в сантиметре от кота. Зверь затрясся и тоненько мяукнул.

Голову сдавливали невидимыми тисками. Сбитнев, не моргая, смотрел вперед, ожидая, что виски затрещат в любую секунду. Задеревеневшие пальцы надломили смородиновые ветки. Сердце колотилось уже где-то под горлом. А Егор все не мог наиграться.

Он взмахивал молотком, тряс Барбоса. Наклонялся, делая вид, что собирается отпустить. Но в последний момент резко выпрямлялся, и животное коротко взывало.

«Сколько можно?» — Федор Иванович с ужасом поймал себя на мысли: он хочет, чтобы все закончилось побыстрее.

Наверное, того же хотел и кот...

Но Егор не желал останавливаться. Он улыбался, лицо светилось полным жестокости счастьем, глаза азартно блестели.

Внезапно сверху донеслось карканье. Мгновением позже на Егора кинулась крылатая тень. Тот вскрикнул, отшатнулся, а ворона вновь атаковала.

Не переставая кричать, она делала короткие выпады и поднималась на пару метров. Егор вжимал голову, отмахивался молотком. Ноги беспорядочно топотали по бетону дорожки.

Запнувшись, Егор задел верстак. Тот с лязгом сдвинулся, а мальчишка, вскрикнув от

боли, выпустил кота. Обездвиженный страхом Барбос плюхнулся на бок. Но в следующую секунду пришел в себя и серо-белым снарядом метнулся прочь.

Егор зарычал. Кинулся было вдогонку, но ворона вцепилась в воротник майки и с оглушительным карканьем стала лупить крыльями. Пробежав несколько шагов, мальчишка упал на колени и выронил молоток.

Ворона каркала. Егор беспомощно размахивал руками, пытаясь добраться до нее, и рычал.

Федор Иванович, не моргая, с разинутым ртом смотрел на битву. Майка прилипла к вспотевшей спине, лоб и виски блестели мелкими бисеринками. Внутри головы разгоралась печь, сердце бухало кузнечным молотом.

В доме Мещеряковых открылось окно.

Сбитнев чуть повернул голову и увидел Марину.

Та наполовину высунулась наружу. На круглом лице застыли растерянность и испуг. Пару секунд она смотрела на сына. Затем, с криком: «Сыночек! Я сейчас!», перелезла через подоконник. Схватила у стены веник и, потеряв тапок, бросилась на помощь.

Размахнувшись, она ударила ворону. С истошным карканьем та отцепилась. Поднялась к крыше и вновь спикировала на Егора.

— Мама! — плачущим голосом крикнул Егор, закрывая голову.

— Пошла отсюда! — завизжала Марина. Она размахивала веником, не обращая внимания на распахнувшийся цветастый халат.

Ворона вновь отступила, а Егор на четвереньках заполз под верстак.

— Лети! Убирайся! — кричала его мать.

Описав над садом круг, ворона еще несколько раз каркнула и растворилась в небе.

Марина отбросила веник, запахнулась и метнулась к Егору.

— Егорик, маленький! Ты как?! — она нырнула под верстак, обхватила лицо сына ладонями.

— Да все со мной нормально! — огрызнулся тот, отстраняясь.

Он выбрался из-под верстака и отошел от матери. На щеке краснела оставленная Барбосом царапина, левая лямка майки была надорвана, на коленках виднелись ссадины.

Оглядевшись, Егор скорчил злобную гримасу.

«Подумать только! Он еще злится, что упустил кота!» — понял Сбитнев.

— Бог ты мой! Да у тебя кровь! — Марина присела около Егора и стала разглядывать его колени. — Ты же ударился! Сильно болит?!

— Ничего у меня не болит! — рявкнул Егор. Он выпятил подбородок и часто дышал, глядя на мать.

— Ну-ка пойдем в дом. Нужно обработать, чтобы зараза не попала, — Марина поднялась, сцапала сына за руку и торопливо направилась к дому.

Они скрылись, а Федор Иванович отпустил ветки, уронил голову на грудь и закрыл глаза. Перед мысленным взором возник скукожившийся кот. Он жмурился и тихо подвывал, болтаясь в пухлой мальчишечьей руке. А Егор смотрел на него исподлобья и улыбался.

«Что с ним случилось? Ведь неделю назад был хороший и добрый мальчишка! А потом лагерь этот, «Березки»... Проклятое место!» — Сбитнев открыл глаза и уставился на резные смородиновые листья.

Он с трудом поднялся и на ватных ногах направился к дому. Кинув взгляд на свернутый кольцами черный резиновый шланг, покачал головой. Жуткая сцена высосала все силы.

Сбитнев хотел лишь добраться до кровати, укрыться под одеялом и забыться.

Подойдя к крыльцу, Федор Иванович замер, услышав короткое, подавленное «мяу!» — Кс-кс! — позвал он, наклоняясь и оглядывая двор.

Из-за бака с водой показалось кошачье ухо и краешек морды.

— Вот ты где, — прошептал Федор Иванович и осторожно подошел к баку.

Барбос сидел, прижимаясь боком к железной стенке. По серо-белой спине пробежали редкие, но хорошо заметные волны дрожи. Подняв на Сбитнева глаза, он вновь жалобно мяукнул.

— Иди-ка сюда, — Федор Иванович присел на корточки, потянулся к коту и взял на руки. — Натерпелся ты сегодня...

Поднявшись, он осмотрел Барбоса. Выглядел тот неплохо — о пережитом напоминали только затравленный взгляд, дрожь и хвост, по-прежнему прижатый к пушистому белому брюху.

— Поживешь пока у меня, — сказал Сбитнев. — А там отыщем тебе новый дом.

Барбос понемногу успокаивался — перестал дрожать и даже замурлыкал. Но как только Федор Иванович повернулся к жилищу Мещеряковых, кот прижал уши и зашипел.

— Что еще случилось... — Сбитнев замер, встретившись взглядом с Егором.

Мальчишка стоял у окна, упираясь в стекло лбом и ладонями с растопыренными пальцами, и не сводил с Барбоса темных, окруженных розовыми тенями глаз. Губы кривились, подбородок чуть заметно двигался.

Поймав взгляд Сбитнева, Егор отошел на пару шагов, указал на кота и провел большим пальцем по горлу — по тому самому месту, где была розовая полоса.

Барбос заурчал и вновь стал дрожать.

— Ничего, — прошептал Федор Иванович. — Я тебя в обиду не дам.

Отвернуться было невыносимо сложно, но Сбитнев пересилил себя. Дошел до крыльца, толкнул дверь и скрылся в доме. Отпустив кота, он прошел в ванную, открыл холодную воду и поплескал на лицо. Горло скрутил позыв...

С полминуты Федор Иванович стоял над ванной, чувствуя, как внутри все сжимается, но из пустого желудка так ничего и не вышло.

Сглотнув, он выпрямился и стал выравнивать дыхание. Сердце колотилось, руки дрожали, душу все еще обжигали ненависть и презрение, что были во взгляде Егора.

Опираясь о стены, Федор Иванович дошел до комнаты и сел в старенькое кресло с деревянными подлокотниками. Из-под кровати, на полусогнутых лапах, выбрался Барбос. Медленно и бесшумно он пересек комнату, уселся перед креслом и поднял глаза на Сбитнева.

— Что смотришь, спасеньш? — прошептал Федор Иванович. — Спасибо сказать хочешь? Так не меня благодарить надо. Ворону.

Вспомнив, с какой яростью птица кидалась на Егора, Сбитнев покачал головой. Это все неспроста, звери всегда чувствуют беду.

«Что-то случилось с Егором. И всему виной — поездка в лагерь», — размышлял Федор Иванович.

Но что могло изменить доброго домашнего подростка настолько? А Максим Серов? Девятнадцатилетний студент превратился в куклу...

— Это все «Березки», — одними губами произнес Сбитнев.

За несколько дней до этого.

Решетчатые ворота наконец-то остались за спиной.

«Вот мы и в «Березках!» — подумал Андрей, чувствуя, как отступает страх. — На целых три недели!»

Седьмой отряд парами шел по дорожке бетонных плит, и Новожилов вертел головой, приветствуя каждый уголок лагеря.

Вот футбольное поле, окруженное высокой, по пояс, травой. За ним — турники, лесенки, пара горок и качели. Вот это квадратное здание из красного кирпича — одновременно администрация, библиотека и столовая. Уже сейчас слышно, как повара гремят посудой. Готовятся подавать полдник.

Желудок, словно соглашаясь, тут же заурчал. Андрей усмехнулся и продолжил «осмотр владений».

За столовой шуршат заросли черемухи, журчит ручей. С другой стороны — невысокая, но плотная стена ирги огораживает площадку для линеек. Вот эстрада — круглое строение без стен, с рядами скамеек по краям...

Хлоп!

Андрей повернулся к брату. Тот, хмурясь, втягивал жвачку.

«Что-то он чересчур серьезный стал, — подумал Андрей. — Как из леса вышли, так молчит все время. Ладно, потом разберемся».

Седьмой отряд миновал несколько корпусов — двухэтажных кирпичных домов. Почти в каждом окне горел свет. Впереди, на газоне, под охранной высоких тонких сосен, показался здоровенный валун, разрисованный и исписанный всякими «Здесь был Вася!» или «Машка В. — дура!»

Наконец Ирина Олеговна остановилась возле корпуса с красной четверкой на светлой стене. Напротив стояла деревянная беседка с треугольной крышей и широким столом в центре.

— Ребята, вот наш корпус, — объявила воспитательница. — Наши палаты на первом этаже. Крыло мальчиков справа, крыло девочек слева.

— Слышал? — Андрей с довольным видом пихнул Лешку локтем. — Как в том году!

Брат в ответ лишь кивнул.

«Да что с ним?» — нахмурился Андрей.

Лешка очень редко бывал таким серьезным и молчаливым. Сейчас он даже жвачку терзал без обычного азарта. Мокрые волосы липли ко лбу, брови почти сошлись на переносице, глаза смотрели в одну точку, а руки прятались в карманах толстовки.

— Заходим и устраиваемся, — продолжила Ирина Олеговна. — Через полчаса строимся перед корпусом и идем на полдник.

— Полдник — это хорошо, — пробормотал Андрей, поднимаясь на крыльцо.

Вестибюль почти не изменился — только стены перекрасили в бежевый, а камин из красного кирпича закрыли решеткой из чугунных прутьев.

— Мальчишки, за мной, — сказал Максим, встав у входа в правое крыло.

Вскоре Андрей и Лешка оказались в палате — той самой, где жили в прошлом году. Это было просторное помещение с большими окнами, десятью кроватями и двумя шкафами-купе.

Раскладывая вещи, Андрей заметил, что на него и Лешку косится низкий рыжий толстяк, который крутился возле Максима, пока водитель менял колесо. Поймав взгляд Новожилова, тот спохватился, дотронулся до очков в красной оправе и поспешно отвернулся.

«Странный какой-то», — подумал Андрей, втискивая подушку в белую наволочку.

— Блин, — пробормотал Лешка. Он стоял возле кровати и держал одеяло, наполовину засунутое в пододеяльник. — Какой идиот это придумал?

— Давай, — Андрей подошел к нему и стал помогать. Затем разложил часть вещей в тумбочке, выпрямился и снова встретился глазами с толстым очкариком.

«Чего ему надо?» — насторожился Новожилов.

В палату заглянул Максим:

— Поторопитесь. Пора строиться и идти на полдник.

Кивнув, Андрей сунул сумку под кровать и вышел на улицу.

Дождь кончился, но тучи все еще стягивали небо. Поникшие деревья ждали солнечных лучей, на асфальте было несколько луж. Спустившись с крыльца, Андрей заглянул в одну и увидел свое темное отражение. Подул ветер, по воде пошла рябь, и силуэт задрожал.

Сзади подошел Лешка. Вяло двигая нижней челюстью, он чуть хмурил брови и оглядывался. Руки по-прежнему прятались в карманах толстовки, ноги в мокрых кроссовках шаркали по асфальту.

Неподалеку крикнула птица. Лешка посмотрел в сторону леса и помрачнел еще больше. Оглядевшись, он приблизился к Андрею и тихо произнес:

— Поговорить надо. Насчет того вагончика. Но не сейчас, ближе к вечеру, когда рядом никого не будет.

— Ладно, поговорим, — отозвался Андрей, удивленно глядя на брата. — А что такое?

— Потом, — Лешка болезненно сморщился и еще раз украдкой глянул в сторону леса.

Андрей покачал головой, чувствуя, как внутри зарождается тревога. Поведение брата не нравилось ему все больше.

— Ребята! — послышался голос Ирины Олеговны. — Седьмой отряд! Строимся парами и идем в столовую! Побыстрее, пожалуйста!

— Давай, — Андрей тихонько толкнул Лешку локтем, оба подошли к воспитательнице и стали ждать, пока соберутся остальные.

Максим суетился, поторапливая ребят, Светка топталась возле стены корпуса. Наконец все построились и двинулись к столовой. Андрей изредка посматривал на Лешку. Тот переставлял ноги и, почти не моргая, глядел перед собой.

После полдника вернулись в корпус и собрались в зале на традиционный вечер знакомств. Андрей не любил эту лагерную традицию: сидеть под четырьмя десятками взглядов, держать свечку на блюдечке и рассказывать о себе...

«Меня зовут Андрей, мне тринадцать лет. Перешел в восьмой класс. Люблю футбол, рэп, фильмы ужасов и компьютерные игры, где монстров побольше, — репетировал он, устроившись на диване рядом с Лешкой. — Вот, пожалуй, и все. Сойдет».

Чуть заметно кивнув самому себе, Андрей скрестил руки и стал слушать остальных. Очередь дошла до рыжего очкарика. Заикаясь, звенящим от волнения голосом, тот поведал, что зовут его Егором Мещеряковым, что он закончил седьмой класс, увлекается биологией и что у него есть серо-белый кот Барбос. Все засмеялись, а толстяк залился краской, тихо добавил: «Я его очень люблю...» и придвинулся к стене, прячась за Максимом. Вожатый наклонился и что-то прошептал ему. Видимо, утешал. Рыжий коротко кивнул, поправил очки. Мельком глянул на Андрея и Лешку, тут же отвел глаза и покраснел еще больше.

«Что-то часто он на нас пялится», — Новожилов нахмурился.

Вечер знакомств затянулся до ужина. Потом весь лагерь собрался на первой дискотеке.

Небо прояснилось, тучи уходили за горный хребет. Солнце светило из каждой лужи, играло бликами в траве и листьях, замирало в окнах.

Андрей сидел на танцплощадке, слушая грохот музыки. Неподалеку плясала компания девчонок из старшего отряда. Возле колонок тусовалась малышня. Они скакали, вопили, носились друг за другом и время от времени крутились на задницах, видимо, изображая брейкеров.

Подошел и присел рядом Лешка. Некоторое время он болтал ногами, глядя в одну точку, потом пихнул Андрея локтем и поднялся.

— Пойдем, — тихо сказал он, повернулся и направился к футбольному полю.

Братья миновали спортивную площадку, заросли сирени и вышли к заброшенному открытому бассейну. Сквозь трещины в асфальте пробивалась высокая трава, кое-где валялся битый кафель. Под навесом березовых ветвей стояли облезлые кабинки для переодевания и пара полуразломанных скамеек.

Лешка подошел к бассейну, сел на укрытый рубероидом бортик и свесил ноги. Андрей огляделся и устроился рядом.

— Ты извини меня, ладно? — тихим голосом начал Лешка. — Что психанул, убежал. И в вагон этот сунулся... — он нахмурился, поджал губы и покачал головой. — Лучше бы я туда не лез.

Андрей сглотнул, глядя на брата. Тот был по-настоящему напуган.

— Что там случилось? — спросил он.

— Если честно, толком и не понял, — признался Лешка. — Просто очень жутко было. Короче, я как этот вагончик увидел, сразу решил туда залезть. Чтобы тебе отомстить — я-то надеялся, ты за мной бежишь. Спрячусь, думаю, а этот пусть побегает, меня поищет. Зашел, значит, и меня сразу чуть не стошнило. Вонючка — жуть! Тухляком несет, как от тех птиц в лесу и еще чем-то, вроде как в больнице. Хорошо хоть особой темени не было. В стене, почти напротив двери, дырища здоровая — на корточках можно пролезть.

— Дырища-то там откуда? — пробормотал Андрей, представляя лесной вагончик. Вот он, стоит в низине, вокруг шумит листва, валяются птичьи трупы и мусор, а ветер несет мерзкий запах гнили и больницы.

— Мне-то почему знать?! — воскликнул Лешка. Он облизал губы, поерзал и продолжил: — В общем, я дверь полуоткрытой оставил и начал осматриваться. Никогда раньше такой жути не видел. Пол мертвыми птицами завален, стеклом битым, бумагой. Сделал несколько шагов и споткнулся обо что-то, чуть не упал. Наклоняюсь, смотрю, а это... — брат прервался, перевел дыхание, — в общем, тоже труп, но не птичий. И не звериный.

Он снова замолчал, сглотнул и уставился на дно бассейна, сквозь которое пробивались трава, крапива, одуванчики и подорожник.

Андрей не торопил Лешку. Ему самому нужно было переварить услышанное.

На пару секунд возникла мысль: не выдумывает ли брат? Но Андрей тут же отбросил ее. Он видел мертвых птиц и вагончик, слышал вопли и грохот. К тому же, было видно, что Лешка по-настоящему напуган. Да и врун из него никудышный. Если бы задумал разыграть — давно бы уже хихикал.

— И как он выглядел? — спросил Андрей, напряженно поглядывая на Лешку. — Труп этот...

— Высохший, как мумия. Видно, он уже давно валяется. Похож... Блин, не знаю, на кого он похож! — Лешка засопел, морща лоб. — Уродец какой-то. Помнишь, к нам в

краеведческий музей экспонаты из кунсткамеры привозили?

Андрей кивнул, представив ряды колб, в которых застыли одноглазые, двухголовые, сросшиеся, безрукие и безногие существа. «Фатальные ошибки природы», как называл их высокий седоволосый экскурсовод в затемненных очках.

— Так вот, тот, из вагончика, очень на них похож. Небольшой, около метра. Туловище угловатое какое-то. Головы и ног почти не видно. Зато ручищи длинные, костлявые и кривые. И на каждой по три пальца, тоже очень длинных.

— Жесть, — прошептал Андрей.

— Вообще! Я думал, у меня сердце лопнет! И это еще не все. Возле окна шкаф с стеклянными дверцами, — стекло, правда, везде раздолбанное — а на полке штуковина лежит. Что-то среднее между ножом и пилой, изогнутое, с двумя рукоятками. На лезвии — темные пятна. Стопудово кровь! И на полу куча всяких железяк. Щипцы, пинцеты, плоскогубцы какие-то кривые, скальпели, иголки... Смотришь на все это — и по коже мороз!

— И чего ты там торчал так долго?! Сразу валить надо было!

— Так я и хотел! Уже около двери был, когда шорох услышал — с той стороны, где дырка. Кто-то к вагончику шел и переговаривался. Только я ничего не разобрал. Они общались странно: то квакали, то булькали, то... рыгали как будто.

— Они? — тихо переспросил Андрей, чувствуя, как тревога перерастает в самый настоящий страх. — Их несколько было?

— Да! Самое меньшее — трое! Я чуть в штаны не наложил! Запаниковал, хрень какую-то на полу задел, и она хрустнула. Эти затихли на пару секунд, потом заорали и ломанулись к вагону. Но я уже снаружи был. Слышал только, как они в дыру пролезли — и давай там все крушить. Хорошо хоть не погнались, иначе мы бы сейчас тут с тобой не сидели.

Андрей, подумав о том же, содрогнулся. По ушам как будто снова резануло злобными воплями.

Кто это был?

Какие тайны хранит лесной вагончик?

Кому понадобилось ловить и уродовать птиц?

Покачав головой, Андрей вздохнул. Он надеялся, что после Лешкиного рассказа все прояснится. Но вопросов стало еще больше.

— Вывод один, — сказал он, чувствуя, как кожа покрывается мурашками. — В лесу происходит что-то нехорошее. Будем держаться от него подальше.

— Согласен, — кивнул Лешка. — Мне теперь самому не улыбается в лесу лазить.

— Вот и договорились. А теперь пойдем, — Андрей напряженно огляделся. — Мне, если честно, и здесь не по себе.

Лешка еще раз кивнул, и оба встали. В ту же секунду справа затрещали кусты.

Братья замерли. Лешка приподнялся на цыпочках, вглядываясь в заросли. Андрей чуть присел и сжал кулаки.

«Может, просто ветер?» — подумал он, не решаясь пошевелиться.

Но из кустов вновь донесся шорох.

— Блин! — Лешка засопел и с испугом поглядел на Андрея. — Кто там?!

— Откуда мне знать?! — прошипел тот. Сердце бухало железным колоколом, коленки грозили подогнуться.

— Вдруг это они?! — от испуга голос брата стал хриплым. — Выследили нас!

«Заткнись! — мысленно прорычал Андрей. — И так жутко, а тут еще ты со своими догадками!»

Неподалеку валялся покрытый трещинами кусок кирпича. Какое-никакое, но оружие...

Кусты затрещали в третий раз.

Андрей метнулся вперед. Подобрал кирпич, замахнулся, и тут же из-за листвы и ветвей донесся высокий растерянный голос:

— Да вы чего?! С ума сошли?! Не надо! Не кидай!

Заросли вздрогнули, и Новожиловы увидели рыжего толстяка-очкарика из отряда — Егора.

— Тьфу ты! — выдохнул Андрей.

Толстяк выбрался из кустов, отряхнулся и обиженно уставился на братьев.

— Ненормальные, — пробурчал он, привычным жестом поправляя очки. — А если бы я не закричал?

— А что ты вообще тут забыл? — прищурился Лешка. Он сжимал и разжимал кулаки и тяжело дышал. — Следил за нами что ли?

Очкарик тут же покраснел и отвел глаза.

— Извините, — смущенно пробормотал он и спрятал руки в карманы синей джинсовки с капюшоном. — Просто, когда мы остановились... Сначала вы пропали, потом вожатый. Вернулись перепуганные. Вот мне и стало любопытно, что случилось.

— Любопытной Варваре на базаре пасть порвали! — рявкнул Лешка. Его, наконец, прорвало, и Андрей понял, что брат в любой момент бросится на Егора с кулаками.

Он придвинулся к Лешке, чтобы в случае чего удержать. Тот вполне мог расквасить толстому нос или нарисовать пару синяков. Тогда проблем с воспитательницей не избежать — Егор наверняка нажалуется.

— Извините, — повторил очкарик, еще больше смущаясь. — Я не хотел.

Андрей еле сдержал смех и покачал головой.

— Ну и что ты услышал? — спросил он, сердито буравя Егора глазами.

— Про вагончик. Что там какое-то непонятное существо, мертвые птицы, медицинские инструменты, — начал очкарик таким тоном, будто отвечал у доски. — А потом, когда Лешка уже хотел выбираться, кто-то приблизился к вагончику и, обнаружив чужого, разозлился...

— Это еще очень мягко сказано, — буркнул Лешка, сглатывая. Видно, вновь переживал события пятичасовой давности. — Если бы эти до меня добрались, точно разорвали бы.

— Ну, это еще неизвестно, — возразил Егор. — Вы сами как думаете: кто это был?

Лешка фыркнул, скрестил руки на груди и отошел на пару шагов, всем своим видом показывая, что не желает общаться с очкариком. Андрею тоже не хотелось рассусоливать с этим рыжим шпионом. Тем более здесь, в двух шагах от леса.

— Ничего мы не думаем и думать не собираемся, — твердо ответил он. — Нужно просто забыть эту историю и держаться от леса подальше.

— Зря вы так, — заявил Егор. — Это ведь настоящая тайна! И мы можем ее разгадать! Ты ведь говорил, что там на полу были бумаги? — обратился он к Лешке.

— Ну и что? — с вызовом отозвался брат. — Если тебе маманя в сумку туалетную бумагу забыла положить, я тебе свою одолжу.

— Да причем тут это?! — с обидой воскликнул толстяк. — Просто в тех бумагах могут быть ценные записи. И если мы их добудем, то узнаем, что это за вагончик и что за существа бродят вокруг него.

— Забудь. Мы туда больше не пойдём, — сказал Лешка. — Хватило и одного раза.

— Но ведь это же приключение! — толстяк смотрел умоляюще и уже едва не плакал.

— Приключение?! — разозлился Андрей. — Ты там не был! Не видел мертвых птиц и вагончик! Не слышал, как орали... эти! Так что засунь себе свое приключение куда подальше да потемнее!

«Блин! — думал он, сердито глядя на Егора. Тот по-прежнему стоял с виноватой гримасой, но отступить явно не собирался. — Прицепился же, а?! Если так и дальше пойдет...»

Он оборвал мысль, потому что Егор снова стал канючить. Аргументы закончились, и теперь толстяк пытался давить на жалость. Он ныл, что всегда был робким, но в глубине души мечтал попасть в такую историю, что если ребята не согласятся, он пойдет один — и так далее.

Лешка слушал, качая головой и время от времени закатывая глаза.

«Вот кретин! — Андрей не отрывал взгляда от Егора. Тот раскраснелся и все чаще поправлял очки. — Он ведь и впрямь один туда сунуться может. А потом, если вернется, всем растрезвонит, что мы трусили... Не было печали! — он почувствовал смесь злобы и отчаяния. — Видно, придется все-таки еще раз наведаться в этот вагончик».

— ...Ну, пожалуйста, ребята! Ну, пойдёмте! — голосил толстяк.

— Да заткнись ты уже! — Андрей сморщился, бросил на Егора брезгливый взгляд и подошел к Лешке. — Слушай, — он наклонился к уху брата. — Сводим этого придурка в лес, пусть сам все своими стеклышками увидит.

— Да ты что?! — Лешка вытаращился и отшатнулся. — Жить надоело?! Нельзя туда идти!

— Придется, — тихо, но чтобы и Егору было слышно, сказал Андрей. — Иначе это очкастое чудо потом всему отряду будет рассказывать, какое оно смелое, а мы трусы!

Лешка открыл рот, чтобы возразить, но не издал ни звука. Зло зыркнув на Егора, он поджал губы, шмыгнув носом и сказал:

— Хорошо. Только дорогу пусть этот очконавт и ищет. Лично я не знаю, как до вагончика добираться.

— Я знаю.

Андрей вздрогнул, услышав голос Оли. Обернувшись, он увидел девочку возле бассейна.

— А ты здесь как оказалась? — изумленно пробормотал он.

Оля усмехнулась и подошла.

— Так же, как и Егор. Увидела, что вы куда-то пошли, и решила проследить. Я ведь тоже там была — и хочу знать, что в этом вагончике.

— Зашибись! — сердито воскликнул Лешка. — Не отряд, а КГБ какое-то!

— Ладно, — сказал Андрей. В глубине души он радовался появлению Оли. И понимал, что теперь задний ход точно не дашь. Прослыть трусом перед Егором он еще мог. Но перед ней — ни за что! — Как нам добраться до вагона?

— Он не так уж далеко. На том участке, где спустило колесо, дорога делает большой круг. После того, как мы вернулись в автобус, ехали минут пятнадцать, не больше, — принялась объяснять Оля. — Ворота вон там, — она указала вправо, — поэтому мы не ошибемся, если двинемся в лес от них. Три-четыре километра по прямой — и будем на месте.

— Умная какая! — пробурчал Лешка. — Ну и когда мы пойдём? Надеюсь, не сию

минуту?!

— Разумеется, нет! — воскликнул обрадованный Егор.

«Разумеется! — мысленно передразнил Андрей. — Надо же, какой разумный!»

— Предлагаю идти после завтрака, — сказала Оля. — Будет церемония открытия смены с линейкой, концертом и так далее. Подождем немного, а потом незаметно сбежим.

— Вот и отлично! — Егор потер пухлые руки. — Увидите: это будет супер!

— Ага, — кисло отозвался Лешка. — Уже сейчас вижу, — он обернулся на темный прямоугольник бассейна. На лагерь опускались сумерки, растительность погружалась в ночную дремоту, небо над горами стало малиновым. — Может, в корпус, наконец, пойдем?

— Верно, — согласился Егор. — Перед завтрашней экспедицией нужно как следует набраться сил.

«Экспедицией! — вновь передразнил очкарика Андрей. — Профессор, блин!»

Ребята вышли на узкую, усыпанную камешками тропку и двинулись вдоль кустов, над которыми возвышались березы и сосны. Кое-где из темной и сырой после дождя земли виднелись корни, и Андрей невольно вспоминал слова Лешки: «зато ручищи длинные, костлявые и кривые. И на каждой по три пальца, тоже очень длинных».

Что ж, завтра ему представится возможность увидеть, насколько длинные «ручищи» у существа...

«Неужели я и вправду согласился идти? — спрашивал себя Андрей, слушая шаги друзей и грохот музыки с танцплощадки. Он вновь представил лес, и по спине пробежали мурашки. — Ладно, — он глубоко вдохнул, пытаясь успокоиться, — один раз мы уже вернулись оттуда. Вернемся и завтра».

Действительно, может, все не так плохо. Андрей ведь не знал, что это за лесные существа. Да, они убивают птиц. Но не исключено, что всего лишь для пропитания. Да, они злобно ревели, обнаружив в вагончике Лешку. Но ведь не бросились в погоню. Быть может, они просто-напросто защищают свою территорию, как животные? Скорее всего, так и есть. Но оставался главный вопрос: кто такие эти «они»? Родня тому высохшему существу, о которое споткнулся Лешка? Наверное. Однако это по-прежнему ничего не объясняет...

«Завтра все и узнаем», — подумал Андрей, глядя на огни танцплощадки.

Ребята из других отрядов познакомились, плясали, веселились. Конечно, они ведь благополучно добрались до лагеря. Это ведь не у их автобусов спустило колесо. Это ведь не они бегали по лесу неизвестно от кого. И не им завтра предстоит отправиться в «экспедицию», как выразился этот очкастый придурок. Почувствовав злость, Андрей снова вдохнул поглубже.

«Может, завтрашняя прогулка и впрямь окажется просто увлекательным приключением», — подумал он, вместе с Лешкой, Олей и Егором останавливаясь возле корпуса.

Глава 6. Братская могила "страшных гномов"

Утро выдалось жарким. Федор Иванович уже несколько раз прерывался, снимал рукавицы, доставал платок и промокал лицо. Потом опять брался за метлу.

Вновь остановившись, он оглядел двор. Возле разноцветного деревянного домика возился с машинками карапуз в синей джинсовой панамке. Рядом, на низенькой лавочке сидела его бабушка. Листва блестела на солнце, безоблачное небо вокруг светила казалось белым.

— Еще чуть-чуть, — сказал себе Сбитнев. Оставалось подмести у первого подъезда — и можно укрыться на скамейке в тени тополей.

За домом послышался грохот трамвая. Спустя пару минут во дворе показалась Нина Евгеньевна. Одного взгляда на нее было достаточно, чтобы понять: что-то случилось. И это «что-то» наконец-то хорошее.

Серова шла уверенно, выпрямив спину и чуть заметно улыбаясь. Увидев Сбитнева, она направилась к нему.

— Доброе утро, Федор Иванович.

— Здравствуй, Ниночка, — кивнул дворник. — Давненько тебя такой радостной не видел.

— Так ведь новости замечательные! — Нина Евгеньевна сияла. — Я только что от Максима. Фруктов ему принесла, витаминов, которые Игорь Витальевич порекомендовал. Максим, как обычно, лежал лицом к стене, но как услышал, что я зашла, повернулся. Посмотрел на меня удивленно, чуть улыбнулся и заплакал. Беззвучно, только слезы по щекам катились. Я, если честно, сначала испугалась. К доктору побежала, а тот довольно кивнул и сказал, что это хороший признак — Максим идет на поправку. Первый шаг сделан!

— Ну, вот видишь! — сказал Федор Иванович, облегченно выдохнув. — Я же говорил: нечего себя казнить было. Максим парень крепкий, выкарабкается.

Нина Евгеньевна попыталась улыбнуться, но помешал всхлип. Приложив руку к губам, она проморгалась и снова посмотрела на Сбитнева.

— Спасибо вам, Федор Иванович, большое, — тихо сказала она. — Если бы не вы, не знаю, что бы сейчас с Максимом было.

— Ну-ну, скажешь тоже, — смутился дворник. — Ничего такого я не сделал. Вот Игорь Витальевич — голова. Его и благодари.

— Нет-нет, — Нина Евгеньевна замотала головой и полезла в бежевую сумку. — Вы тоже очень помогли, — она достала яблоко, протянула Сбитневу. — Вот, угощайтесь. Чтобы Максим поскорее выздоровел и вернулся домой!

— Ну, добро, — крикнул дворник, принимая подарок.

Серова пошла домой, Сбитнев домел двор и устроился под тополями. Снял рукавицы и жилет и захрустел яблоком.

«Дай бог, чтобы и дальше все было хорошо», — думал он, наблюдая, как воробьи серыми чирикающими шариками прыгают в пыли. В ветвях застрекотала сорока, с балкона донесся собачий лай.

Дворник всей душой желал, чтобы последние несколько дней остались лишь страшными воспоминаниями. Может, так оно и будет. Максим уже идет на поправку, очередь за Егором...

Вспомнив о соседском мальчишке, Сбитнев помрачнел. Что должно было случиться в лагере всего за два дня, чтобы изменить Егора настолько?

— Хоть в чертовщину начинай верить, — пробормотал Федор Иванович, морща лоб. — Ладно, пора домой.

Он поднялся, отнес метлу и тележку в подсобку, бросил взгляд на двор и вышел на улицу. Задержался у синего киоска на остановке, мотнул головой. Нет, утро жаркое, и трамваи уже превратились в железные грохочущие парилки. Лучше пройтись пешком.

Выкинув огрызок в облезлую заплыванную урну, Сбитнев пошел дальше. Справа, над кустами сирени, высилась арка с колоннами, за которой пряталась бордовая четырехэтажка школы. В траве, нахохлившись, сидел крупный, явно побитый жизнью дымчатый котяра.

Федор Иванович вспомнил о Барбосе. Весь прошлый день кот просидел под диваном, вылезал только поесть, передвигался на полусогнутых лапах. А когда Сбитнев лег спать, устроился под боком и полночи вздрагивал.

«Досталось же ему, бедолаге», — подумал Федор Иванович.

Дорога заняла минут сорок. Увидев среди зелени свой дом с белыми, выкрашенными штукатуркой стенами и шиферной крышей, Сбитнев чуть улыбнулся и ускорил шаг.

Приветствуя хозяина, в палисаднике зашелестела яблоня, с верха зеленых ворот нехотя сорвалась сорока. Сбитнев достал ключ, открыл дверь, прошел во двор и обо что-то запнулся.

Охнув, он опустил глаза и увидел большую коробку из-под обуви. К крышке был приклеен тетрадный лист в клетку с неумело нарисованным черепом, под которым перекрещивались две кости, и одним-единственным словом: «Привет!»

Тут же заколотилось сердце. Предчувствуя неладное, Сбитнев присел на корточки, приподнял коробку.

«Тяжелая», — отметил он и снял крышку.

Внутри лежал Барбос. Белую шерсть груди покрывали ржавые пятна, передние лапы были вывернуты, голова... От нее мало что осталось.

Ноги не выдержали. Сбитнев завалился на бок, тяжело дыша. Спрятал лицо в ладонях и отпихнул коробку. Та перевернулась, Барбос вывалился на землю.

Затряслись плечи, сдавило горло, голову наполнило шумом. Федор Иванович зажмурился до боли в глазах, надеясь, что разуму будет легче в темноте. Но перед мысленным взором появился Егор. Оскалившись, он прижимал кота к верстаку, замахивался молотком и бил, бил, бил... Сбитневу даже показалось, что он слышит удары. Мягкие, глухие. Но это колотилось его собственное сердце.

Под левой лопаткой вспыхнула боль. Сразу, резко. Стало трудно дышать, а на сердце будто бы сомкнулись пальцы — стальные, цепкие.

Оскалившись, Федор Иванович встал на корточки. Затем, перебирая руками по стене, поднялся. Отпер дверь в дом и, шатаясь, кинулся на кухню. Добрался до холодильника, вытащил аптечку.

«Вот они», — мелькнуло в голове, когда пальцы ухватили пластинку с крупными белыми кругляшами «Валидола».

Первую таблетку он уронил. Мысленно выругался, стиснул зубы, вдохнул поглубже и извлек вторую. Сунул под язык и опустился на стул, чувствуя, как рот наполняется мятным, с легкой горечью привкусом.

Спустя пару минут волна боли схлынула, стальные и цепкие пальцы, сжимавшие сердце,

исчезли. Сглотнув и сделав пару глубоких вдохов, Сбитнев встал, прошел в ванную и плеснул на лицо холодной водой. Жар, изнутри давивший на виски, тоже понемногу уходил.

Глянув в зеркало, Федор Иванович покачал головой. Мокрое лицо пошло пятнами, подбородок чуть подрагивал, в глазах светились испуг и отчаяние.

Он наощупь отыскал полотенце, вытерся и решился.

Вышел на улицу, присел на корточки, убрал окоченевшую тушку в коробку. Отнес под дальнюю яблоню и вернулся за лопатой.

Через десять минут о случившемся напоминал лишь кусок перекопанной земли под яблоней. И страх, терзавший изнутри.

Вернувшись в дом, Федор Иванович присел на краешек кровати и спрятал лицо в ладонях. Он не понимал. Ничего не понимал. Но чувствовал, что рядом поселилось зло. Прочно и надолго.

За несколько дней до этого.

«Засранцы! — Макс плюхнулся на койку и задумчиво уставился в стену, оклеенную цветастыми обоями. — Мало им приключений».

Не зря он решил приглядывать за братьями. Те свинтили секретничать при первой возможности. И то, что Макс слышал, прячась в зарослях возле бассейна, очень ему не понравилось. Он сам еще не отошел после приключения в лесу, а Лешкин рассказ только усилил тревогу. Мертвые птицы, вагончик, странное высохшее тело, крики и грохот... С лесом и впрямь что-то непонятное, а эти «господа отдыхающие» опять решили сунуть любопытные носы в его дебри.

«Нет уж, ничего у вас, ребятки, не выйдет, — подумал Макс, оглядывая комнатку. На тумбочке у окна мягко светила лампа под оранжевым абажуром, в углу темнел шифоньер, наверху которого покоилась пустая дорожная сумка водителя. — С утра буду за вами следить. Глаз не спущу!»

Немного успокоившись, водитель улегся и, не моргая, уставился в потолок — в полумраке он казался серым. Полежал немного с закрытыми глазами. Поняв, что сон не идет, поднялся и подошел к окну.

За потрескавшейся асфальтированной дорожкой темнели заросли черемухи, журчал ручей. Дальше шел крутой подъем, заросший барбарисом и огороженный сетчатым забором, а за ним начинался лес.

Представив, каково сейчас среди укутанных ночной чернотой стволов, ветвей и листьев, Макс поежился и перевел взгляд на небо.

Тучи ушли. Желтая, почти круглая луна нависала над горами, щедро поливая их светом. Рядом, свитой при королевской особе, мерцали звезды.

— Красиво, — пробормотал Макс, отошел от окна и вздрогнул, встретившись с темным взглядом собственного неясного отражения. Оно походило на призрака, замершего в воздухе, бледного, полупрозрачного.

Не отрывая от него глаз, Макс подошел к лампе и щелкнул выключателем. Комнатку затопила темнота, отражение исчезло. Водитель облегченно выдохнул, открыл форточку и устроился под одеялом. Еще раз проверил, завел ли будильник на телефоне, перевернулся на левый бок и, наконец, почувствовал, как сон берет свое.

...Пи-пи-пи!

Макс разлепил глаза и приподнялся на локте. Плюхнул левой рукой по тумбочке, нащупал телефон, поднес к лицу и отключил будильник. Встал, влез в майку и джинсы,

достал пакет с зубной щеткой, пастой и дезодорантом и вышел из комнаты.

Ребята еще спали. Дверь в первую палату была открыта, доносился чуть слышный храп. «Спите-спите, — подумал он, направляясь дальше. — До подъема еще полчаса».

Прошлепав по коридору, Макс зашел в ванную и встал перед раковиной. Глянул на свое отражение и почувствовал, как желудок наливается каменной тяжестью.

«День сегодня не из простых, — он сглотнул и пустил холодную воду. — Если они и впрямь вознамерились идти в лес...»

Макс оборвал мысль, покачал головой и приник к крану губами. Тут же заломило зубы, он быстро сделал пару глотков, выпрямился и фыркнул.

Умывшись, он прошел в холл и устроился на диване, глядя в темный экран телевизора. Из соседнего крыла слышались частые шаги и взволнованный голос Ирины Олеговны. Невнятно буркнула Светка.

Серов провел рукой по зеленой ткани дивана, встал и прошел к балкону. Щелкнул шпингалетом, потянул дверь. Та грохотнула, и спустя секунду в холл хлынула волна прохладного утреннего воздуха.

Макс поежился и поднял глаза на нежно-голубое небо в легкой облачной дымке и блестящую зелень леса. За кустами черемухи слышалось птичье щебетание, со стороны ворот доносился ворчливый басок трактора.

Спустя полчаса умытый седьмой отряд построился у корпуса и с гомоном направился к столовой.

На эстраде вовсю готовились к празднику. Суетились несколько воспитателей и вожатых. Один, с бритой наголо головой и оттопыренными ушами, одетый лишь в красные шорты и шлепанцы, сидя на краю сцены, настраивал гитару. Из двух черных колонок-«небоскребов» обрывками несло что-то торжественное, время от времени взвизгивал микрофон. Под крышей висели гроздь разноцветных шаров, на скамьях лежали свернутые листы ватмана, коробки с красками, фломастерами и кисточками.

Ребята, глядя на это великолепие, перешептывались, вытягивали шеи. И только четверым до предстоящего торжества, казалось, не было никакого дела. Андрею, Лешке, Оле и Егору. Они держались вместе, серьезные, задумчивые.

«Все-таки решили идти, — Макс покачал головой, не спуская с четверки глаз. Он надеялся, что за ночь ребята передумают, но, видимо, зря. — И ведь действительно напуганы! Нет, чтобы забыть об этой затее. Всем бы сразу легче стало. Куда там! Вдруг кто трусом посчитает! Оболтусы!»

Вожатый ускорил шаг и почти поравнялся с ними. Разумеется, он понимал, что сейчас ребята никуда не рванут, но все же... Следить, так следить.

Столовая встретила запахом каши и компота. Отовсюду доносились голоса, грохотала и звенела посуда, ножки стульев лязгали по полу. Седьмой отряд расположился за длинным столом, рядом со стеной, увешанной плакатами типа «Мойте руки перед едой!» и так далее.

Макс сидел, задумчиво ковыряя ложкой в рисовой каше с желтым озерцом сливочного масла в центре. Тяжесть все еще не отпускала желудок, есть не хотелось. И еще больше не хотелось носиться по лесу, если эти чертенята все-таки сбегут.

«Не сбегут, — успокаивал себя Серов, мелкими глотками отпивая теплый компот. — Послежу».

Но уверенности он не чувствовал.

После завтрака седьмой отряд вернулся в корпус — готовиться к открытию смены.

Ирина Олеговна, как обычно, суежилась и голосила.

— Максим! — она впиявилась в руку водителя и сунула ему листок с парой четверостиший. — Вот, сочинила перед отбоем. Возьмите нескольких мальчишек и разучите! Только побыстрее! Времени осталось мало, а у нас почти ничего не готово!

Скорчив плаксивую гримасу, воспитательница ринулась к Светке. Та, пляясь в такой же листок, чесала в затылке.

«Наш отряд — седьмой! Счастливый! Отдых впереди — отличный! — прочитал Макс и едва заметно усмехнулся: — Да уж, поэтесса. Умеет рифмы подбирать, ничего не скажешь. А мне, дураку, это читать... Хотя, — он прищурился и отыскал глазами Новожиловых и Егора. — Спасибо вам, Ирина Олеговна. Теперь есть, чем этих беглецов занять».

— Вот что, — сказал он, подойдя к ребятам и протянув листок. — Сейчас возьмите и выучите. Будем читать на открытии смены.

Братья и Егор растерянно переглянулись, Лешка отрыл рот, наверняка намереваясь повозмущаться, но Андрей несильно пихнул его локтем и кивнул.

Ребята взяли листок, уселись на пуфик справа от телевизора и стали читать. Глаза бегали по строчкам, лица становились все кислее.

Промчались полчаса, и Ирина Олеговна устроила генеральную репетицию. Первыми вышли братья и Егор. Монотонно, глядя в пол, они декламировали поэтический шедевр воспитательницы, а та мрачнела, напряженно поджимала губы и поглядывала на часы.

Закончив, ребята облегченно посмотрели на Ирину Олеговну. Воспитательница, легонько качнув головой, обняла всех троих за плечи, отвела в угол и стала что-то втолковывать. Наверняка требовала читать с выражением. Макс усмехнулся, глядя, как Лешка жуёт губами и испепеляет ее взглядом.

Еще через двадцать минут седьмой отряд направился к эстраде. Под круглую крышу со всех сторон стекались пестрые ручьи ребят. Музыка эхом отскакивала от стен корпусов, смешивалась с голосами.

А за спиной молчаливо ждал лес.

Макс обернулся, сглотнул и нагнал братьев.

«Ничего, — успокаивал он себя. — Буду рядом — и не сбегут».

— Ребята! Седьмой отряд! — высокий, взволнованный голос Ирины Олеговны едва доносился в общем гомоне. — Усаживаемся, пожалуйста!

Сев с Новожиловыми, Макс еще раз огляделся. Ребяшня вертела головами, вытягивала шею, переговаривалась. Бухали колонки, возле микрофона стояла директриса Светлана Максимовна, крупная женщина с короткими волосами, болезненным цветом лица и сутулой спиной. Подняв на лоб затемненные очки с прямоугольными линзами, она бегала прищуренными глазами по листку с речью.

Макс выудил из джинсов мобильник и посмотрел время. Пол-одиннадцатого. Скоро начнется...

Лешка распаковал жвачку и заработал челюстями. Андрей привстал, оглянулся. Встретившись глазами с Олей, развел руками.

«Вот именно, — усмехнулся Макс, наблюдая за ребятами. Волнение понемногу отступало. — Некогда вам бежать».

Музыка стала тише. Все подобралось, директриса возле микрофона выпрямилась, опустила листок и начала:

— Дорогие ребята! Я очень рада снова видеть вас в наших любимых «Березках»! Сейчас

мы познакомимся с каждым из отрядов, а потом будет небольшой, но очень интересный концерт. Итак, начнем с самых маленьких... Я представляю вам пятнадцатый отряд!

Светлана Максимовна захлопала, отошла от микрофона. В центр эстрады выползла шеренга малышни под предводительством лысого и лопухого гитариста в шортах. Вожатый ударил по струнам, и малышня писклявым разнобоем затянула гимн лагеря.

Отряды сменяли друг друга. Макс успокаивался, понимая, что его ребята, «вооруженные» стихами Ирины Олеговны, будут не худшими.

«Где-то посерединке», — подумал он, хлопая очередному отряду.

— А теперь, — раздался низкий голос Светланы Максимовны. — Седьмой отряд.

Макс кивнул Новожиловым и Егору — тот мгновенно залился румянцем от волнения — и вместе с ребятами вышел вслед за Светкой и несколькими девочками.

Пытка заняла не больше пяти минут.

«Не так уж и плохо», — заключил вожатый, усаживаясь под похвалы директрисы и рукоплескания — Ирина Олеговна усердствовала больше других.

Лешка, с тихим «фу, блин!», плюхнулся рядом, ссутулился, скрестил руки на груди и, терзая жвачку, уставился вперед. Андрей вновь оглянулся, посмотрел на часы и поджал губы.

«Да-да-да!» — Макс с усмешкой глянул на него.

Минут десять он просидел, задумчиво уставившись в бетонный пол эстрады. Потом вздрогнул, почувствовав на плече чью-то руку.

Обернувшись, он увидел лысого гитариста. Тот растерянно глядел на Макса, прижимая гитару к правому боку.

— Ой, извини, не хотел пугать, — пробормотал вожатый, шмыгнув крупным горбатым носом.

— Э-э-э, пустяки, — смутился Макс. — Что-то случилось?

— Да понимаешь, хочу своих научить в настольный теннис играть. Я ведь тренером работаю, — не без гордости сказал лопухий. — А стол на чердаке, один я его не утащу. Можешь помочь? Вы ведь отвыступались уже? Тут недалеко, в третьем корпусе. Ну что, пойдем?

Макс открыл и закрыл рот. Достал мобильник, поглядел время. До обеда оставалось больше двух часов — вполне достаточно для поисков лесного вагончика.

— Может, попозже, перед обедом? — он напряженно поглядел на братьев — те прислушивались к разговору.

«Черт! — мысленно выругался Макс. — Ни раньше, ни позже!»

— Я им перед обедом уже хотел небольшой урок дать. Чего время зря терять? Будь другом, помоги! — лысый снова шмыгнул носом, глядя на Макса. — Чего тут сидеть? Тебе этот концерт нужен?

Макс поджал губы и огляделся. Он уже понял, что этот гитарист с ракеткой просто так не отвяжется. А если ответить поглубже — обидится.

«Ладно, — подумал он. — Туда-сюда — всего десять минут. Ничего на это время не случится».

— Идем, — бросил он, коротко кивнув, и поднялся.

— Спасибо, друг! — лопухий расплылся в улыбке. — Меня, кстати, Степой зовут! — он протянул руку.

— Макс.

Вожатые направились по выложенной бетонными плитами дорожке к третьему

корпусу. Воздух уже прогрелся, в траве звенел оркестр кузнечиков, над зеленью порхали бабочки.

Степа неторопливо шел впереди, шаркая ногами в шлепанцах. Обернувшись, он добродушно посмотрел на Макса.

— Первый раз здесь?

— Да, — тихо отозвался Макс. Он оглянулся на эстраду. Музыка не было, значит, выступал очередной отряд.

«Чего ты тащишься?! — мысленно обратился он к лысому. — Быстрее двигай!»

— А я уже третье лето работаю, — сообщил Степа, вновь оглядываясь и замедляя шаг. — А что? Точишь на природе, за этими приглядываешь иногда. Красота!

— Да уж, — пробормотал Макс. — И как тебе здесь?

— Говорю же: красотень!

— А странного ничего не случилось? В лесу особенно?

Степа остановился и скорчил задумчивую гримасу. Подтянул одной рукой шорты и мотнул лопухой головой.

— Неа. А что?

— Да так, ерунда, — отозвался Макс.

Вожатый глянул на него и ухмыльнулся.

— А-а, понимаю! — он хохотнул. — Детишки сказочками балуются? Про черные простыни и всяких там безголовых лесников? Это они любят!

«Да уж, сказочки!» — Макс покачал головой, вспомнив дико орущую, пляшущую под ногами изуродованную ворону и непонятное существо в зарослях.

— Мой тебе совет: придумай что-нибудь сам, — сказал Степа. — Да такое, чтобы кровь в жилах застыла! Знаешь, как они тебя тогда уважать будут!

— Я подумаю, — коротко ответил Макс и вновь оглянулся.

— Твоим ведь сколько? Лет двенадцать-тринадцать? Самый возраст для страшилок! Вот мои первоклашки — другое дело. Поверят, истерить начнут, и проблем не оберешься. Вон, ночью одна забегает, вся в слезах. Говорит, в туалет пошла, а из окна на нее кто-то пялился.

— Кто пялился? — насторожился Макс. Сердце застучало, в животе вновь неприятно заворочалось.

— А хрен его разбери! Говорит, какой-то страшный гном. Только не было там никого, это сто процентов. Страшилок ей кто-то нарасказывал — и вот результат. Узнал бы кто — уши бы надрал!

«Страшный гном... — Макс вновь представил заросли и маленькое, бугристое, розовое нечто. — Неужели этот... это... — он мотнул головой, не зная, как назвать существо, — уже в лагере? Черт! Нельзя дать ребятам сбежать!»

— Пойдем быстрее, — попросил он Степу.

Тот пожал плечами, недоуменно глянул на Макса, развернулся и вновь зашаркал по бетонным плитам. Макс мысленно рычал, глядя на неторопливые движения Степы.

Наконец они добрались до корпуса, укрытого высоченной раскидистой березой.

— Фуф-ф! — выдохнул Степа. Он остановился у крыльца, выудил из кармана пачку сигарет, протянул Максу.

— Нет, бросил, — ответил тот, пряча сжатые кулаки.

«Согласился помочь на свою голову!» — он стиснул зубы и в очередной раз обернулся.

Степа устроился на лавочке возле крыльца и с наслаждением задымил.

— А я вот вряд ли когда-нибудь брошу, — сказал он, жадно затягиваясь. — Нравится мне дым пускаться, хоть и говорят, что вредно, что легкие прожигают, что стоять потом не будет. Ерунда, на мой взгляд.

Макс неопределенно дернул плечами.

— Да ты чего такой нервный? — Степа недоуменно вскинул брови. — Не бзди, ничего с твоими опарышами не случится! А для успокоения у меня в комнатке кое-что есть, — он хитро прищурился и щелчком отправил окурок в урну. — Уверен, тебе понравится.

— Ну что, идем, наконец? — спросил Макс, первым ступая на крыльцо.

Степа кивнул и пошел следом.

Вожатые миновали вестибюль, такой же, как в корпусе Макса. Поднялись по лестнице и остановились у чердачной двери, обитой листами железа, выкрашенными бежевым.

— Сейчас, — сказал Степа, поворачивая ключ.

Замок щелкнул, дверь открылась, и Макс вслед за лопоухим окунулся в сумрак чердака. Из маленького слухового окна лился слабый свет, пахло пылью. Возле стены стоял старый диван без спинки, с отломанными подлокотниками и оголенными пружинами.

— Давай, помогай, — Степа подошел к столу, сложенному и прислоненному к старому шифоньеру без дверцы.

Пыхтя, вожатые спустили стол на первый этаж и поставили в вестибюле. Степа отошел, взглядом знатока оценил работу, довольно кивнул и махнул Максу:

— Айда, ко мне заглянем. Поработали — можно и расслабиться чуток.

Они прошли в комнату вожатого, Степа нырнул в тумбочку и достал бутылку с коричневой жидкостью.

— Не «Наполеон», конечно, но тоже покатит, — он хитро ухмыльнулся и подмигнул Максу. — Давай по глоточку за открытие смены. Чтоб погода стояла как сегодня, а дети и начальство на мозги не капали!

— Я не буду, — решительно сказал Макс, мотнув головой.

— Да не бойся! Я ж не нажираться предлагаю! А зубная паста вмиг запах отшибет! Проверено!

— Все равно не буду, — отрезал Серов. — Не хочу.

Степа досадливо чмокнул губами и отвинтил крышку.

— Ну, как хочешь, — он уселся на кровать и вытянул ноги. — Передумаешь — заходи. Вышьем, в теннис поиграем...

Макс коротко кивнул и вышел. Быстрым шагом миновал вестибюль, спустился и бегом кинулся к эстраде.

«Давай! Жми!» — подгонял себя вожатый, слушая, как стучат по плитам кроссовки.

Вот и эстрада. Ребята по-прежнему вертели головами, толкались, смеялись и переговаривались. Кое-кто, уставший сидеть, носился неподалеку, не обращая внимания на сердитые возгласы вожатых и воспитателей.

В центре эстрады двое, наряженных в зеленые скафандры, с антеннами на голове, отплясывали чечетку. Светлана Максимовна стояла возле колонок и с довольным видом смотрела на «инопланетян».

Макс отыскивал свой отряд. Ирина Олеговна, сидя с девчонками строчила в блокноте, изредка поглядывая на чечеточников. Рядом развалилась Светка — как раз там, где сидели братья и Егор.

«Только не это!» — мелькнуло в голове.

Макс продолжал обшаривать отряд взглядом, но понимал: это бесполезно. Андрея, Лешки, Егора и Оли на эстраде нет.

Сердце заколотилось, руки и ноги задрожали. Сглотнув, Макс рванул к корпусу. Наверняка ребята сначала заглянут туда, и он их перехватит.

«Сколько я возился с этим ушастым? — размышлял Серов на бегу. — Минут пятнадцать, не больше. Надежда еще есть».

Он поднажал. Промчался мимо разрисованной каменной глыбы, обогнул беседку. Взлетел на крыльцо и только в вестибюле перешел на шаг.

Корпус встретил тишиной. Макс метнулся в холл. Пробежал по девчоночьему крылу, бросился к палатам мальчишек. Никого.

Упершись локтем в стену, он запустил пальцы в волосы, зажмурился и покачал головой. Все. Теперь — только в лес...

Внутри снова разгорался страх. Стены, пол и потолок стали давить.

«Упустил!» — молотом стучало в голове.

Виски заломило. Макс оттолкнулся от стены, качнулся и несколько раз глубоко вдохнул. Мгновением позже послышался шум воды из туалета.

Макс снова бросился по коридору.

— Андрей! Леша! Егор! — звал вожатый, чувствуя, как накатывает волна облегчения. — Ну-ка, идите сюда! Быстро! Андрей! Егор! Ле... — он запнулся, столкнувшись в дверях с светловолосым загорелым мальчишкой в темных шортах и полосатой футболке. Это был Костя из второй палаты.

Он ойкнул, отступил и растерянно посмотрел на Макса. Тот заглянул в туалет, обвел взглядом кафельную стену, большое открытое окно, дверь душевой и краешек раковины.

— Ты здесь один? — спросил вожатый.

— Ага, — отозвался Костя. Он смотрел на Макса с легким испугом. — А что?

— Новожиловых и Мещерякова не видел?

Костя почесал светлую макушку, прищурился и ответил:

— Они заходили, примерно пять минут назад. С ними еще Оля Герасимова была.

— А дальше?

— А дальше я не знаю, — Костя скорчил жалостливую гримасу. — У меня живот разболелся.

— Понятно. Сходи в медпункт, — бросил Макс и бегом направился к выходу.

Оказавшись на крыльце, он еще раз огляделся. Спустился, обогнул корпус и побежал по старой дорожке вдоль зарослей черемухи.

«От ворот, значит, идти собрались, — вспомнил он слова Оли. — Ничего, догоню. Далеко вы не могли уйти!»

Серов вздрогнул, вспомнив, что вчера в лесу думал о том же. И закончилось это...

Он мотнул головой. Лучше не вспоминать.

Корпуса проносились мимо, темные окна смотрели с немым укором. А в спину словно бы несло: «Упустил! Упустил!»

— Еще не упустил! — хриплым шепотом произнес Макс.

До ворот оставалось не больше пятидесяти метров. Вожатый притормозил, нырнул в заросли. Потерял равновесие, скатился на заднице и едва не плюхнул ногой в ручей. Встал, шлепнул пару раз по джинсам, отряхивая, и перескочил через слабый, чуть слышно плещущий поток.

Помогая руками, взобрался на пригорок. Продрался сквозь кусты, остановился и огляделся.

Внизу, по правую руку виднелись ворота и край поляны, на которой вчера остановились автобусы.

— Три-четыре километра по прямой, — пробормотал Макс, снова вспоминая разговор ребят, сжал кулаки и рванул в заросли.

Трава шуршала под ногами, какие-то жесткие стебли с колючками мешали двигаться. Оказавшись в тени деревьев, Макс едва не упал — запнулся о сухую ветку. Выругался, освободил ногу и, пригнувшись, побежал дальше.

Ветви так и норовили задеть лицо. Приходилось постоянно закрываться руками, уклоняться. Макс быстро выдохся. В ушах шумело, грудь сдавливало. Воздух проникал в легкие с тихим хрипом. Ноги становились все тяжелее. Но он не собирался переходить на шаг.

«Где вы?» — думал Серов, прислушиваясь.

Он решил не кричать. Во-первых, ребят четверо, и они наверняка будут разговаривать. Нужно лишь прислушиваться. А во-вторых, то существо вновь может быть неподалеку.

«Но с другой стороны, — размышлял Макс, переставляя ноги. Он выжимал из себя все, но с каждой минутой замедлял бег, — может, лучше привлечь... его? Оно ведь маленькое, сил у меня хватит. Наверное».

Серов мотнул головой. Нет, нужно просто найти ребят, вернуться и навсегда забыть дорогу в лес.

На лицо налипла паутина. Макс охнул, зажмурился и остановился. Стиснув зубы, стал яростно тереть лицо. Потом открыл глаза и вздрогнул, увидев метра в двадцати человека.

Тот стоял спиной. Невысокий, коренастый, с ежиком пепельных волос. Примерно одного возраста с Максом. В синих спортивных брюках и черной футболке с крупной желто-красной надписью «The Prodigy». Словно почувствовав взгляд вожакого, он повел плечами и медленно, плавно шагнул вперед.

— Эй, друг! — крикнул Макс, бросаясь вперед. — Постой!

Человек не ответил. И даже не оглянулся. Неторопливо и бесшумно он шел сквозь заросли, чуть заметно двигая руками.

— Подожди минутку! — надрывался Макс.

Он снова бежал, но расстояние не сокращалось, а незнакомец по-прежнему не реагировал на голос и шаги за спиной.

«Да что с ним? — недоумевал Серов, пытаясь нагнать парня. — Может, глухой?»

Макс поднажал. Однако не отвоевал даже метра.

«Хорошо, — подумал он, чувствуя злость. — Тогда сделаем так...»

Он остановился, подобрал палку и запустил в парня. Вращаясь наподобие пропеллера, та пролетела у незнакомца над головой, врезалась в березовый ствол и переломилась.

«Ну? Что ты на это скажешь?» — Макс облизал губы, буравя черную футболку глазами.

Парень остановился. Поднял левую руку и пару раз резко шевельнул кистью, приглашая следовать за ним. Так и не обернувшись, он снова двинулся вперед.

«Что за ерунда?! — Макс недоуменно наморщил лоб. — Чего ему надо?! Может, он псих?!»

Подобрав на всякий случай еще одну палку, покрепче и потяжелее, он кинулся за парнем. Тот будто почувствовал это и ускорился.

Он двигался все так же бесшумно, плавно и неторопливо. Макс, жадно хватая воздух, с трудом удерживая равновесие, с треском продирался сквозь заросли, а дистанция не сокращалась и на метр.

«Долго я так не выдержу», — понял Макс, не сводя глаз с коренастой скользящей впереди фигуры. В голове все плавилось. Горло и грудь изнутри терли наждаком. На руки и ноги словно навесили свинцовых гирь. Одежда липла к вспотевшему телу.

Нога за что-то зацепилась. Ахнув, Макс взмахнул руками. Выронил дубину и растянулся на траве. Грудь и живот сдавило тупой болью.

Несколько секунд он лежал, пытаясь сделать вдох. Когда воздух снова полился в легкие, вожатый поднял голову и увидел парня в черной майке. Тот стоял и ждал. Все в тех же двадцати метрах...

— Чего тебе надо, урод?! — хрипло пролаял Макс. Внутри заклокотала злость, горло душили слезы обиды. — Подойди и скажи!

Незнакомец повел плечами, медленно покачал головой. Вытянув руку, снова приглашающе подвигал кистью.

Макс зарычал. Оттолкнулся руками, вскочил и бросился вперед. Парень неторопливо кивнул и побежал.

— Твою мать! — выругался Макс.

Никогда прежде в голове не было такого сумбура. Серов понимал, что надо бросать эту идиотскую погоню и искать ребят. Но не мог. Парень в черной футболке словно держал его на невидимом поводке.

Почему-то вспомнилось, как весной — вот так же, спотыкаясь, давясь воздухом, — он бежал домой из поликлиники, вытягивая порезанную руку.

Неожиданно заныло запястье. Макс скользнул по руке взглядом и удивленно поднял брови. Белая полоска кожи, почти у основания кисти, припухла и налилась красным.

— Что за... — прохрипел он и едва не задел правым боком тонкий сосновый ствол.

Увернувшись, Макс чудом удержал равновесие. И замер, обнаружив, что незнакомец остановился.

Он стоял, уперев руки в бока, перед неглубоким, заросшим оврагом. Макс тупо пялился на коренастую фигуру и пытался выровнять дыхание.

— Эй! — крикнул он, покрепче стиснув палку. — Может, обернешься все-таки?! Давай поговорим?!

Парень медленно кивнул, опустил руки и стал медленно разворачиваться. Макс сделал несколько нерешительных шагов и еле сдержал крик, увидев его лицо. Бледное до серости, с тонкими синими губами и кровавыми кляксами на месте глаз. Короткую шею незнакомца пересекала темно-красная борозда шрама.

Макс отшатнулся, закрылся руками, словно пытаясь защититься. Тяжело дыша, чувствуя волны дрожи, он опустил взгляд на футболку парня. Там был нарисован тип с двумя гребнями волос — красным и зеленым, — подведенными черным глазами и высунутым языком. Макс смотрел на изображение и молился, чтобы взгляд случайно не скользнул вверх. На уродливую бело-серую маску с красными пятнами.

Так продолжалось не меньше минуты. Потом незнакомец развел руки и пошел спиной вперед.

— Эй! Не надо! — воскликнул Макс. Он сделал пару шагов, все-таки поднял глаза и почувствовал тошноту. Бухнулся на колени, съежился и раскрыл рот. Внутри все сжалось, в

горле задрожало, и спустя секунду Макса вырвало.

Втягивая ноздрями воздух, он утерся трясущейся рукой и поднял глаза на парня. Тот, казалось, внимательно наблюдал за вожатым. Поймав взгляд Макса, он дернул губами, пытаясь улыбнуться. Отступил еще на пару шагов. Качнулся и исчез в овраге.

— Стой! — заорал Макс.

Он вскочил, бросился вперед, затормозил у самого края и ахнул. Дно оврага темно-серым ковром устланы кости вперемешку с тряпками и кусками синего полиэтилена. Посередине стояла больничная каталка без колес. Парня нигде не было.

Не понимая зачем, Макс стал спускаться. Комья земли катились вниз, вожатый едва не падал. Добравшись до дна, он втянул ноздрями и нахмурился, почувствовав запах гари. Еще раз огляделся и стиснул зубы, одолевая еще один приступ тошноты.

Его окружали не человеческие кости. И не звериные. И даже не птичьи. Макс не знал, кому мог принадлежать валявшийся под ногами, короткий, согнутый подковой позвоночник с четырьмя шишковатыми ребрами. Или слишком маленький для взрослого человека череп с неестественно выпуклым лбом и разными по величине глазницами. Или кривая лапа с тремя длинными пальцами. Или...

Послышалось карканье.

Макс завертел головой, отыскивая ворону взглядом. Отшатнулся и услышал под ногой хруст. Сморщившись, опустил глаза и увидел возле кроссовки серые пористые осколки. В горле опять запульсировал ком, зубы начали стучать. Но птица больше не кричала.

«И то хорошо», — подумал Макс. Ему не хотелось опять пережить кошмар, подобный вчерашнему.

Переступая через кости, вожатый двинулся к каталке. Он старался смотреть только на нее, но взгляд упорно соскальзывал на изогнутые ребра, хребты, конечности...

Вот еще один череп. С безобразными наростами на голове, единственной глазницей и ноздреватым шишаком на месте второй. С непропорционально большой, выдающейся вперед верхней челюстью и кривыми, словно гвозди, редкими и черными зубами. Рядом, похожая на раскрытую и поставленную переплетом вверх книгу, валялась грудная клетка.

«Это братская могила какая-то, — Макс озирался по сторонам. — Только вот чья?»

«Страшных гномов!» — подсказал разгоряченный страхом разум.

Макс добрался до каталки. Разинул рот и отступил. Под ногой снова затрещало, но он не обратил на это внимания. Взгляд был прикован к темно-красным пятнам на желтой клеенчатой поверхности.

Подул ветер, зашелестели деревья. Вздогнув, Макс попятился. Не удержал равновесие и грохнулся на кости. Осколки впились в плечи, спину и правый бок.

Макс заорал и стал барахтаться. Чудом перевернулся на живот, встал на четвереньки и бросился прочь. Спотыкаясь, давя кости кроссовками, вожатый добрался до склона и, цепляясь за ветви, полез наверх. Выбравшись, рухнул на колени и уперся лбом в землю. Трава колола лицо, в ушах шумело, каждый удар сердца отдавался дрожью.

Он пролежал так пару минут. Выровняв дыхание, развернулся и сел. Поглядел вниз и передернул плечами. Больше всего ему хотелось оказаться дома. Или хотя бы в комнатке вожатых — забраться на кровать, укрыться одеялом с головой, зажмуриться и забыться. Но расслабляться было рано. Сначала нужно найти братьев, Олю и Егора.

«Не дай бог наткнутся на этот кошмар», — Макс против воли глянул вниз, поднялся и двинулся дальше.

Футболка и джинсы липли к вспотевшей коже. Вожатый чувствовал, как капли катятся по вискам, бегут от подмышек вниз. Набившийся в кроссовки лесной мусор колот ступни.

Макс прошел несколько сотен метров и остановился у высокой сосны. Под мощным стволом темнели шишки, ветви начинались далеко над головой. Другие деревья держались на почтительном расстоянии от великанши.

Упершись рукой в ствол, Макс запустил пальцы в мокрые волосы и покачал головой. Он не представлял, где искать ребят.

«Вот тебе и самый лучший вожатый», — Макс вздохнул и поднял глаза. Ветви, подобно ступеням, уходили к небу. Над верхушкой неторопливо проплывало облако.

Справа послышались шаги.

Вздрогнув, Макс отнял руку от ствола и прислонился к нему спиной. Сжал кулаки и чуть согнул ноги, готовый бежать.

«Кто там еще?» — думал он, прерывисто втягивая воздух.

Заросли затрещали, вздрогнули, и из гущи зелени выбрался невысокий худой старик в темных брюках, плотной клетчатой рубашке, светло-зеленом жилете со множеством карманов и белой кепке, сдвинутой на макушку. Макс облегченно выдохнул, разглядев вытянутое, гладко выбритое лицо с кривоватыми губами, крупным носом и светлыми, глубоко посаженными глазами. Обычное человеческое лицо — никаких окровавленных глазниц и ран на горле.

Старик отряхнулся, посмотрел на Макса и удивленно поднял брови.

— Здравствуйте, — пробормотал вожатый, чуть заметно кивая.

— Здравствуй, сынок, — голос у старика оказался тихий и сипловатый. — Дай-ка...

Старик нахмурился, подошел к Максиму. Взял за подбородок и повернул влево-вправо, старательно вглядываясь в лицо.

— Да вы чего? — вожатый отстранился и недоуменно уставился на старика.

«Еще один псих», — подумал он, чувствуя, как возвращается приутихший страх.

— Ну, вроде все ладно, — пробормотал старик.

Он тоже отошел, поджал губы и кивнул.

— Что ладно? — нахмурился Макс.

— Ты кто такой будешь? — старик, казалось, не услышал вопроса.

— Я-то?! — разозлился Серов. — Я вожатый из «Березок»!

— Знаю такой лагерь, — старик снова кивнул. — А здесь ты что делаешь? До «Березок» километров семь, не меньше!

«Семь километров! — мысленно ахнул Макс. — Ничего себе побегал! Теперь ребят точно не найти!»

Он опустил глаза и покачал головой. Старик внимательно, с прищуром, посмотрел на него и тихо сказал:

— Ладно. Не хочешь — не рассказывай. Сам вижу, что беда приключилась. Пойдем-ка со мной до поселка, тут недалеко. На остановке поймаешь машину и доберешься до лагеря. У тебя деньги-то есть?

Макс кивнул, залез в задний карман, вытащил пару сырых от пота сотенных бумажек и показал старику.

— Вот и славно, — сказал тот. — А теперь идем. Лишний раз здесь задерживаться не следует, — он напряженно огляделся и с печальным вздохом двинулся вперед.

«Что бы это значило?» — насторожился Макс, не двигаясь с места.

Пройдя метров пять, старик обернулся и посмотрел на водителя:

— Чего ты? Пойдем, говорю. Один ты до темноты тут плутать будешь. А уж потом... — он не договорил. Помрачнел и махнул рукой.

«Он ведь что-то знает, — Макс прищурился и закусил губу. — Лучше пойти. Один я отсюда и впрямь нескоро выберусь. Доеду до лагеря и, если ребята еще не вернулись, расскажу все Ирине Олеговне. А дедуля по пути может поведать что-нибудь полезное».

Он нагнал старика, и оба двинулись дальше. Старик уверенно и быстро шел вперед, раздвигая ветки, изредка оборачиваясь на Макса. Впереди показалась поляна с костровищем, огороженным серыми, потрескавшимися от времени бревнами.

— Фух-х, — выдохнул старик, усаживаясь. Он залез в самый большой карман жилета, вытащил бутылочку с водой и сделал пару глотков. — Передохнем малость. Тебя как звать?

— Максим, — отозвался водитель. — А вас?

— Макаром Матвейчем меня зови, — старик протянул Максиму бутылочку, снял кепку и провел ладонью по коротким седым волосам.

Тот присосался к горлышку. Макар Матвейч вернул кепку на место и усмехнулся:

— Ишь, водохлеб.

Макс с большой неохотой оторвался от воды, вытер губы и отдал бутылку.

— Набегался ты, видно, — сказал Макар Матвейч. — Ну, так как? Расскажешь, чтостряслось?

«Почему бы и нет? — подумал Макс и присел рядом. — Дед вроде бы нормальный».

— Ребят я потерял, — сказал он, глядя на покрытую темно-серой сажой землю. — Из отряда. Договорились вчера в лес сбежать. Я решил за ними следить, но упустил.

Макар Матвейч нахмурился, цокнул языком и покачал головой.

— Нехорошо это, — тихо произнес он и вздохнул. — Очень плохо. Детишек теперь к лесу вообще подпускать не надо. Другим он стал.

Старик снова вздохнул и обвел стену деревьев грустным взглядом.

— В каком смысле? — насторожился Макс.

Макар Матвейч изучающее глянул на него и чуть заметно кивнул.

— Хорошо. Ты, я вижу, человек незлой. К тому же, детишки на тебе. Поэтому расскажу, что знаю. Хотя сам многого понять не могу.

Макс сглотнул, поерзал на бревне, а старик продолжил:

— Началось все ближе к концу апреля. Пошел я как-то за березовым соком. Иду, значит, по лесу и вдруг вижу: три вороны лежат. Разодранные и обглоданные. Странно, думаю, хищников ведь здесь давным-давно нет. Зайца и то уже не встретить. А рядом с птицами, на снегу, следы. Маленькие и непонятные — не звериные и не человеческие. И с тех пор как в лес не зайду, все время натываюсь на мертвых птиц. Животные наши беспокоиться начали, особенно по ночам. Мечутся, кричат так, что не заснуть. Коровы на пастбище, что рядом с лесом, выходить отказываются. Вот тогда я всерьез и забеспокоился. Звери-то, они ведь первыми беду чувт.

Он прервался и посмотрел на Макса. Тот кивнул, поежился и огляделся. Деревья, обступившие поляну, словно тоже вслушивались в рассказ. Макар Матвейч тем временем перевел дух и вновь заговорил:

— Потом, когда снег полностью сошел, и с людьми странности начались. У нас ведь поселок крохотный, двадцати дворов не наберется. Ребятишек и молодежи человек десять. Первым Витька Замятин был. Пошел с утра пораньше в лес — и пропал. Темнеет, мамка его

Наталья, разумеется, в слезы. Говорит, беда с ним случилась. Да и остальным не по себе. Не мог Витька просто взять и заблудиться. Он с малолетства лес не хуже родного дома знает. Ну что делать? Собрались наши мужики, решили искать. Уже двинулись, и тут Витька объявляется. Грязный весь, одежда порвана, лицо и руки в царапинах. Наталья к нему кинулась. Рыдает, смеется, обнимает, ругает... Все вперемешку, в общем. А Витька вдруг оскалился, оттолкнул мать и пощечину ей залепил. Та ахнула, чуть не упала, а он мимо прошел, как ни в чем не бывало. Тут уж Сергей, отец Витькин, не выдержал. Взял за шкуру, встряхнул, как следует, и домой поволок...

Макар Матвеич вздохнул, откашлялся, достал бутылочку и немного отпил.

— А дальше что? — осторожно спросил Макс.

— Пару дней Витька дома просидел. Как Наталья рассказывала, из комнаты вообще не выходил, не разговаривал ни с кем. Только ухмылялся и глядел исподлобья. Потом я его на улице встретил. Поздоровался, спросил, как дела. А он зыркнул на меня, кулаки сжал, процедил что-то сквозь зубы и дальше пошел. В общем, как подменили его. Раньше-то был добрый, веселый, работающий... Не понимаю, что с ним.словно бес в парня вселился, — Макар Матвеич горестно вздохнул, подпер рукой подбородок. В светло-серых глазах застыла растерянность. — Еще через пару дней со Светой Богатыревой почти такая же история приключилась. Только пропала она ближе к вечеру, а вернулась под утро. И так еще трое ребят. Вася Зайцев, Соня Кузьминенко и Женька Щеголев. Последнего особенно жалко. Пять лет всего мальчонке.

Старик встал, отряхнул брюки.

— Пойдем дальше что ли? Может, на ходу не так тяжело будет рассказывать...

Макс поднялся и направился за ним. Снова оказавшись под навесом ветвей, он почувствовал, как по спине побежал холод.

— В общем, своя банда теперь у нас в поселке появилась. Все время вместе держатся, ни с кем разговаривать не желают. А вот на пакости всякие горазды. То окно разобьют, то сено подожгут. И знаешь, что еще странно. У всех под глазами и на шее вроде как отметины. Кожа розовая. Поэтому я как тебя увидел, решил сперва проверить. Вдруг ты... — Макар Матвеич замаялся, задумчиво пожевал губами, — как они.

— Ясно, — кивнул Макс.

— Ты уж на меня обиды не держи, — тихо попросил старик. — Сердцем чувствую, дальше только хуже будет.

— Ничего страшного, — ответил Макс, пригибаясь под нитями паутины, облепившей ветки.

— Их ведь уже все боятся. Даже родители. А ребята будто чувствуют это и... радуются. В общем, как подменили их. Животные наши с ума сходят, как увидят эту компанию. У Витьки пес был сторожевой, Полкан. Серый, здоровенный, страха сроду не знал. А когда Витька из леса вернулся, забился в будку, тьякал испуганно, скулил и через три дня вроде как сбежал. По крайней мере, Витька так родителям рассказывал. Якобы видел, как Полкан через забор сиганул и был таков. Только врет он. Я в лесу Полкана нашел, за шею к ветке привязанного. И с распоротым брюхом.

Макс сморщился, почувствовав тошноту. Макар Матвеич глянул на него и понимающе кивнул.

— Во-во! У меня чуть с сердцем плохо не стало, как увидел эту картину. Попятился я, значит, а за спиной шорох услышал и звук шагов. Витька там был, точно знаю. Видел, что я

пса нашел. И теперь всякий раз, как меня встречает, гавкает. Глухо, совсем как Полкан. А остальные смотрят на него, ухмыляются и подхватывают. В них во всех вообще что-то такое появилось... звериное, — старик прервался, сморщился и потер грудь.

«Жуть!» — подумал Макс. Он понял, что совсем не хочет идти с Макаром Матвеевичем в поселок.

— Недели три назад с Васькой история была, — продолжил тот. — Пошел он вечером через пастбище. Присел шнурки завязать, а одна корова, самая старая, взяла да и бросилась на него. Чуть не затоптала и рогами хорошенько в бок засадила. Ваську даже к доктору пришлось везти. Как мне потом его мать рассказывала, кучу ушибов Васька заработал, синяк здоровенный, на полживота, и два сломанных ребра. Несколько дней дома провалялся. Потом корова эта пропала. Искали ее, искали — все без толку. Ладно, думаем, бывает. Мало ли, может, отбилась, заблудилась, под машину попала. Жалко, конечно, но ничего не поделаешь. Забывать уже стали, но тут Варвара, хозяйка той коровы, на крыльце вымя отрезанное нашла. До сих пор в больнице, с сердцем...

Некоторое время старик шел молча, понурился. Потом остановился, огляделся и покачал головой.

— Я ведь во всякую чертовщину никогда не верил, — сказал он. — Но теперь... Не знаю я, что с ребятами стало, не могу понять. И мучаюсь. Каждый день здесь брожу, надеюсь найти что-нибудь... Сам не знаю что, — Макар Матвеевич махнул рукой и торопливо двинулся дальше. — Сколько пытался за ребятами следить. Они ведь в лес частенько наведываются — тайны у них тут какие-то. И всякий раз вокруг пальца обводят, будто я мальчишка какой-то. Единственное, что заметил, — они всегда с собой еду берут. Подкармливают кого-то.

— Кого? — машинально спросил Макс.

— Если бы я знал, — Макар Матвеевич обернулся и печально посмотрел на водителя.

Макс кивнул, поджав губы.

«Да уж, история», — подумал он, обводя заросли напряженным взглядом.

Он чувствовал, как внутри крепчает холод страха. Ветви нависали над головой, закрывая солнечный свет. Деревья, казалось, обступали все теснее. От черных пятен на березовой коре рябило в глазах.

— Давай шаг ускорим, — сказал Макар Матвеевич. — Недалеко осталось.

Минут через пять деревья стали редеть. Макс вслед за стариком вышел на узкую пыльную тропинку и вскоре остановился на краю зеленого луга. В паре сотен метров он увидел колодец под треугольной крышей, выкрашенной синим, и длинное одноэтажное строение с десятком окон. Дальше начинались невысокие, по большей части бревенчатые домики за деревянными заборами. Справа тянулась серая лента дороги, вдоль которой паслось несколько коров.

— Вот и добрались, — старик обвел пейзаж взглядом и нахмурился. — Пойдем, покажу, где остановка.

Макс кивнул и снова пошел за Макаром Матвеевичем. Чем ближе он подходил к поселку, тем сильнее становилась тревога. Сердце забилось быстрее, в ногах понемногу проявлялась слабость.

Поселок выглядел заброшенным. Окна глядели тускло и равнодушно. Не было слышно ни собачьего лая, ни квохтанья кур, ни голосов. Слева показался покрытый копотью сарай без двери. Рядом высилась гора битого стекла, поломанных досок и консервных банок, щедро присыпанная пеплом.

Из-за домов донесся рев мотора. Его перекрыл визгливый смех, затем послышался грохот.

Макар Матвейч вздрогнул и покачал головой.

— Там они, — пробормотал он. — Веселятся. Витька, скорее всего, опять на мопеде. Сейчас поедет коров гонять — новое развлечение у них такое.

Он остановился возле облезлой водяной колонки и жестом подозвал Макса.

— Вот что. Сейчас идешь прямо. Дома кончатся — увидишь синюю будку. Это остановка и есть...

Макар Матвейч замолк. Отошел на пару шагов, оглядел Серова и коротко кивнул.

— Ну, давай, Максим. Удачи тебе. И береги детишек! Ни в коем случае в лес не пускай! Да и сам без нужды туда не заходи. Нехорошее там что-то поселилось. Злое.

— Понял, — тихо ответил Макс. — Спасибо вам.

— Будь здоров, — Макар Матвейч развернулся и, склонив голову, побрел вдоль невысокого серого забора. За забором тянулась вверх пара яблонь, зеленели грядки, блестели на солнце заросли вишни, и стоял бревенчатый дом с маленькими окнами и резными ставнями.

Сунув руки в карманы, Макс пошел по пыльной, усыпанной камешками дороге.

«Нехорошее там что-то поселилось. Злое», — звучали в голове слова старика.

Лес действительно сводил с ума. Сначала некто уродует птицу. Потом этот парень без глаз, со страшной раной на горле. Как он мог бежать в таком состоянии?..

«Нет, — одернул себя Макс. — Думать потом буду. Сначала нужно попасть в лагерь».

Дома остались позади. Вожатый остановился и обвел взглядом небольшой луг, тянувшийся до дороги. Шесть коров и два теленка неторопливо переходили с места на место, звякая колокольчиками и поедая траву. На обочине стояла синяя будка, заднюю стенку которой украшала нарисованная желтой краской рожа с улыбкой до оттопыренных ушей.

Макс хотел уже двигаться дальше, когда за спиной кашлянули. Вздрогнув, он обернулся и увидел шагах в десяти маленького мальчишку с короткими, светлыми волосами. Тот стоял, глубоко засунув руки в карманы клетчатых шорт, неторопливо притопывал ногой в черной поношенной босоножке, исподлобья глядел на вожатого и ухмылялся. Под глазами пацана были странные розовые пятна. Длинную тонкую шею пересекала полоса такого же цвета.

«Как он умудрился так тихо подойти?» — изумился Макс.

Додумать он не успел. Из-за старого трактора со спущенными колесами вышли две девчонки в светлых футболках и шортах. Одна, лет пятнадцати, с короткими волосами угольно-черного цвета, дымила сигаретой. Вторая, рыжая, усыпанная веснушками, сжимала большой камень. У обеих под глазами и на шее были розовые отметины.

Макс попятился, предчувствуя недоброе. В ту же секунду за домами вновь послышался рев мотора.

Пацаненок вынул руки из карманов. Подбоченился и пошел на Серова. Приблизившись почти вплотную, остановился и посмотрел снизу вверх. Девчонки начали хихикать. Рыжая несколько раз подбросила камень, не отрывая от Макса насмешливого взгляда.

«Что им надо?» — Макс отступил на пару шагов. Мальчишка, все так же молча, вновь подошел и уставился на него. Девчонки прыснули, темная запустила в Макса бычком.

Из-за дома вырулил мопед с двумя парнями. За рулем сидел толстяк, голый по пояс, в зеленой бейсболке козырьком назад. Лицо у него было красное, но Макс все равно различил

розовое под глазами и на шее. Мопед остановился, толстяк слез, и вожатый смог разглядеть второго.

«Как это?.. — подумал он, разинув рот. — Быть не может! Он же...»

Невысокая коренастая фигура. Ежик пепельных волос. Синие спортивные брюки. Черная футболка, на которой нарисован тип с двумя гребнями волос и высунутым языком под желто-красной надписью «The Prodigy». И нормальное, живое лицо. Если не считать розовых отметин — как раз там, где раньше были раны.

Закружилась голова. Сердце забухало с новой силой. Ладони вспотели. Макс сделал еще несколько шагов назад. А все пятеро сверлили его темными недобрыми взглядами.

Вожатый понял, что влип. Разумеется, отбиться можно, хоть и не без крови. Настоящие соперники лишь двое на мопеде. Но если эти ребятки действительно такие отмороженные, как рассказывал Макар Матвейч...

Максу стало страшно.

Белобрысый мальчишка словно почувствовал это. Он опять вплотную приблизился к Максy и ткнул кулаком в живот.

— К тебе вопрос имеется, — пискляво, но со странным, неестественным полухрипом-полурыком заявил он. — Какого пальца и на какой руке не хватает у нашего папаши? Отвечай! Быстро!

— Тихо, Шишак, — сказал парень в черной футболке. Он с показной ленцой перекинул ногу через сиденье. Встал, сунул руки в карманы и неторопливо, вразвалочку пошел на Макса.

«Начинается», — тревожной искрой сверкнуло в голове.

«Черная футболка» остановился в трех шагах, вскинул подбородок и несколько секунд изучал Макса. Тот с трудом заставил себя не отвести взгляд.

— На рожу его посмотри, — парень брезгливо скривил губы. — Видно же, что не наш.

— Что делать будем? — рыжая девчонка вновь подбросила камень.

Макс напрягся, готовый пригнуться и бежать. Ребята заметили это и засмеялись. Глухо, низко, дребезжаще.

— Да не ссы раньше времени, — «черная футболка» тяжело положил руку на плечо вожатого. — Ты вполне можешь оказаться полезным. В лесу нашем бывал? Сходи как-нибудь, прогуляйся. Тебе понравится.

— Непременно, — коротко отозвался Макс.

— Вот и ладно. А теперь ответь: ты кто такой будешь? И что здесь делаешь?

— Вожатый я. Из «Березок».

— Врет он все! — встрял мальчишка. Он гневно сопел и поджимал губы. Бледную мордашку исказила злоба. — Я видел, как он с Матвейчем из леса выходил! Дед наверняка наболтал всякого!

— С дедом разберемся, — подал голос толстяк. — Давно пора ему любопытство укоротить.

Парень в черной футболке обернулся, кивнул и вновь посмотрел на Макса.

— А ты, если из «Березок», что здесь делаешь? До лагеря далековато.

— Ребят я потерял, — Макс решил говорить правду. Начни он выдумывать, эти наверняка почувют. А уж тогда может произойти все, что угодно. Прав был Макар Матвейч: есть в них что-то звериное. — В лес убежали и потерялись.

— В лес? — быстро переспросил парень. Он приоткрыл рот, несколько раз моргнул и

обернулся к остальным.

Те переглянулись. Во взглядах Макс прочитал удивление напополам с какой-то злой радостью.

— Сколько их было? — «черная футболка» прищурился. — Много?!

— Э-э-э, — растерянно протянул Макс.

— Отвечай! — рывкнула темноволосая девчонка. Она сжала кулаки и сверлила Серова злыми глазами.

— Тихо, Циклоп, успокойся, — «черная футболка» раздраженно отмахнулся.

«Циклоп? — Макс удивленно поднял брови, глядя на темноволосую. Довольно симпатичная, если не считать розовых теней и злобной гримасы. — К чему девчонке такое странное прозвище?»

— Будь другом, — коренастый опять приблизился к водителю и положил ему руку на плечо, — скажи, сколько было ребят. И можешь идти.

— Зачем вам? — прищурился Макс.

И едва успел пригнуться — камень рыжей девчонки просвистел в паре сантиметров над головой.

— Живо говори! — заверещала та, топая ногами.

— Мешок! — рывкнул «черная футболка». Он зло зыркнул на Макса и пошел к мопеду. — Ладно, мы съездим, посмотрим, что да как. А с тобой, — парень ткнул в Серова пальцем, — мы еще повидаемся!

Он глянул на толстого, мотнул головой, и оба уселись на мопед. Двигатель рыкнул и затрещал. Толстяк развернулся и помчался в сторону леса. Макс провожал его изумленным взглядом.

— А ты чего встал?!

Услышав писклявый, с хрипотцой голос, он вздрогнул и опустил глаза на белобрысого мальчишку. Тот кривил губы и сжимал кулачки.

— Вали давай! — подхватила темноволосая Циклоп.

— Возвращайся к своим детишечкам! — прогундосила ее рыжая подружка. — Да смотри за ними внимательнее! А то вдруг что случится!

Договорив, она сложилась пополам и захохотала. Темная, с усмешкой глядя на Макса, достала сигарету. Мальчишка подошел к ним, показал водителю средний палец и оскалился.

— Пшел! — выплюнул он, тараща глаза.

Макс, не отрывая от троицы взгляда, сделал несколько шагов. Потом развернулся и торопливо пошел к остановке, каждую секунду ожидая получить камнем по голове или между лопаток. Но ничего не происходило. Лишь злорадный хохот подталкивал в спину.

В стороне тоскливо замычала корова. По дороге прогрохотал грузовик с деревянным кузовом. А ребята все смеялись, и Макс спиной чувствовал три темных взгляда.

«У них даже лица как будто одинаковые», — водителю передернуло плечами.

Вот и будка. Осталось подняться и ждать машину. Против воли Макс обернулся к троице. Девчонки в ответ замахали руками, а мальчишка провел пальцем по горлу. Наверняка по тому самому месту, где розовела отметина.

С трудом сглотнув, Макс отвернулся, прошел немного, заглянул в темное нутро будки и сморщился от запаха мочи. Сиденья были разломаны, на заплыванном асфальте валялись осколки бутылок, куски картона, смятые обертки, пластиковые бутылки и рваная кроссовка без шнурков.

Макс отошел подальше и стал вглядываться в темно-серую ленту дороги. Та вела чуть вверх и словно соприкасалась с жарким безоблачным небом. Воздух дрожал, будто над костром.

Темно-синяя «Мазда» возникла, казалось, из ниоткуда. Макс закусил губу и вытянул руку.

«Давай! Остановись!» — заклинал он водителя.

Замигал поворотник, Макс облегченно выдохнул и сделал несколько шагов навстречу. Машина остановилась, вожатый открыл дверцу и увидел водителя — черноволосого мужчину средних лет с темными очками на лбу и чуть обвислыми усами.

— До «Березок» не подкинете? — спросил Макс, скрестив за спиной пальцы.

— Садись, — кивнул водитель.

Плюхнувшись на сиденье, Макс облегченно выдохнул. Шофер повернул ключ, машина чуть вздрогнула и тронулась с места. Серов пристегнулся и украдкой глянул в окно. Ребят не было.

«Вот и хорошо», — подумал он, откинувшись на спинку.

— Ты откуда такой растрепанный-то? — спросил водитель, скосив на Макса глаза. — Из поселка что ли?

— Нет, — Макс мотнул головой. — Я в «Березках» вожатым работаю. Ребята у меня в лесу потерялись. Вот, бегал, искал.

— Понимаю, — водитель усмехнулся в усы. — Я ведь тоже пацаном в «Березках» отдыхал. Конечно, лагерь другим был — как-никак сорок лет с тех пор прошло. Это сейчас там корпуса, палаты, столовая, туалеты с душевыми. А тогда в палатках жили. Готовили сами, воду таскали тоже сами. Уставали, понятное дело, но все равно весело было.

— А в лесу бывали?

— Не без этого, — кивнул водитель. — Искали грибы, ягоды. В соревнованиях участвовали. «Зарницы» там... и тому подобное. Лес — это здорово! Так что ты своих особо не ругай. Засиделись ребята в городе, вот душа на природу и просится.

«Да уж, здорово», — поежился Макс.

Он повернулся к окну. Деревья неторопливо плыли мимо, зелень кудрявых верхушек напоминала море во время штиля.

Мирная картина. Но только на первый взгляд...

Поджав губы, Макс уставился перед собой. Никогда прежде в голове не царил такой кавардак.

«Так и на самом деле в чертовщину верить начнешь», — подумал он, перебирая в памяти все, что случилось за последние два с половиной часа.

Безглазый парень с перерезанным горлом... Как он мог бегать? И куда исчез, добравшись до оврага? И каким образом вернулся в деревню, целый и невредимый? Такое ни одному фокуснику не под силу.

А рассказ Макара Матвейча... Это ведь готовый сценарий к фильму ужасов.

А сами поселковые... Все, как один, смотрят исподлобья, с вызовом и гнусной ухмылкой. Такие разные — и внешне, и по возрасту, — но все равно похожие. И прозвища эти странные, особенно у девчонок. Циклоп, Мешок, Шишак...

А как они разволновались, узнав о пропавших в лесу ребятах... Почему?

Макс вспомнил, как они переглядывались. Словно долгожданную весть услышали.

«Не дай бог им встретиться», — подумал вожатый.

Он представил ребят из отряда. Бледные, темноволосые Новожиловы, пухлый, вечно краснеющий Егор, красавица Оля... Только бы они вернулись целыми и невредимыми. Только бы не стали, как те — угрюмыми, с розовыми следами под глазами и на шее.

— Добрались, — объявил водитель, останавливаясь около поляны.

Макс благодарно кивнул, попробовал сунуть ему деньги, но шофер лишь усмехнулся и мотнул головой. Проводив «Мазду» взглядом, вожатый прошел в ворота и помчался к корпусу.

«Только бы они вернулись, — мысленно твердил Макс, слушая, как стучат по асфальту кроссовки. — Только бы...»

Он пролетел мимо столовой. Та уже опустела — обеденное время прошло.

Наконец показался четвертый корпус. Макс добежал, взлетел по ступенькам и нос к носу столкнулся с Ириной Олеговной.

— Господи, Максим, где вы ходите! — плачущим голосом начала воспитательница. Подбородок дрожал, глаза под очками чуть заметно бегали. — Это какой-то кошмар! Сначала ребята пропали — только двадцать минут, как объявились...

— Они вернулись?! — хрипло перебил Макс.

— Да, вернулись. Все грязные, исцарапанные, напуганные! О чем только думали?! Сбежать с открытия смены! — Ирина Олеговна покраснелась, полезла в сумочку, достала носовой платок и промокнула глаза. — А если бы они заблудились?! Нам же всем отвечать потом пришлось бы!

— Ничего, — Макс облегченно выдохнул. — Все обошлось — и это главное.

— Ничего, говорите?! — воскликнула Ирина Олеговна, негодуя глядя на вожатого. — Между прочим, вы виноваты не меньше! Кто их вчера в лес отпустил на полдороге в лагерь?! Вот они и почувствовали свободу! Думают, что все позволено! Это же дети! Их нужно к дисциплине приучать! Для этого вас на работу и взяли!

Макс разинул рот, но не нашел, что возразить. К счастью, воспитательница уже успокаивалась.

— В общем, эти четверо у меня на особом счету, — заявила она. — Светлана Максимовна пока ничего не знает, но если еще раз случится нечто подобное, от разговора с директором, ни вы, ни ребята не отвертитесь!

Ирина Олеговна стрельнула в Макса сердитым взглядом и скрылась в девчоночьем крыле.

«Прекрасно! — вожатый нахмурился и пошел к палатам мальчишек. — Что ж, и вправду сам виноват. Но ничего. Сейчас я с вами побеседую...»

Глава 7. Внутри вагончика

Тучи сковывали небо с самого утра. Неторопливо ворочались, будто хотели устроиться поудобнее, медленно, но верно наливались темными тонами и дышали прохладой.

«Знатная гроза будет», — подумал Федор Иванович и спустился с крыльца.

Глубоко вдохнув, он почувствовал, что головная боль после очередной бессонной ночи стала отступать.

До самого утра разум Сбитнева плавал в едком, грязно-желтом тумане, а слух время от времени резало жалобным кошачьим мявом. Он переворачивался с боку на бок, откидывал и снова набрасывал одеяло, возил головой по подушке. Пару раз вставал, плескал в лицо холодной водой и возвращался в постель. Но стоило закрыть глаза — и вот оно, мерзкое марево и тоскливое «мяа-а-ау!»

Федор Иванович сделал несколько шагов, слушая, как шелестят по бетонной дорожке тапочки. Подул ветер, деревья отозвались шелестом, вдали глухо рокотнул гром. Сбитнев остановился перед грядками и сделал еще один глубокой вдох. Боль понемногу уходила, уступая место тяжести.

«Ничего. Днем вздремнуть можно, — решил Федор Иванович. — Под дождем спится хорошо».

— Бося! Бося! Кс-кс-кс! Бося! Где ты, маленький?

Обернувшись, Сбитнев увидел за забором Марину Мещерякову. Та осторожно шагала через грядки, время от времени наклонялась и вытягивала левую руку. За ней, как привязанный, таскался Егор.

— Куда он делся?! — гнусаво проныл он, незаметно для матери наступая на помидорный куст.

— Егорик, я не знаю, — в голосе Марины звучали виноватые нотки. — Но ты не волнуйся, мы его обязательно найдем! — она снова наклонилась и принялась звать: — Бося! Кс-кс-кс! Босенька! Иди сюда!

Егор посмотрел на мать и скривился в брезгливой ухмылке.

— Бося! Бося!..

Снова заломило виски, сердце стало болезненно колотиться. Сбитнев поморщился и сглотнул.

«Зачем он это делает? — Федор Иванович со смесью изумления и страха глядел, как Егор следует за матерью. — Зачем заставляет искать кота, убитого им же?!»

— Бося! Иди к нам! Кс-кс-кс!..

Егор скорчил злую рожу и дернул ногой, словно хотел пнуть маму. Та ничего не замечала, по-прежнему подзывая кота.

«Надо прекратить это. Хоть как-нибудь», — Сбитнев пересилил себя и направился к соседям.

Мальчишка заметил его первым. Отошел на пару шагов и насупился. Федор Иванович отметил, что он еще больше похудел, а розовые пятна под глазами и на шее стали ярче.

— Здравствуйте, Федор Иванович, — Марина выпрямилась, провела по щеке тыльной стороной ладони и поправила цветастый халат.

— Доброе утро, Мариночка, — кивнул Сбитнев. Ему стоило больших усилий говорить без дрожи. — А вы что делаете?

Мещерякова вздохнула, печально посмотрела на сына и закусила нижнюю губу. Тот, поймав взгляд матери, мгновенно изобразил подобие грусти. Сбитнева затошнило.

Больше книг на сайте — Knigoed.net

— Барбос у нас пропал, — тихо сказала Марина. — Несколько дней назад. Прятался-прятался под кроватью, шипел, а потом взял и исчез. Вот, ходим, ищем. Вдруг вернется?

— Не вернется, — буркнул Егор. Набычившись, он глядел на Сбитнева и медленно двигал подбородком.

— Егорик, ну не надо! — Мещерякова подошла к сыну, хотела погладить по голове, но тот отстранился с тихим рыком и снова скорчил злобную рожу. — Надо верить — и тогда Барбос обязательно найдется! Правда ведь, Федор Иванович?

— Правда, — Сбитнев с трудом кивнул.

— А я говорю: не вернется! — взвизгнул мальчишка, гневно сопя и зло глядя на Федора Ивановича. Марина вздрогнула, испуганно посмотрела на сына. Хотела обнять, но тот вывернулся. Вытянул шею, глянул через плечо Сбитнева и пробурчал: — Яблоко хочу!

— Что? — Марина наклонилась к нему.

— Яблоко хочу! — повторил Егор, пристально глядя на Федора Ивановича. — Хочу яблоко! Вон оттуда! — он поднял руку и указал на яблоню в саду Сбитнева. Ту самую, под которой в коробке лежал Барбос.

«Он все знает, — понял Федор Иванович. — Он видел, как я хоронил кота».

Егор снова заявил, что хочет яблоко, и с вызовом уставился на Сбитнева, кривя губы.

«Он все знает», — мысленно повторил тот.

— Но Егорик... — оторопевшая Марина опять попыталась обнять сына. Егор лишь дернул плечом и отошел, не отрывая от Сбитнева взгляда. Глаза в окружении розовых теней казались черными. — Так нельзя! Это же сад Федора Ивановича. Тем более, яблоки еще не спелые.

— Хочу яблоко...

У Мещеряковой покраснели щеки. Сбитнев понял, что она борется со слезами.

— Хочу яблоко...

Подбородок Марины затрясся. Она виновато и беспомощно посмотрела на Федора Ивановича.

— Вы уж извините, — сипло сказала она. — Егор просто волнуется за Барбоса. Вот и ведет себя так.

— Хочу яблоко...

— Ничего, — тихо ответил Сбитнев, больше всего на свете желая уйти из-под наглого, с вызовом, взгляда.

В небе снова гроыхнуло. Подул ветер. С тихим, осторожным шелестом упали первые капли.

— Хочу яблоко...

— Егорик! — взмолилась Марина. — Перестань!

— Хочу яблоко...

Дождь усиливался. Серебром на фоне серых туч черкнула молния. Чуть позже над садом прокатился ворчливый бас грома.

Сбитнев задрал голову. По лицу потекли прохладные капли, но внутри головы все разгорался и разгорался жар.

— Однако надо бы по домам расходиться, — сказал он Марине.

— И правда, — кивнула та с облегчением. Федор Иванович видел, что ей неловко за сына. И страшно. — Пойдем, Егорик.

— Хочу яблоко...

— Простите нас, — всхлипнула Марина. Она взяла сына за рукав и направилась к дому. Перед тем, как повернуться, Сбитнев еще раз услышал, что Егор хочет яблоко.

«Господи! — думал он, опустив голову и глядя, как зелень на грядках подрагивает под дождем. — Что же с ним творится?!»

В груди заныло, руки и ноги сковало дрожью. Капли стали чаще и тяжелее, рубашка и штаны намокали.

С трудом Сбитнев добрался до крыльца, поднялся на веранду и прошел на кухню. Открыл холодильник и достал пузырек с корвалолом.

Минут через пять полегчало. Федор Иванович подошел к окну и стал смотреть на яблоню. У корней темнело пятно вскопанной земли, с листьев срывались капли. Зеленые, неспелые плоды чуть заметно покачивались.

«Хочу яблоко... — все еще звучал в голове злой, с хрипотцой, голос. — Хочу яблоко...»

— Как с ним быть? — прошептал Сбитнев, упираясь лбом в стекло. С той стороны торопливо бежали вниз десятки капель. По крыше барабанило, сзади гудел холодильник, а в ушах все еще отдавался стук сердца. Нечастый, но сильный. — Как ему помочь? И как помочь его матери?

Марина была в отчаянии — Федор Иванович видел это. А ведь она с Егором все время и в одном доме. Каково ей? И как долго она сможет продержаться? И, самое главное, что будет дальше?

«Надо с Игорем Витальичем посоветоваться», — решил Сбитнев.

Шаркая, Федор Иванович направился к кровати. Но он сомневался, что сможет заснуть. И боялся, закрыв глаза, увидеть осунувшееся лицо со злым взглядом и розовыми пятнами под глазами. Или услышать хриплое: «Хочу яблоко...»

За несколько дней до этого.

Андрей поджимал губы и время от времени поглядывал на Максима. Выступал очередной отряд — долговязый парень в белой рубашке и красном галстуке гонял веником трех привидений в рваных, размалеванных черным простынях, а рядом стояли вожатые и торжественными голосами декламировали кричалки про «сильных и отважных пионеров из шестого корпуса». Скучно и глупо... Но все же лучше, чем поэзия Ирины Олеговны. Вспомнив выступление, Андрей почувствовал, как загорелись уши.

— Ну что, скоро? — шепотом спросил Лешка, легонько пихая его локтем. — Двигать пора, а то не успеем до обеда вернуться.

— Да знаю я! — тихо огрызнулся Андрей. — Только нельзя сейчас валить. Видишь, как этот на нас смотрит, — он кивком указал на вожатого.

— Вижу, — пробормотал Лешка. — Вот блин! Так он нам все планы сорвет.

Андрей кивнул и нахмурился. В глубине души он хотел, чтобы поход к вагончику не состоялся. Слишком свежим был страх от пережитого вчера. Мертвые птицы, кто-то, зовущий его по имени, злобные вопли...

«Нечего там делать», — подумал он, оглядываясь.

Солнце подбиралось к зениту, трава и листва блестели в жарких лучах. Корпуса недобро поглядывали темными окнами. Словно знали о затее...

По эстраде прокатилась волна рукоплесканий. Андрей пару раз хлопнул в ладоши,

проводил долговязого, вожатых и «привидений» взглядом, и тут Лешка снова ткнул его в бок.

Андрей повернулся к брату, тот легким кивком указал на Максима. Рядом с ним стоял другой вожатый — лысый, лопухий, голый по пояс, в красных шортах и с гитарой. Он говорил что-то про настольный теннис, чердак и первый урок. Максим выглядел растерянным.

«Начинается», — подумал Андрей, чувствуя, как забилося сердце и вспотели ладони.

Максим глянул на мобильник, поджал губы. Что-то сказал вполголоса. Лопухий в шортах скорчил жалостливую рожу. После недолгого раздумья Максим кивнул, поднялся и пошел вместе с гитаристом.

— Ну что? — Лешка заерзал на скамейке. — Пора мотать?

— Да, — коротко и неохотно отозвался Андрей.

Он отыскал взглядом Олю и Егора, кивнул и поднялся.

«Принесло же этого ушастого!» — думал Новожилов, пробираясь к выходу.

— В общем, сейчас идем в корпус, — объявила Оля, когда все четверо собрались возле зарослей ирги. — День жаркий, нужно набрать воды.

В палате Андрей взял Лешкин рюкзак, достал из тумбочки пустую пластиковую бутылку, наполнил и вышел на крыльцо. Оля и Егор уже были там. Веснушчатая, круглощечкая физиономия последнего выражала решимость и нетерпение.

«Экспедиция, блин!» — вспомнив вчерашние слова очкарика, Андрей почувствовал злость.

— Ну? — спросил Лешка. Он хмурился и поджимал губы — видно, тоже не горел желанием лазить по лесу. — Идем к воротам?

В ответ Оля усмехнулась.

— Э, нет. К воротам пусть наш вожатый бежит, когда увидит, что мы ушли.

— А он здесь причем? — вытаращился Лешка.

— Максим вчера тоже был возле бассейна. И все слышал. Поэтому я и сказала про ворота — чтобы запутать его.

— Капец! — Лешка фыркнул и мотнул головой. — Точно не лагерь, а КГБ!

— Повторяешься, — Андрей несильно толкнул брата. Тот недовольно скривил губы и надулся. — И куда нам?

— Пойдем за корпус, — ответила Оля. — Перейдем ручей, поднимемся — и вперед.

«Замечательно», — мысленно проворчал Андрей, спускаясь первым.

Обошли корпус, нырнули в заросли черемухи и остановились возле ручья. Мутноватая вода чуть слышно журчала, русло было усыпано камнями разного цвета и величины. Неподалеку лежало гладкое, потемневшее от влаги бревно.

— Лучше перепрыгнуть. Оно скользкое, — сказала Оля, указывая на бревно взглядом.

Андрей и Лешка первыми перескочили на тот берег. Следующей была Оля. Егор засопел, взмахнул руками. Шагнул вперед и плюхнул в воду ногой.

«Ловкач! — Андрей покачал головой, глядя, как тот, залившись краской, выбирается на берег. — Такому в экспедициях самое место!»

Егор поравнялся с остальными, смущенно шмыгнул носом.

— Идемте, — сказала Оля.

Ребята вскарабкались вверх, продрались сквозь кусты барбариса и остановились на пестрой лужайке. В траве и среди кустов стрекотали кузнечики, в воздухе скользили осы и

стрекозы. Чуть заметная, заросшая подорожником и беленой тропка уползала к бело-зеленой стене леса.

Андрей оглянулся. Лагерь был, как на ладони. Вот разбросанные среди зелени корпуса. Небольшие, словно игрушечные. Вот паутина узких, сложенных из бетонных плит, дорожек. Вот футбольное поле. Вот серый, грохочущий музыкой кругляш эстрады...

Он смотрел на лагерь и никак не мог отвернуться. Словно прощался. Больше всего хотелось плюнуть на все, спуститься и пойти к отряду.

«Ладно. Часа полтора-два — и снова будем в лагере», — успокаивал себя Андрей.

— Пора, — поторопила Оля.

Двинулись по тропке и вскоре очутились под березовыми ветвями. В тени, несмотря на жару, стало зябко. Андрей поежился, обшарил траву глазами. Увидел палку, подошел, подобрал. Через пару минут Лешка, Оля и Егор тоже вооружились.

«Все-таки им не по себе», — размышлял Андрей, оглядывая напряженные лица друзей. Лешка хмурился, время от времени жевал губами и стискивал изогнутую сучковатую корягу обеими руками, готовый пустить оружие в ход. Рядом сопел раскрасневшийся Егор. Оля неторопливо, но уверенно шла чуть впереди.

Андрей покачал головой, глядя на девочку. Такое чувство, что она ходит от лагеря к вагончику каждый день. Он оглянулся и вздохнул, подумав, что сам сроду не нашел бы дороги. Лес казался жутко однообразным. Кругом высокие, чуть изогнутые березы. Изредка встречаются сосны — с тонкими, коричневыми стволами и ветвями, покрытыми жидкой колючей порослью. Сквозь ветви проглядывают голубые куски неба. И все...

— Ой! — спохватился Егор. — А фотоаппарат кто-нибудь взял?

— Это еще зачем? — недовольно осведомился Лешка.

— Ну, как же?! А заснять все, что мы увидим в вагоне?

— Сначала до него дойти надо, — осадил толстяка Андрей.

Тот покраснел и опустил глаза.

Минут двадцать шли молча. Лес оставался таким же однообразным, и Андрею казалось, что он топчется на месте. Подул ветер, нос учуял запах. Мерзкий и очень знакомый...

— Ну-ка, ну-ка, — протянул Лешка, направляясь в сторону. Он отошел шагов на тридцать, отшатнулся и завопил: — Твою мать! Снова!..

Андрей и Оля переглянулись и бросились к Лешке. Егор потопал следом, тяжело сопя.

Лешка стоял возле сосны, под которой темнела каша из перьев, лапок и костей. Андрей сглотнул, чувствуя тошноту, и покрепче стиснул дубину.

— Что это?! — послышался над ухом высокий голос Егора.

Андрей обернулся. Очкарик побледнел, тяжело дышал и таранился на гору мертвых птиц.

«Что? Не нравится?» — Новожилов почувствовал, как вместе со страхом просыпается злорадство.

— Понимаете, что это значит, да?! — Лешка готов был сорваться на крик. Он держал дубину наизготовку и обводил остальных выпученными глазами. — Эти где-то рядом!

— Поэтому веди себя потише, — Оля говорила спокойно, но Андрей видел, что и ей не по себе.

— Защибись! — пробурчал Лешка, придвигаясь к Андрею.

Тот через силу оторвал взгляд от смердящей кучи. Кивнул Оле и вместе с ней и Лешкой двинулся дальше.

— Мне страшно! — жалобно сказал Егор.

«Ничего! — подумал Андрей, не оборачиваясь. — Ты нас в это впутал! Теперь терпи!»

Толстяк затопал и вскоре запыхтел над ухом Новожилова.

Справа показался заросший грибами пенёк. Неподалеку каркнула ворона. Андрей чудом не вздрогнул, обернулся. Никого не увидев, поднял взгляд к ветвям. Сотни листьев напоминали кусочки стекла в огромном калейдоскопе. Только все они были зелеными.

За спиной осталось еще двадцать минут пути, когда Оля остановилась возле большого куста.

— Думаю, мы на месте, — тихо сказала она и в ответ на вопросительный взгляд Андрея глазами указала вперед. Там, в сотне метров, начинался подъем. — Теперь идем очень тихо. Мало ли.

Андрею очень не понравились последние слова девочки. Сердце вновь заколотилось. В желудок словно бухнулся булыжник, ладони начали потеть.

Справа напряженно засопел Лешка. Он сжимал палку, впившись зубами в нижнюю губу, и хмурил брови. Лицо брата стало почти белым.

— Уговор, — прошептал он. — Заходим, быстро смотрим и бегом назад!

— Хорошо, — ответил Егор. В глазах толстяка читались растерянность и волнение.

Оля молча кивнула и вновь первой двинулась вперед. Раздвинула ветки, замерла, обернулась и шепотом сообщила:

— Добрались.

«Ну вот», — Андрей сглотнул и на полусогнутых ногах приблизился к ней. Глянул вперед и поджал губы.

Вот он, врытый в землю, под черной крышей с железной трубой, с маленьким квадратным оконцем. В зеленой стене темнела дыра с отогнутыми, острыми краями. Повсюду черными кляксами валялись мертвые птицы. Кое-где виднелись тряпки, обрывки бумаги и какие-то железяки. Чуть поблескивало битое стекло.

— Ничего себе! — тихо воскликнул Егор. — Ну что, пойдем внутрь?

— Не так быстро, — Оля осторожно вышла из кустов. Обшарила взглядом траву, подняла камень. — Если что — сразу убегаем, — предупредила она и запустила камнем в вагончик. Стукнув в стену, камень отскочил и упал рядом с птичьим трупом.

С полминуты все четверо прислушивались. Ничего не происходило. Не было ни шорохов, ни звука шагов. Ни, тем более, грохота или воплей.

— Можем идти, — объявила Оля. — Давайте побыстрее.

Она побежала рысцей.

— Не хочу, — пробурчал насупленный Лешка.

— Ладно тебе, — Андрей положил ему руку на плечо. — Одна нога здесь, другая там.

Новожилов поспешно догнал девочку. Вместе с ней остановился у дыры и опять почувствовал мерзкий запах гнили. Но на этот раз — с примесью больницы.

Чуть позже подошли Лешка и Егор.

— Здесь пролезть будет непросто, — сказала Оля, указывая на дыру. — Пойдемте к двери.

Прижимаясь к стене, стали обходить вагончик. Андрей то и дело бросал напряженные взгляды на заросли. Он все ждал, что они вздрогнут, как вчера, затрещат — и послышится злобный рев. Однако короткий путь до двери прошел благополучно. Здесь вонь была еще сильнее.

— Ну, — Оля напряженно посмотрела на Андрея. — Пошли?

Тот кивнул, еще раз оглядел лес и первым нырнул внутрь.

От мерзкого запаха на пару секунд закружилась голова. В горле зрел противный ком, челюсти сводило.

— Фу! — послышался голос Лешки. — Так и сблевать недолго!

— Да уж, — ответил Егор.

Андрей сделал несколько шагов вперед. Под ногой захрустело. Глаза понемногу привыкали к полумраку. Он уже различал птичьи тушки, мятые листы бумаги, осколки.

— Жалко, фонарик не взяли, — сказал Егор.

— Сейчас, — Андрей сунул руку в карман, достал телефон и нажал на клавишу. Экранчик загорелся, слабый луч света заскользил по темному нутру вагона.

— Вот эта фигня! — голос у Лешки стал хриплым.

Он тронул Андрея за плечо. Тот повернулся и вздрогнул, увидев на полу существо.

Небольшое, высохшее, с угловатым туловищем и едва заметным бугром головы. Ноги напоминали короткие корявые сучья с шишками на месте ступней. Зато руки — «Нет, скорее лапы», — подумал Андрей, — были раза в полтора длиннее, чем у взрослого человека. Тонкие, широко раскинутые, они сгибались в четырех местах и заканчивались тремя похожими на ветки пальцами.

— Ничего себе! — прошептал Егор со страхом и восторгом одновременно. — Как думаете, кто это?

— Почему я знаю?! — тут же буркнул Лешка. — Я вообще вчера об эту дрянь споткнулся, чуть не упал!

— Потихе, — Андрей, не понимая зачем, опустил на корточки и направил свет от дисплея на голову существа. Стиснув зубы, он стал изучать маленькие, темные провалы глаз, полуоткрытый, беззубый рот.

«Неужели это должно было стать человеком?» — думал Новожилов, чувствуя, как мелко дрожит рука с телефоном.

— Смотрите, что тут еще есть, — прошептал Лешка.

Андрей обернулся и увидел, как тот остановился у темного прямоугольника шкафа. Бросив на чудище еще один взгляд, Новожилов выпрямился и подошел к брату.

— Посвети, — сказал Лешка, указывая на шкаф.

Приблизив экранчик к полкам, Андрей вздрогнул. В слабом, голубоватом свете хищно скалило зубцы нечто среднее между пилой и ножом с двумя рукоятками. На блестящей поверхности темнели разводы.

«Стопудово кровь!» — вспомнил Андрей слова Лешки.

Как назло, разыгралось воображение. Андрей представил, как эта штука с влажным хрустом вгрызается в тело, и почувствовал боль в груди.

— Жуть! — прошептал он.

— Да это же хирургические инструменты! — воскликнул Егор.

— Не ори! — шикнул Лешка. — И без тебя видим!

Толстяк что-то смущенно пробубнил, отошел. Наступил на стекло. Братья и Оля одновременно вздрогнули и сердито уставились на Егора. Тот виновато пискнул и вжал голову в плечи.

«Бегемот!» — мысленно обозвал его Андрей.

— Вы на пол поглядите, — прошептал Лешка, отойдя от шкафа. — Вон сколько всего.

Андрей наклонился и направил свет от телефона вниз. Среди перьев и осколков были разбросаны изогнутые щипцы, пинцеты, скальпели и длинные иголки. Возле стены лежал большой, размером со среднюю бутылку, шприц с железным поршнем. Неподалеку валялись два металлических ящичка.

— Страшновато здесь, — пробормотал, оглядываясь, Егор. Он тяжело дышал и жевал нижнюю губу.

«Страшновато! — передразнил Андрей. — Наложил в штаны — так и скажи! Сам виноват! Нечего было нас сюда тащить!»

— Как думаете, — продолжал толстяк, — для чего здесь это все?

— Без понятия, — буркнул Лешка. — Может, опыты какие-нибудь проводили. Над этими, — он кивнул на высохшее существо.

Андрей глянул в сторону неизвестной твари и сглотнул. Лешка, скорее всего, прав. И еще... Что если таких чудищ было несколько, и не все они мертвы? Он опять вспомнил злобный рев.

«Может, это его родственники?» — Новожилову стало страшно. К тому же, пора было выдвигаться назад. Сам он уже вдоволь насмотрелся и на вагончик, и на все, что здесь находится.

— А это что? — тихо, с изумлением, спросила Оля. — Смотрите-ка!

Она стояла возле дальней стены, наклонившись, уперев руки в колени, и что-то рассматривала на полу.

— Андрей, посвети, — попросила девочка.

«Начинается!» — мысленно проворчал тот, направляясь к ней.

Присев, Новожилов поволил телефоном над полом и увидел квадратную дверь с ручкой-кольцом.

— Ух, ты, — выдохнул прямо над ухом Егор. — Там что-то есть. Давайте глянем.

— Может, хватит уже, а?! — подал голос Лешка. — Вам мало того, что здесь?! Хотите дальше сунуться?! Чтобы вам голову оторвали или горло перегрызли?! Пожалуйста! Только без меня!

— Но Леша... — жалобно начал очкарик. — Мы ведь договорились осмотреть все. Вдруг там что-нибудь интересное?

— Капец! — Лешка покачал головой, прошелся, хрустя осколками. Андрей поморщился. — Ты совсем ничего не понимаешь?! Если эти, вчерашние, явятся сюда, а мы окажемся внизу — все! Мы уже не выберемся!

— Но сейчас их же нет...

«Кретин очкастый! Тебе жить надоело?!» — мысленно обратился к толстяку Андрей.

— Нельзя! Туда! Лезть! — отдельно произнес Лешка. Судя по голосу, он был на грани истерики.

— Почему?! — Егор, казалось, вот-вот расплачется. — Внизу точно что-то есть! Вдруг там мы все пойдем?!

— Не хочу я ничего понимать! — заорал брат.

Андрей передернул плечами. Оля подскочила к Лешке и зажала ему рот ладошкой.

— Не ори! — процедила она.

Лешка вывернулся, отступил и зло уставился на девочку.

Егор, тем временем, опустился на корточки, взялся за кольцо и потянул. Дверь поддалась с деревянным лязгом.

— Ты чего творишь?! — снова закричал Лешка.

Толстяк вжал голову в плечи и открыл дверь пошире. Спустил пару секунд снизу накатила сильнейшая волна смрада. Лешка и Оля охнули и закрыли лица ладонями. Андрея чуть не вырвало.

— Ну что?! — сдавленным голосом произнес Лешка. — Ты все еще хочешь туда?!

— Да хочу! — испуганно, но с вызовом ответил Егор.

«Идиот! — Андрей покачал головой. — Его ведь не отговоришь. А если уйдем — полезет один».

Он поджал губы и встретился взглядом с Олей. Та, не моргая, смотрела на него. Ждала решения.

Андрей вздохнул. Выбора не оставалось.

— Хорошо, — сказал он, а про себя подумал: «Неужели я правда делаю это?», — мы спустимся. Оглядимся — и тут же назад! Пулей!

Лешка ахнул, мотнул головой и запустил пальцы в волосы.

— Еще один! — плачущим голосом произнес он.

— Успокойся, — Андрей подошел к брату. — Пока ничего страшного не случилось. Быстро слазим — и бегом в лагерь. А этот, — он кивнул на очкарика, — полезет первым.

Егор в нерешительности приоткрыл рот. Потом, видимо, собравшись с духом, кивнул. Опустился на колени, поднял на Андрея лицо.

— Можно телефон? — робко попросил он, протягивая руку. Даже в полумраке было видно, как трясутся пухлые пальцы.

«И зачем тебе это надо?» — подумал Андрей, протягивая толстяку мобильник.

— Смотри, не урони, — бросил он.

Толстяк наклонился, окунул телефон в темноту.

— Ой! А там лестница! — сообщил он, подняв голову.

— Ну, так лезь! — Лешка дернул плечами. — Чего стоишь?! Ты же хотел!

— Да-да! Сейчас!

Пыхтя, Егор стал разворачиваться на четвереньках. Вытянул ногу, нащупал первую ступеньку. Вскоре скрылся по пояс. Глянул вниз, шмыгнув носом и жалобно уставился на Андрея.

— Ладно, ладно, — буркнул тот.

Он опустился на колени, взял телефон и стал светить в темный лаз.

Вскоре Егор скрылся с головой. Свет от дисплея поливал рыжую, коротко стриженую макушку бледной синевой.

«Чего тебя туда тянет? — мысленно спрашивал Андрей, глядя вниз. Егор осторожно перебирал по ступенькам руками и ногами. — Приключений захотелось?»

Новожилов вдруг вспомнил свою коллекцию компьютерных игр. С каким азартом он крошил монстров из винтовок, автоматов, пулеметов, а иной раз и просто ножом... А потом сохранялся и думал: «вот бы вживую с ними сразиться!»

«Вот и домечтался», — он нахмурился.

— Ребята, я долез, — сообщил Егор. Он потоптался и растерянно выдохнул: — Ой! Мама!

— Что?! — Андрей, с силой впившись пальцами в края лаза, резко наклонился и чуть не ухнул вниз. От вони закружилась голова. — Что там?!

— Светится! — послышался полный изумления голос толстяка. — Желтым, синим и

оранжевым!

— Что там светится? — допытывался Новожилов.

— Не знаю. Спускайтесь, вместе посмотрим.

«Не хочу я никуда спускаться», — подумал Андрей, несильно скрипя зубами.

Он выпрямился, обернулся к Оле и Лешке.

— Давайте, вы первые.

Те кивнули, по очереди пропали в темноте лаза и стали звать его.

«Да иду я, иду!» — Андрей поморщился и стал спускаться.

Взявшись за первую ступеньку руками, он кинул напряженный взгляд на мертвое существо.

«Только бы там не оказалось подобной гадости, — Новожилов прикрыл веки и вздохнул. — Особенно живой».

Путь вниз занял несколько секунд, и вскоре он почувствовал под ногами твердый пол. Рядом замерли Оля, Лешка и Егор.

— Вон, светится, — толстяк указал на светящиеся пятна, отгороженные чем-то вроде железной сетки. — Видишь?

— Не слепой, — слабо огрызнулся Андрей и достал телефон.

Бледный свет скользнул по кафельной стене. Задержался у письменного стола без ящиков, заваленного мусором. Держа мобильник перед собой, Андрей на цыпочках направился к столу. Остальные тихо следовали за ним.

— Ну и вонища здесь, — проворчал Лешка.

Андрей поморщился. У него было такое чувство, что горло и легкие покрылись изнутри слизью. В желудке снова заворочался завтрак, и Новожилов покрепче стиснул зубы.

Остановившись у стола, он увидел гору бумаг и несколько тетрадей. Выбрал наугад одну, открыл, пролистал, подсвечивая телефоном.

«Что за абракадабра?» — Андрей приподнял брови, разглядывая вязь причудливых закорючек, заполнявших весь лист.

Он покачал головой, отложил тетрадь и увидел на самом краю фотографию. Взял двумя пальцами, поднес к глазам. На снимке был мужчина лет пятидесяти. Худое скуластое лицо с воспаленными, узко посаженными глазами заросло серой щетиной. Длинные седые патлы пересекал прямой пробор. На тонкой шее треугольником выделялся кадык.

За спиной послышался грохот.

Андрей вздрогнул. Смял фото, сунул в карман и резко обернулся.

— Я нечаянно, — послышался виноватый голос Егора. — Споткнулся.

— Тьфу ты! — Лешка сплюнул и выматерился.

Отойдя от стола, Андрей осветил на толстяка. Тот полулежал на кафельном полу. Рядом валялась многоглазая хирургическая лампа на тонкой железной ноге.

— Простите, — повторил толстяк, поднимаясь.

Покачав головой, Андрей повернулся и остановил пятно света на массивном кресле с подголовником, какие бывают в стоматологиях. Неподалеку стоял металлический столик на колесиках, заваленный инструментами. За ним возвышался шкаф со стеклянными дверцами. Полки были заставлены колбами и пробирками.

— Это какая-то лаборатория, — пробормотала Оля.

Андрей кивнул, чуть повернулся. Посветил вниз и едва сдержал крик.

Метрах в трех находилась стена из металлической сетки. Возле невысокого дверного

проема лежало еще одно существо. Нечто среднее между кальмаром и пауком, небольшое — оно могло бы уместиться в Лешкином рюкзаке. Четыре лапы с двумя длинными пальцами были раскинуты. Похожая на колпак голова крепилась прямо к раздутому брюху.

Против воли Андрей подошел к мертвой твари. Присел на корточки, осветил голову существа и сглотнул, увидев почти человеческое лицо. Зажмуренные глаза, разинутый рот с редкими, кривыми зубами, впалые щеки...

— Еще один уродец, — пробормотал Лешка. — Этот даже страшнее.

— Да уж, — согласилась Оля.

Завтрак просился наружу все настойчивее. Андрей выпрямился, несколько раз глубоко вдохнул. Немного полегчало.

— Когда мы уже пойдем? — проныл за спиной Лешка. — Лично мне всей этой дряни уже выше крыши!

— Леша, погоди немного, — деловито отозвался Егор. — Мы еще не посмотрели, что там светится.

В ответ Лешка лишь глухо зарычал. Андрей удивлялся, что брат до сих пор не кинулся на Егора с кулаками. В любой другой раз толстяк уже давно ходил бы с синяком под глазом или расквашенным носом.

«Наверное, от страха», — подумал Новожилов и нахмурился.

— Короче, — сказал он, оборачиваясь. — Быстро заглядываем — и тут же назад. И так торчим здесь не знаю сколько!

— Хорошо, — пробормотал Егор.

Он опасливо глянул на полупаука-полукальмара, перешагнул через него и застыл в проеме.

— Ничего себе! — выдохнул очкарик. — Вы только поглядите!

Андрей подошел к нему и раскрыл рот от изумления. Металлическая сетка отгораживала неглубокий — где-то полметра — круглый бассейн, выложенный кафелем. По размерам он лишь немного уступал лагерной эстраде. В центре высилась решетчатая пирамида, заполненная пузырями. Их было не меньше трех десятков, они светились желтым и пульсировали. От каждого тянулось что-то вроде темной, словно обугленной жилы. Все они заканчивались черными, расколотыми шарами с вязью светящихся фиолетовым прожилок. Кое-где на шарах, напоминая раскаленные уголья, мигали оранжевые пятна. По полу вокруг каждого шара растекалось голубое сияние.

— Ни фиги себе! — Лешка таращился на жуткую картину и хватал ртом воздух. — И кто это построил?! Инопланетяне?!

— Без понятия, — тихо ответил Андрей, глядя на шары. Они были довольно большие — примерно до пояса.

Пузыри в пирамиде словно почувствовали взгляды ребят и запульсировали сильнее. Жилы стали подрагивать, и Андрею показалось, что вся эта жуть ожила.

Он хотел было повернуться и сказать, что пора уходить, но Егор неуклюже спрыгнул на дно бассейна. Обходя шары и перешагивая через жилы, толстяк направился к пирамиде.

«Куда тебя несет, урод?!» — мысленно прорычал Андрей.

Он тоже прыгнул и торопливо пошел за очкариком, намереваясь хорошенько залепить этому долбанному исследователю в ухо. Но, поравнявшись с первым шаром, замер.

То, что Андрей сначала принял за голубое сияние, оказалось переплетением непонятных символов. Очень похожих на те, из тетрадки. Иссеченные короткими

черточками кругляшки, ломаные линии, треугольники, вписанные в подобие восьмерок, казалось, плясали вокруг мигающих оранжевым шаров.

— Знаешь, — послышался за плечом голос Оли. От неожиданности Андрей вздрогнул. — Мне кажется, это руны.

— Что?

— Руны, — повторила девочка. — Их еще наши предки в колдовстве использовали.

— Бред какой-то! — фыркнул Андрей, мотнув головой.

— Бред, говоришь?! — тихо спросил Лешка. — А то, что мы здесь видим всю эту хрень — тоже бред?!

Андрей лишь покачал головой и посмотрел на Егора. Тот, пригибаясь под трясущимися жилами, медленно обходил пирамиду. Желтые пузыри уже не пульсировали, а дергались.

— Блин! — со страхом воскликнул Лешка.

— Что случилось?! — встрепенулся Андрей.

Он обернулся и уставился на брата. Тот пятился, испуганно глядя на шары.

— Я все понял! — почти шепотом произнес Лешка. — Это яйца!

— Что? Какие еще яйца?!

— Вот эти, разбитые! — брат рукой обвел бассейн. — А те уродцы из них вылупились!

Андрей еще раз скользнул глазами по окруженным светящимися символами шарам и почувствовал, что страх вот-вот парализует его. Лешка прав. Они наткнулись на кладку чудовищ. Две твари лежат мертвыми. А вот где остальные? Яйца занимают весь бассейн, их не меньше трех десятков. Значит, уродцев тоже...

«Мотать надо, — Андрей попятился, переводя взгляд с одного яйца на другое. Он вдруг ясно представил, как они лопаются. Изнутри выплескивается полупрозрачная дрянь. Вылезают чудовища. Они шипят, ухают, хрипят. Дергают безобразными головами. Разевают рты. Таращат бессмысленные глаза. И ползут... Ползут... Ползут... — И чем скорее, тем лучше!»

— Егор! — тихо прорычал он. — Ну-ка быстро сюда!

— Ага, сейчас, — отозвался тот, вглядываясь в высоченную, дрожащую гроздь желтых пузырей.

— Бегом! — повторил Андрей. — Мы уходим!

— Хорошо, хорошо, — в голосе очкарика слышалась досада.

Андрей сжал кулаки.

«Ничего, — успокаивал он себя. — В лагере я тебе как следует навешаю!»

Но до лагеря надо еще добраться...

Егор поправил очки и неторопливо направился к ребятам.

— Ну и местечко, — выдохнул он, поравнявшись с Андреем.

Тот молча посмотрел на него, свел брови. Повернулся и направился к выходу. Поднялся, зашел в проем, перешагнул через мертвого уродца...

И тут случилось то, чего он боялся больше всего. Наверху послышались шаги, шорох и хриплое дыхание.

В груди полыхнул испуг. Сердце заколотилось. Руки и ноги задрожали, отказываясь держать.

Андрей резко обернулся и едва не налетел на Олю. Девочка чудом не охнула и попятилась. Сзади часто и с присвистом засопел Лешка. Егор топтался на месте. Похоже, он пока ничего не понимал.

— А что... — начал очкарик, но Андрей прорвался к нему, залепил рот ладонью. Как следует встряхнул и прошипел на ухо:

— Тихо!

Егор замычал. Андрей, гневно сопя, покрепче прижал ладонь к лицу рыжего.

— Не шуми! — прошептал он. — Понял?! Кивни, если понял!

Очкарик торопливо закивал. Андрей отпустил его, поднял голову и стал прислушиваться.

Наверху грохнуло, послышался топоток. Кто-то захрипел, зачавкал.

«Хорошо, что догадался дверь в лаз закрыть», — подумал Андрей.

Но этого могло быть мало. Он ведь не знал, что это за существа. Вдруг у них звериное чутье? Или они видели ребят и ждали, пока те скроются в вагончике?

Сверху донесся рев. Потом — звон и грохот.

Андрей чуть присел, глядя вверх. Затем, не опуская глаз, медленно, на цыпочках, направился к столику с инструментами.

«Надо хоть как-то вооружиться, — подумал он, протягивая руку к скальпелю. — Если эти сюда полезут...»

Над головой снова загрохотало. Спустя пару секунд раздался клеткот. За ним — звук мелких, частых шагов.

«Люди так не ходят, — Андрей покрепче сжал скальпель и спиной стал отходить к Лешке, Оле и Егору. — Это они».

Шаги не затихали. Время от времени к ним прибавлялись хрипы и глухое уханье.

— Что будем делать? — одними губами спросил Лешка.

— Спрячемся, — Андрей кивнул на бассейн с шарами.

На цыпочках все четверо направились назад. Андрей аккуратно спрыгнул, дождался Егора и Лешку, подал руку Оле.

Пузыри все пульсировали, жилы дрожали. Шары перемигивались оранжевыми пятнами. Словно разговаривали о чем-то.

«О незваных гостях», — невольно подумал Андрей и поежился — настолько дикой показалась мысль.

Сверху громынуло. Донеслось бульканье — наверное, это был смех.

Торопливо, но осторожно Андрей направился вдоль кафельной стены бассейна. Оказавшись позади пирамиды с желтыми пузырями, стал выбирать укрытие. Остановил взгляд на очередном шаре и вздрогнул. Возле него лежал еще один уродец.

Этот больше напоминал лягушку. Длинные задние лапы с мощными, трехпальными ступнями. Узкое, ребристое тело с хорошо заметным, извилистым позвоночником. Бугристый шишак головы... Существо лежало на боку, и Андрей видел единственный глаз посередине выпуклого лба, крошечный нарост на месте носа и большой, разинутый рот.

В вагончике вновь послышался шум.

Андрей вздрогнул. Тряхнул головой и оторвал взгляд от существа. Кивнув друзьям, он спрятался за ближайшим шаром. Присел на корточки и осторожно тронул пальцем твердую, черную, словно покрытую окалиной скорлупу.

Над головой каркнула ворона. Еще раз. Еще... Птица кричала, не переставая. Потом донеслось уханье, чуть слышный хруст, и стало тихо.

Снова накатила тошнота. Андрей сморщился и глянул на темный потолок. Он понял, откуда в лесу берутся кучи птичьих останков.

«Конечно, им ведь надо чем-то питаться», — подумал он.

Наверху зачавкали, заурчали.

Андрей до боли сжал зубы и через силу сглотнул.

Повернувшись, он увидел Лешку. Брат сидел метрах в трех. Он тяжело дышал и не отрывал глаз от проема в сетчатой стене. На лице застыло плаксивое выражение.

Чавканье прекратилось. Опять громыхнуло, лязгнуло — и все стихло.

Андрей изумленно приподнял брови.

«Ушли что ли?» — подумал он.

Выпрямившись, Новожилов огляделся. Старательно вслушиваясь, сделал несколько шагов.

Тишина.

Андрей выставил руку со скальпелем, двинулся дальше.

Так было уже много раз. Дома, за компьютером. Он крался по коридорам секретных баз или домов, зараженных каким-нибудь вирусом, и готовился встретить врага. Напряжение приятно сковывало мышцы... Но сейчас Новожилов чувствовал не волнение, а ужас. Он понимал: в случае чего возможности переиграть не будет.

Еще несколько шагов. Все тихо.

Добравшись до проема, Андрей обернулся и кивнул. Лешка, Оля и Егор поднялись и пошли к нему.

— Будем вылезать, — шепнул Новожилов.

Он запрыгнул на край бассейна, прошел мимо мертвой твари. Приблизился к лестнице, почти взялся за ступеньку, когда сверху донесся стук.

Вздрагнув, Андрей задрал голову. В ту же секунду приоткрылась дверь. Послышался хрип.

Едва не вскрикнув, Новожилов метнулся обратно. Замахал ребятам. Те, к счастью, поняли сразу, и вскоре все четверо вновь прятались за шарами. А спустя еще несколько секунд кто-то мягко спрыгнул в комнатку с письменным столом.

Из проема донеслось хриплое сопение и частые, беспорядочные шаги.

«Вот это попали!» — Андрей пригнулся к полу и стал смотреть на проем сквозь небольшую трещину в черной скорлупе.

Левая рука, казалось,рослась со скальпелем. Поможет ли такое оружие, если придется обороняться? Новожилов не чувствовал уверенности.

Существо, судя по звукам, все еще бродило по комнатке. Потом замерло, забулькало:

— По-ов-во... По-ов-вод-др-р-рь!

«Оно говорит?!» — от изумления Андрей открыл рот и приник к трещине правым глазом.

— По-ов-вод-др-р-рь! — снова донеслось из проема. — С-с... Спс... Спс-скай-й-йтесь!

«Спускайтесь! — мысленно повторил Новожилов, чувствуя, как по спине расплзается мороз. — Их несколько!»

Сверху ответили булькающим хрипом. Потом вскрикнули — резко и глухо.

Андрей вздрогнул и вжал голову в плечи.

Из проема вырвался вопль. Затем — рык, звук удара и возня.

«Что они делают? Дерутся?» — спрашивал себя Андрей.

— С-с-сле-е-ыеш-ш! — невидимое существо через силу выталкивало звуки.

Андрей вспомнил, как вчера в лесу кто-то звал его по имени. Кто-то из этих...

За сетчатой стеной взвизгнули и вновь завозились.

— Вс-с-ста-а-а... Ай-й-й! — глухо рывкнула тварь.

Возня сменилась звуком шагов. Существа расхаживали и сопели. Потом одно угукнуло, взревело. Раздался грохот, и Андрей тут же вжался в пол. Маленький кусочек скорлупы больно впился в ладонь. Новожилов переставил руку, снова глянул в трещину и чудом сдержал крик.

В дверном проеме застыл безобразный силуэт. Немногим больше метра, с тонкими, кривыми ногами и массивным туловищем без намека на руки и голову.

Несколько секунд существо стояло неподвижно. Затем, извиваясь и шаркая, сделало три шага к краю бассейна. Остановилось, захрипело и стало дрожать.

«Оставайся там! — заклинал Андрей. — Не двигайся! Не подходи!»

Тварь резко выдохнула, кашлянула. Наклонилась и бухнулась на колени. Зарычав, повернулась боком и пролаяла:

— Да-а!.. Ай-йе! С-су-ю... А-а!

Из темноты проема донесся ответный рев. Сопя и взрыкивая, показался еще один уродец. Ростом, как и первый, он был похож на человека — отличала только голова, маленькая и приплюснутая справа.

— По-ов-вод-др-р-рь! — прохрипел первый монстр. — Кх-х... Гх-х... д-де-е с-с-сле-е-ыеш-ш?!

Второй взревел, задергался и мотнул головой. Скрылся в проеме и вернулся спустя мгновение с веревкой в левой руке. Зашипев, дернул, и из комнатки донесся визг.

Андрей сморщился и задрожал.

«Сколько их еще?!» — думал он, не отрываясь от трещины в скорлупе.

— С-с-сле-е-ыеш-ш! — рывкнуло безрукое существо. Оно резко повернулось, не удержало равновесия и плюхнулось на бок. Заверещало, суча ногами.

Другая тварь бросила веревку, рывками подобралась к первой, наклонилась и помогла подняться. Та замерла, с хрипом втягивая воздух и чуть заметно покачивая туловищем. Уродец с приплюснутой головой ухнул, отошел и взял веревку. Снова дернул — и в проеме возник третий силуэт.

Он напоминал огромную пиявку с двумя длинными костлявыми лапами под раздутой головой. Мясистое туловище дергалось, лапы тихо шлепали по полу. К правой был привязан конец веревки.

Наконец все трое застыли у края бассейна. Второй тоже опустил на колени, а похожий на пиявку сложил лапы и прижался к полу.

«Только не спускайтесь!» — продолжал твердить Новожилов, сжимая скальпель.

Смотреть на тварей было невыносимо. Но и отвести взгляд Андрей не мог. Он внушал себе: если продолжать смотреть, они не двинутся с места. И эта мысль спасала.

С полминуты было тихо. Потом безрукий монстр дернулся, захрипел.

— С-сегх-х-хр-р, — он закашлялся и чуть снова не распластался по полу. Отдышался и еще раз попробовал: — С-се-егхо-одня... н-нам... п-поф-фвес-сло... Бр-р-рюу-ух-хаты-ый-й... п-п... пр-реф-фвр-ра-атис-ся... ф-ф... де-ефвщ-щ-ш-шонк-кх...

Андрей удивленно поднял брови. То, что он услышал, не было набором звуков. Тварь без рук говорила.

«Сегодня нам повезло, — мысленно повторил Андрей. — Брюхатый превратился в девчонку... Так что ли? И что это значит?»

Он не знал. От этого стало еще страшнее.

Урод с приплюснутой головой одобрительно прошамкал. Обернулся к похожему на пиявку, дернул за веревку и захрипел, вздрагивая всем телом.

«Он смеется!» — понял Андрей.

От страха все внутренности словно заledenели.

Безрукий дернулся, ухнул, и стало тихо.

— С-скхо-ор-ро... м-мы... ф-фшвс-сшсе-е... пе-ер-р-рес-сшсе-елим-мс-сша-а... — продолжил он.

«Скоро... мы все... переселимся», — разобрал Андрей.

— С-себас-ст-тьяан-н... с-спа-ас-сшс-сео-от... н-на-ас-с...

«Себастьян... спасет... нас».

Существо, похожее на пиявку, взревело. Засопело, с трудом выпрямило лапы — те подгибались под весом мясистого туловища. Следом поднялись и остальные двое.

Андрей напрягся и вновь принялся повторять: «только не спускайтесь!»

Уродцы стояли на самом краю бассейна. Пиявка с лапами время от времени вскидывала огромную голову, безрукий топтался, отчего шишковатые колени то и дело соприкасались, а существо с приплюснутой головой вздрагивало.

«Не спускайтесь!» — твердил про себя Новожилов.

Словно в ответ на его мысли, существо с массивным туловищем дернулось, чуть подалось вперед и загудело. Спустя пару секунд жуткое, протяжное «у-у-у» подхватили и двое других.

Монстры гудели на одной ноте и покачивались. Желтые шары в решетчатой пирамиде продолжали раздуваться и опадать. Жилы шевелились, словно щупальца. Синее сияние вокруг шаров стало ярче.

«Что они делают? — Андрей, не моргая, смотрел на уродливую троицу. — Молятся что ли?»

Те гудели все громче.

Так продолжалось не меньше пяти минут. Потом уродцы затихли, и Андрей почувствовал, как внутри все сжалось — наверное, в сотый раз за последние полчаса.

— По-ош-ши, — безрукий дернулся, неуклюже развернулся и заковылял к проему. Пиявка с лапами завертела башкой, булькнула.

«Уходят!» — от напряжения Андрей задержал дыхание.

Уродец с приплюснутой головой стегнул пиявку веревкой и, дергаясь, последовал за первым монстром. Как только он скрылся, третий заработал лапами и пополз за ним.

Спустя секунд тридцать в комнатке что-то с грохотом упало, раздался рев. Твари засопели.

«Что дальше?!» — думал Новожилов.

Он осторожно повернул голову и поглядел на друзей. Лешка мелко дрожал и шевелил губами. Егор растерянно моргал, разинув рот. Оля, не отрываясь, смотрела на темный прямоугольник проема и хмурила брови.

Из-за сетчатой стены донесся деревянный лязг. Потом отрывистый, ухающий голос. Андрей узнал безрукого — тот опять говорил, но разобрать слова не получалось.

Только сейчас он почувствовал, насколько задеревенели ноги, руки и шея. Но не решался двигаться. Шанс спастись все еще оставался призрачным.

Кто-то из уродцев завизжал. Ему тут же ответили злобным ревом. Потом что-то

застучало — тихо и мягко.

«Пытаются вылезти?» — предположил Андрей. Представив, как это выглядит, он прикрыл глаза, сжал челюсти и сглотнул. Голова закружилась, тошнота усилилась.

Вновь раздался рев, и почти тут же — лязг двери в полу вагончика.

«Вылезли», — Андрей повернул голову и сморщился, когда в шее щелкнуло.

Он отнял руки от пола, осторожно выпрямился. Пару раз присел. Друзья тоже зашевелились и тихо направились к нему.

Лешку шатало. Дойдя до шара, за которым прятался Андрей, он согнулся, и его вырвало. Несколько раз сплюнув, брат слабо выругался.

— Ничего, — тихо, с хрипотцой сказала Оля, помогая Лешке выпрямиться. — Сейчас все пройдет.

— Ребята, — прошептал толстяк, боязливо оглядываясь. — Пойдемте отсюда. Пожалуйста!

«Нет, блин, здесь останемся!» — мысленно огрызнулся Андрей.

Он задрал голову и прислушался.

Было тихо. Уродцы либо ушли, либо затаились.

Выставив скальпель, Андрей медленно направился к проему. Шары медленно плыли мимо. Пирамида с пузырями чуть заметно поворачивалась — будто ось безобразной карусели.

«Аттракциончик! — подумал Андрей, скользя по бассейну напряженным взглядом. — На всю жизнь запомнишь!»

Вот и выход. Еще раз оглядевшись, подождав с полминуты, Новожилов поставил ногу на край бассейна и поднялся. Опустил взгляд и увидел на бетонном полу мокрые пятна. Как раз там, где стояли существа.

«Гадость!» — он чудом подавил очередной бунт желудка.

Стиснув зубы, часто дыша носом, Андрей прошел в комнатку.

Столик с инструментами был перевернут. Щипцы, иглы и прочая хирургическая жуть валялась рядом. Возле лестницы лежала разодранная ворона.

Андрей подошел к лестнице, взялся за перекладину. Посмотрел вверх.

«Если они там...» — он оборвал мысль, мотнул головой и полез.

Вскоре Новожилов остановился, уперся рукой в дверь. Глянул вниз.

Лешка был на полпути, Оля и Егор стояли рядом с лестницей.

«Давай, — велел себе Андрей, отворачиваясь. — Все равно придется».

И толкнул дверь. Та лязгнула, поддалась.

Новожилов зажмурился, ожидая услышать рев и топот.

Ничего. Тишина...

Открыв глаза, Андрей высунул голову и огляделся. Вагончик был пуст. Если не считать высохшего уродца.

Наклонившись, Новожилов кивнул друзьям и выбрался из лаза.

— Фу-ух! — выдохнул Лешка. — Давайте побыстрее уберемся!

Оля молча кивнула, и все четверо направились к двери.

Выбравшись наружу, Андрей зажмурился — свет ударил по глазам. Проморгался, вытер слезы и повернулся к друзьям.

— Пойдемте, — сказала Оля и двинулась вдоль вагончика.

Ребята добрались до кустарника, Андрей остановился и оглянулся. Он понял, что еще не

раз увидит все, что было — во сне.

— Эй, — Оля тронула его за плечо. — Пошли.

Андрей кивнул, повернулся к зарослям...

В ту же секунду за спиной взревели.

Новожилов отскочил, развернулся, едва не упал. Чудом удержался и разинул рот, глядя на уродца, застывшего в полутора десятках шагов.

Это был тот самый, с приплюснутой головой. Теперь, при дневном свете, Андрей смог как следует рассмотреть его.

Тщедушное тело покрывали блестящие фиолетовые язвы. Руки с тремя пальцами тянулись вперед. Голова — большую ее часть занимал рот с кривыми зубами и розовым комом языка — все время дергалась. Глаза — две маленькие черные пуговицы — не отрывались от друзей.

— Мама! — всхлипнул за спиной Егор.

— Валим! — одновременно с ним завопил Лешка.

В ответ неподалеку вздрогнули кусты, и перед вагончиком появилась тварь, похожая на пиявку.

Мясистое пульсирующее туловище было темно-красным, словно обожженным. На запрокинутой назад голове Андрей увидел только рот — большой, разинутый и беззубый. Глаза и нос, если они вообще были, скрывались за огромным, тоже темно-красным, наростом, из-под которого сочилась полупрозрачная розовая дрянь. Костлявые лапы подрагивали, длинные пальцы впивались в землю.

Словно почувствовал взгляд Андрея, пиявка взревела и рванулась вперед.

Новожилов заорал, развернулся и бросился бежать. Едва не налетел на Егора. Подтолкнул в плечо, рывкнув: «быстрее!» Лешка и Оля неслись впереди.

За спиной завопили, затрещали кусты.

«Вот это встряли!» — думал Андрей, задыхаясь.

Он выжимал из себя все, но уродцы не отставали. С дикими воплями они продирались сквозь ветки и листву, изредка шипели. И не собирались отступить.

Справа послышалось уханье.

Андрей повернул голову. Отшатнулся и чуть не сбился с темпа.

«Их все больше!» — понял он, перемахивая через поваленную березу.

Лес с дикой скоростью проносился перед глазами. Березы тянули ветки, словно хотели задержать. Кусты то и дело преграждали дорогу. Грудь сдавливало, а ноги становились все тяжелее.

Андрей вспомнил слова Оли: от лагеря до вагончика три-четыре километра. Осилит ли он эту дистанцию?

«Надо!» — твердил себе Новожилов, не сбавляя скорости.

Оля и Лешка неслись чуть впереди. Рядом, хрипя и охая, бежал Егор. Лицо толстяка стало малиновым, на футболке темнели пятна пота. Судя по всему, он был на последнем издыхании.

Сзади забулькали.

— Отстаньте! — завизжал Егор и чуть не упал.

«Беги лучше!» — Андрей глянул на толстяка и поднажал.

Березовая ветка хлестнула по лицу. Нос вспыхнул такой болью, что заслезились глаза. Лес превратился в черно-бело-зеленое марево. Мгновением позже Андрей оступился и

проехался по траве.

За спиной захрипели.

— Ай! — Новожилов оскалился, вскочил и бросился дальше.

— Не отставай! — крикнула Оля. — Осталось не так долго!

Гонка продолжалась еще минут пять. Потом треск и хрипы за спиной стали тише. А вскоре и вовсе смолкли.

Пробежав еще пару сотен метров, Андрей, наконец, позволил себе замедлиться и оглядеться.

Деревья редели.

«Выбрались?» — подумал он, чувствуя, как легкие словно сминают в огромном кулаке.

Впереди показалась лужайка. Оля, Егор и Лешка добежали до кустов барбариса и остановились. Брат закашлялся, толстяк плюхнулся на колени. Андрей поравнялся с ними, обернулся к лесу и передернул плечами.

— Давайте скорее в корпус! — прошептал он, подталкивая Лешку.

Спустились, перешли ручей. Пересекли асфальтированную дорожку, двинулись вдоль светлой кирпичной стены. Остановились у крыльца и столкнулись с отрядом — ребята возвращались из столовой.

«Все, встряли, — подумал Андрей. — Сейчас начнут орать».

Он не сразу заметил, что с отрядом только Светка.

Та вытаращилась на четверку, приоткрыла кривой рот, поправила очки.

— Вы где лазили?! — завопила она, спустя несколько секунд. — Мы тут все с ног сбились — вас искать! Ирина Олеговна вообще с ума сходит! Кретины мало... — вожатая осеклась, глядя Андрею за спину.

Он обернулся и увидел Ирину Олеговну — красную, запыхавшуюся, перепуганную. Воспитательница быстро оглядела всех четверых, нахмурила нарисованные брови и начала срывающимся голосом...

Монолог длился не меньше десяти минут.

«По фигу, — думал Андрей, в четвертый раз слушая, какой он безответственный. — Главное — в безопасности».

— Еще один такой проступок, и вы отправитесь к Светлане Максимовне, а оттуда — напрямик домой! Марш в палату! — Ирина Олеговна выдохнула и с чувством выполненного долга поднялась по ступенькам. Седьмой отряд, украдкой посматривая на Новожиловых, Олю и Егора, последовал за воспитательницей.

В палате Андрей разделся и устроился под одеялом. В окне виднелся кусок заросшей лесом горы. Над ней зависло слепящее пятно солнца. Вспомнив зеленый навес листвы, Новожилов почувствовал холод и перевернулся на другой бок.

Он знал, что соседи по палате сейчас смотрят на него, Лешку и Егора. А в других палатах их всюю обсуждают. Но ему было все равно.

«Главное — в безопасности. Подальше от леса», — мысленно твердил Андрей, сверля взглядом светлый бок тумбочки.

Больше всего хотелось отключиться. Проспать хотя бы пару часов, а потом проснуться с легкой головой. Но Андрей боялся закрыть глаза. Вдруг перед мысленным взором появится укутанный зеленью вагончик? Или высохший уродец на полу. Или маленькая комнатка. Или бассейн с гроздью пузырей, жилами и шарами. Или они...

Люди ли это? Тогда кто сделал их такими? Кто создал этот кошмар под вагончиком?

Ученые?..

Колдуны?..

Инопланетяне?..

«Хватит!» — приказал себе Андрей, комкая одеяло. Но мысли не желали отступать.

Новожилов оторвал взгляд от тумбочки, посмотрел на брата. Тот лежал поверх одеяла, подложив руки под голову, и жевал губами, глядя в потолок.

Открылась дверь, вошел Максим. Руки и лицо были исцарапаны, на красной футболке и голубых джинсах темнели пятна грязи.

«С этим-то что?» — Андрей недоуменно уставился на вожатого.

— Ты, ты и ты, — Максим указал на него, Лешку и Егора, — быстро за мной в коридор.

Андрей нахмурился и сел на кровати. Поднялся, натянул шорты и майку. Встретился с недоуменным взглядом Лешки, пожал плечами.

— Поживее, — поторопил Максим, стоя на пороге.

«Начнет сейчас лекции читать! — мысленно проворчал Андрей, направляясь к вожатому. — Как будто воспитка этим не занималась!»

Максим строго глянул на него, повернулся и вышел в коридор.

— Что, приключений захотелось? — спросил он, когда Андрей, Лешка и Егор встали рядом. — Свободу почувствовали, да? Один раз в лес отпустил, значит, можно туда лазить, когда вздумается, так что ли?

— Нет, — тихо ответил Андрей, уставившись в пол.

— Извините, — жалобно произнес Егор. — Мы не хотели.

«Идиот рыжий!» — мысленно обозвал толстяка Новожилов, сжимая кулаки.

Он почувствовал, как накатывает волна злости. Это все ведь из-за очкарика. Кто хныкал, что хочет обследовать вагончик? Кто потащился к бассейну, когда пора было мотать назад? Егор!

— Вчера вы тоже извинялись! — снова заговорил Максим. — И что? Для вас извинения — только слова! Бросили — и забыли! Вы хоть понимаете, чем ваш побег мог закончиться? Запросто могли заблудиться, клещей нацеплять и так далее!

«Подумаешь, клещи! — Андрей поджал губы и чуть заметно качнул головой. — Там кое-кто похуже есть!»

Он вспомнил уродцев, и по спине побежали мурашки. Поежившись, Новожилов сунул руки в карманы шорт и что-то нащупал. Вытащил и увидел скомканный снимок.

«Тот самый! — вспомнил он. — Из комнатки под вагончиком!»

— Что там у тебя? — Максим шагнул к нему и протянул руку. — Покажи!

Андрей разгладил фотографию и нехотя отдал вожатому.

С полминуты тот пялился на изображение. Потом вытаращил глаза, поднял брови, приоткрыл рот. Нервно облизнув губы, вожатый оглядел ребят и хрипло спросил:

— Где вы это взяли?

— Нашли в лесу, — соврал Андрей, глядя, как у Максима трясутся руки.

«Он знает этого человека», — понял Новожилов.

Максим посмотрел на него, сунул фото в карман.

— Все. Идите в палату, — бросил он и торопливо направился по коридору.

«Он знает этого человека», — мысленно повторил Андрей, возвращаясь в постель.

Закрыв глаза, он представил худое скуластое лицо, седые патлы, серую щетину на щеках. Кто это? Уж не этот ли человек поставил в лесу вагончик и вырастил тварей?

«Он знает этого человека, — в третий раз подумал Андрей. — Знает и боится».

Глава 8. Послание от Себастьяна

Ночью опять снился кошмар. Федор Иванович стоял возле окна и видел под яблоней — той самой — двоих. Егора и Беспалого. Последний держал лопату и с улыбкой смотрел на мальчишку. Тот ухмылялся, потом кивнул. Больной стал копать. В ту же секунду с веток посыпались яблоки — еще зеленые, неспелые. Егор оскалился, бросился на землю и начал запихивать их в рот. Целиком. Он со свистом втягивал воздух, размазывал по щекам слезы и грязь, морщился и жевал. А в голове Сбитнева звучало высокое и хриплое: «хочу яблоко!»

— Вот так с ума и сходят, — пробормотал он, сидя у окна и глядя на яблоню.

Вздыхнув, Федор Иванович посмотрел на почти не тронутую тарелку гречневой каши, чашку остывшего чая и покачал головой. Поднялся и вышел на крыльцо.

В небе неподвижно висели светло-серые, выжатые вчерашней грозой тучи. Листва и темная сырая земля ждали солнца.

У Мещеряковых было открыто окно. Сбитнев спустился, подошел к забору. Почти сразу же из соседского дома донеслись топот, звон посуды и визг.

— Егорик, не надо! — послышался голос Марины. — Успокойся, пожалуйста!

В ответ — снова топот и стук.

Против воли Сбитнев представил, как мальчишка мечется из комнаты в комнату, строит свирепые гримасы и кричит. Вздыхнул, отошел от забора и вернулся в дом. Пора было собираться на работу.

Спустя пять минут Федор Иванович вышел за ворота. За сетчатой оградкой возле дома напротив с деловитым квохтаньем топтались куры. С большой ржавой цистерны на них высокомерно глядела большая серая ворона. На соседнем участке возле конуры гавкал Цезарь — здоровенный, похожий на волка пес. Он пригибал голову и не отрывал глаз от дома Мещеряковых. А потом вдруг заскулил, поджал хвост и скрылся в будке.

Федор Иванович обернулся и увидел в окне Егора. Тот с ухмылкой смотрел на конуру. Затем, словно почувствовав взгляд Сбитнева, чуть повернулся, оскалился и изобразил, будто есть яблоко.

Не без труда Федор Иванович отвел от мальчишки глаза. Повернулся и медленно пошел вдоль улицы. Дойдя до магазина, он остановился и стал смотреть на зеленеющее поле за трубами теплотрассы и железной дорогой.

«Березки»... Что могло случиться в лагере, чтобы так поменять доброго и славного мальчишку? Марина говорила, Егор вместе с друзьями сбежал в лес. И вернулся... таким.

«Черта они там встретили, что ли?» — подумал Федор Иванович, бессильно покачивая головой. Он не знал. А строить догадки было бесполезно.

А Максим... Что лагерь сделал с крепким девятнадцатилетним парнем?

«Он ведь тоже был в лесу, — Сбитнев вспомнил, как нашел Максима. Тот трясся, плакал — весь оборванный, грязный, потный, исцарапанный. — Что же там такого случилось?»

Никогда раньше Федор Иванович не чувствовал себя таким беспомощным. Покачивая головой, он опустил глаза и медленно, по-стариковски побрел к трамвайной остановке.

Через полчаса Сбитнев уже убирался во дворе. Он торопился — тучи снова наливались чернотой, резкие порывы ветра предвещали еще одну грозу. Деревья тревожно перешептывались листвой, по лужам пробегала рябь.

Двое мальчишек лет восьми раскручивали карусель. В песочнице возле деревянного домика возился карапуз в красной осенней куртке и черной шапочке. Рядом стоял огромный — едва ли не больше владельца — пластмассовый грузовик с синим кузовом и желтой кабиной. Неподалеку, на низкой лавочке без спинки сидела старушка в сером плаще. Она с тревогой посматривала то на небо, то на карапуза, то на зонт, лежавший рядом.

Снова подул ветер, в небе заворчал.

Сбитнев поглядел вверх, затем обернулся к арке и увидел Нину Евгеньевну. Та торопливо шла к подъезду, держа на весу большую темную сумку.

— Здравствуйте, Федор Иванович! — сказала она, поравнявшись с дворником. — Как ваши дела?

— Да так, потихоньку, — неохотно ответил тот. — Обо мне чего говорить? Расскажи лучше, как Максим?

Опять громыхнуло. На асфальте появились первые мокрые кругляшки.

— Дождь начинается, — растерянно пробормотала Серова. — Знаете что? Давайте ко мне поднимемся и поговорим.

Сбитнев кивнул и вслед за ней направился к подъезду.

«Какая-то она напряженная, — отметил дворник, поднимаясь на второй этаж. — Не случилось ли чего?»

Нина Евгеньевна открыла дверь, прошла в коридор и щелкнула выключателем. Тусклый свет разлился по темно-красным половицам, бумажным бело-зеленым обоям, пуфику и вешалкам.

Федор Иванович разулся, вслед за хозяйкой прошел в зал, и оба уселись в старенькие кресла за журнальным столиком.

Несколько секунд Нина Евгеньевна сидела, поджав губы и задумчиво глядя на светло-серый палас. Потом чуть заметно мотнула головой и заговорила:

— Я только что Максима навещала. С ним пока все так же. Спит, ест, из палаты не выходит. Но когда я прихожу, видно, что радуется, — Серова чуть улыбнулась. — Вот и сегодня. Пришла, он обернулся, посмотрел на меня и... посветлел сразу как-то.

— Это же хорошо, — сказал Сбитнев. — Оттаивает парень, отходит.

— Да. Игорь Витальевич то же говорит. В общем, посидела я с ним немного, потом пошла в ординаторскую. Игорь Витальевич со мной поздоровался и дал вот это...

Нина Евгеньевна расстегнула сумку и достала сложенный вчетверо тетрадный листок.

— Вот, почитайте, — она протянула листок Федору Ивановичу.

Развернув его, тот прищурился и сразу узнал почерк Королькова — крупные, пузатые, старательно выведенные буквы.

— Почитайте, — повторила Серова, напряженно глядя на дворника.

«Кровь... Моя кровь... Вы украли ее... — начал читать Сбитнев. — Украли кровь... Сделали... Сделали чудовище... Номер шестнадцать... Чудовище — отражение души... Шестнадцатый номер... Чудовище как зеркало... Зеркало треснуло... Значит, душа тоже... Треснула душа... Зеркало... Уберите зеркало...»

— И что это? — тихо спросил Федор Иванович, осторожно положив листок на край столика.

— Это говорил Максим. Во сне. Как мне Игорь Витальевич рассказывал, одна медсестра ночью подошла к палате Максима, заглянула в окошко и увидела, что тот мечется по кровати. Открыла дверь и услышала... это. А потом позвала Игоря Витальевича, и тот все

записал.

— Понятно, — кивнул Сбитнев. — И что он говорит об этом?

— Сказал, ничего особенного. Но мне кажется, он встревожился, — Нина Евгеньевна с страхом поглядела на дворника.

«Я тоже», — подумал тот.

Перед глазами тут же появился высокий седой человек. Беспалый. Он наклонился и как всегда тихо попросил несколько капель крови.

Сбитнев выдохнул, нахмурился. Видение исчезло, но тревога не отступала.

«Может, совпадение?» — Федор Иванович посмотрел в окно, закрытое полупрозрачными занавесками.

— Федор Иванович! — в голосе Нины Евгеньевны прозвучали нотки отчаяния. — Что с вами? Если вы что-то знаете, скажите! Пожалуйста!

— Нет-нет, Ниночка, — дворник поспешно мотнул головой и заставил себя улыбнуться. — Все хорошо. Устал просто. Тут еще погода изменилась.

Он кивнул в сторону окна. Дождь всю барабанил по подоконнику.

— Ладно, — пробормотала Серова, растерянно глядя на Федора Ивановича. Похоже, она не поверила. — Давайте-ка я вас чаем напою. Все равно дождь переждать надо.

Она ушла на кухню. Федор Иванович взял листок и еще раз перечитал.

«Отдай мне несколько капель своей крови и вскоре сможешь навсегда забыть об этой грязной работе», — зазвучал в голове голос Беспалого.

«Не может это совпадением быть, — подумал Сбитнев. — Не бывает таких совпадений».

Выходит, Максим тоже встретился с пациентом Королькова. И что дальше? Отдал кровь? Нет, Максим парень умный. Он наверняка сразу понял, что перед ним сумасшедший.

— Моя кровь... Вы украли ее... — шепотом прочитал Сбитнев.

«Украли? Как? — стал он размышлять. — Это ведь не кошелек, ее из кармана не вытянешь...»

Хорошо, пусть даже украли. Для чего? Что Беспалый собирался делать с кровью? К чему его обещания, что вскоре можно забыть о грязной работе?

Взгляд Сбитнева скользнул по строчкам.

— Сделали чудовище... — прочитал он.

Нет, это что-то уж совсем невероятное. В конце концов, Максим ведь спал. Скорее всего, ему просто снился кошмар.

Федор Иванович закрыл глаза и потер лоб. От обилия мыслей закружилась голова. Он встал, подошел к окну. Открыл форточку и жадно вдохнул прохладный, влажный воздух.

«Надо съездить к Игорю Витальичу, — решил он, глядя на пустой двор. — Узнать, где Беспалый сейчас. Заодно про Егора расскажу».

Вспомнив о соседском мальчишке, Сбитнев в который раз почувствовал страх.

Из кухни вернулась Нина Евгеньевна. Мелкими шажками она добралась до столика и поставила поднос с двумя чашками на блюдах и вазочкой песочного печенья.

— Вот спасибо, — добродушно крикнул Федор Иванович, возвращаясь в кресло.

За окном громыхнуло, Нина Евгеньевна вздрогнула.

«Досталось ей, — подумал Федор Иванович, чувствуя почти отеческую жалость. — Сначала мужа похоронила, теперь сын в лечебнице. И неизвестно, что дальше».

Дворник отчаянно хотел верить, что все закончится хорошо. Хотел, но не мог. Мешало

дурное предчувствие.

За несколько дней до этого.

«Опять ты!» — Макс сидел на кровати и держал на коленях снимок. Пальцы тряслись, отчего казалось, что человек на фотографии двигается.

Седые волосы. Острые скулы. Впалые, заросшие щеки. И взгляд — недобрый, изучающий.

Ноющая боль в запястье стала сильнее. Макс оторвал взгляд от снимка и посмотрел на руку. Полоска розовой кожи припухла еще больше.

«Что бы это значило? — подумал вожатый. — Что вообще все это значит?!»

Ему было непонятно и страшно. А человек со снимка буравил его глазами и улыбался. Словно знал про Макса все. Словно смог прочесть его душу.

— Бред, — пробормотал Макс.

Он спрятал фото в тумбочку, встал у окна. Деревья клонили верхушки под напором ветра. Из-за горы выползала черная туча.

Макс поморщился и отвернулся. Он не любил грозы — с того самого дня, почти полтора десятка лет назад, когда увидел себя в треснувшем зеркале.

На несколько секунд перед глазами возникло безобразное, угловатое лицо с тремя глазами и двумя ртами. Видение было настолько реальным, словно Макс опять очутился в сених бабушкиного дома. Он раскрыл рот, с хрипом вдохнул, вытаращил глаза и шагнул назад. Задел спинку кровати, едва не упал и лишь тогда пришел в себя.

«Так, хватит, — сказал он себе, присев на постель и обхватив голову руками. — Надо просто успокоиться и все обдумать».

Макс прислонился спиной к стене, вытянул ноги и стал размышлять. В первую очередь нужно было понять, что случилось в лесу. Кто тот парень в черной футболке? Как он бежал без глаз и с перерезанным горлом? И как потом очутился в поселке целым и невредимым?

«А может... — он прищурился, подобрал ноги и обнял руками колени, — не было никаких выколотых глаз и перерезанного горла? Ребятки из поселка горазды на жуткие приколы. А этот у них вроде как за главного. Вымазался кровью или даже краской и пошел в лес — напугать кого-нибудь».

Это казалось похожим на правду. Только вот... Куда девался поселковый шутник, когда добежал до оврага? Он ведь как сквозь землю провалился.

— Или спрятался в кустах, — шепотом добавил Макс. — А что? Он наверняка лес как свои пять пальцев знает.

Хорошо, с этим вроде бы разобрались. Но как быть с уродливыми костями на дне оврага? Кому они могли принадлежать? Людям? Вряд ли...

«Страшным гномам», — подумал Макс, сверля стену задумчивым взглядом.

Кто такие эти страшные гномы? Существуют ли они на самом деле? Или у девчонки из Степиного отряда просто разыгралось воображение?

Скорее всего, так и есть. Но овраг с костями...

А каталка без колес... Что там за пятна? Кровь?

Серов вспомнил темно-красные кляксы на желтой клеенчатой поверхности, и его передернуло. Что делали на этой каталке? Или делают до сих пор?..

«Одни вопросы», — Макс вздохнул, бессильно качая головой.

Он не представлял, как распутать эту цепочку. Страх был еще слишком силен, чтобы думать спокойно. В голове проносились лишь обрывки мыслей. Но и оставить размышления

Макс не мог.

Перед глазами вновь появились поселковые. Пять злобных и очень похожих лиц, пять угрюмых взглядов исподлобья. Как они стали такими? Макар Матвейч говорил, что ребята менялись после того, как возвращались из леса. Что с ними случилось?

«Может, там какая-нибудь зараза? — предположил Макс. — Тогда... Вдруг я, братья, Оля и Егор тоже поменяемся? — он сглотнул и задержал дыхание, прислушиваясь к себе. Вроде бы, все нормально. Не тошнит, не лихорадит. Только страх все усиливается. — Да нет, не может быть. Макар Матвейч ведь каждый день в лес ходит, он сам говорил. И ничего — не заболел».

Нет, зараза ни при чем. Тут что-то другое. У ребят из поселка какая-то тайна.

«О чем он меня спросил? — Макс прищурился, вспоминая худенького белобрысого пацана. — Что-то про пальцы... Какого пальца и на какой руке не хватает у нашего папаши? Хрень какая-то! — он фыркнул, мотнул головой и замер, глядя на тумбочку. — Или не хрень?»

Нахмурившись, вожатый встал, вытащил снимок и еще раз скользнул взглядом по изможденному лицу. Он вспомнил, как уборщик изучал его. Как длинные и тонкие пальцы бегали по белой пластиковой ручке швабры.

«У него ведь не было пальца! — Макс, не отрываясь, глядел на фото и тяжело дышал. — Безымянного, на правой руке!»

Что если мальчишка спрашивал об этом? Выходит, поселковые тоже встретились с тем типом. Только вот почему они называли его папашей? Может, из-за него ребята стали другими?

— Что ты с ними сделал? — шепотом спросил Макс, изучая снимок.

Он вспомнил еще кое-что. Вчера, после того, как, наконец, добрались до лагеря и вышли из автобуса, неподалеку кто-то был. Кто-то высокий — как тип из поликлиники.

Отложив снимок, Макс посмотрел в окно. Туча, клубясь, подбиралась к солнцу. Листва дрожала, по траве, будто по зеленому морю, бежали волны. Все вокруг словно сжалось, напряглось, ожидая удара стихии.

Макс отвернулся, улегся и вновь стал думать.

Страшные гномы... Может, воображение девчонки из Степиного отряда ни при чем? Ведь в лесу действительно есть кто-то странный. Маленькое существо, похожее на розовый ком, способное поймать и разорвать птицу, на фантазии не спишешь. Как и овраг, полный уродливых костей.

«Загадки, загадки...» — Макс вновь покачал головой и сморщился — заломило виски.

Он встал, вышел из комнаты и направился в туалет. Остановился у раковины, открыл холодную воду и умылся. Потом присосался к крану и сделал несколько глотков.

Послышались шаги. Макс выпрямился и увидел загорелого Костю из второй палаты. Тот остановился, с виноватым видом глядя на вожатого.

— Живот не проходит, — жалобно сообщил мальчишка, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу.

— Так. А в медпункте ты был? — нахмурился Макс.

— Был. Врач мне живот пощупала, сказала, что ничего страшного, и таблетки дала. Только они пока не помогают.

— Ладно, иди.

Костя шмыгнул носом, прошел мимо и скрылся в кабинке. Макс проводил его взглядом

и отвернулся к стене.

Вспомнилось, как три месяца назад он тоже мучался с животом. Как пошел в поликлинику. Как встретил странного типа...

Запястье снова вспыхнуло болью. Макс чуть сморщился, опустил глаза на припухший шрам.

«Все же как он умудрился так ловко руку мне порезать? — размышлял вожатый, чувствуя, как ветер проникает сквозь полуоткрытое окно и шевелит волосы. — Фокусник, мать его! А ведь... было еще кое-что...»

Макс представил коридор поликлиники. Уборщик стоит напротив, изучает его взглядом. А потом... говорит про богатую фантазию и что еще не настолько сошел с ума, чтобы душить кого-то.

— Он мысли мои прочитал! — шепотом произнес Макс. Сердце забилось быстрее — вожатый почувствовал, что вот-вот отыщет хотя бы один ответ. — В голову ко мне залез!

Получается, тип из поликлиники — телепат. Тогда вполне возможно, он умеет не только читать мысли, но и гипнотизировать. Вот почему ребята из поселка стали другими.

— Они с ним встретились, — пробормотал Серов.

Он уперся лбом в прохладный кафель и обессилено выдохнул. Никогда раньше размышления не казались таким тяжелым трудом.

«Хорошо, — продолжил Макс. — Пускай так и есть. Этот урод встретился с ребятами и загипнотизировал их. Но как это связано со страшными гномами? Да и связано ли?»

Он отошел от стены, покачал головой и вздохнул. Мгновением позже снаружи, прямо под окном послышался смех.

Вздрагнув, Макс обернулся и медленно направился к подоконнику.

— Как я уже говорил, фантазия у тебя богатая, — донесся голос. Макс сразу узнал его — низкий, бархатистый, полный ложной доброжелательности. — Да и ход твоих мыслей мне нравится.

Снова смех.

Макс метнулся к окну. Дернул раму, лег на подоконник. Едва не вывалился и завертел головой.

Под окном никого не было. Но смех не утихал.

Тяжело дыша, Макс обводил глазами траву, кусты, бетонную дорожку вдоль стены корпуса.

— Не там ищешь, — услышал вожатый, и смех прекратился.

Макс слез с подоконника и попятился. Наступил кому-то на ногу, вскрикнул, обернулся и увидел Костю. Тот ойкнул, отскочил и растерянно уставился на вожатого.

— Что с тобой? — спросил Костя.

— Н-ничего, — выдавил Макс. — Все хорошо. Иди в палату, сончас еще не кончился.

Костя помрачнел, опустил глаза.

— Я не хочу в палату, — тихо сказал он.

— Что такое? — нахмурился Макс.

— Меня там дразнят. Я Сене сказал, что у меня живот болит. А тот всей палате растрезвонил. И теперь меня дристуном называют.

— Так, — Макс расправил плечи, легонько подтолкнул Костю к выходу. — Пойдем, разберемся.

— Не надо, — всхлипнул мальчишка. — Так только хуже будет. Лучше я сам.

Макс остановился, посмотрел на Костю. Тот, задрвав голову, жалобно глядел на вожатого.

— Вообще-то правильно, — одобрил Макс. — Просто не обращай внимания — и им скоро надоест дразниться.

Костя кивнул, шмыгнув носом и вышел в коридор.

«Правильно», — мысленно повторил Макс.

Вожатый понимал Костю. Приди он в палату с лекцией — и к «дристу» тотчас прибавился бы «стукач». Подростки бывают очень жестокими. Это Макс знал прекрасно.

Он помрачнел и осторожно подошел к окну. На улице никого не было. Как и полминуты назад, когда Макс слышал смех и голос уборщика.

«Может, у меня крыша съезжает?» — подумал он, опершись ладонями о подоконник.

Туча, наконец, заглотила солнце, и на лагерь опустилась тень. Ветер становился сильнее, деревья дрожали. Но дождя все не было — ненастье словно играло в кошки-мышки.

Максу стало холодно. Он растер плечи, развернулся и направился в комнату.

«Так ни до чего и не додумался», — он вздохнул, улегся и уставился в потолок.

Спустя полчаса седьмой отряд построился на полдник. Макс отыскал взглядом Новожиловых, Олю и Егора. Все четверо молчали, мрачные, напряженные. Лешка время от времени бросал взгляды на заросли черемухи за корпусом. Егор тронул Андрея за плечо, попытался заговорить, но тот состроил злую рожу, шикнул и отвернулся.

«Они боятся, — понял Макс, не отрывая глаз от ребят. — И неспроста».

— Идемте! — скомандовала Ирина Олеговна, суетясь в голове строя. — И не задерживаемся, пожалуйста!

Отряд медленно двинулся к столовой. Ребята переговаривались, с тревогой поглядывали на небо — туча росла и становилась все темнее. Макс шел сбоку и скользил напряженным взглядом по зеленой стене кустов вдоль ручья.

«Он телепат, — продолжал размышлять Серов. — Телепат и гипнотизер. Подчинил поселковых своей воле. Зачем? Непонятно. Но, судя по всему, ему нужно еще больше людей. Иначе та компания не всполошилась бы, узнав, что в лесу потерялись ребята из лагеря».

Макс вспомнил, как поселковые переглядывались. С волнением и какой-то злой радостью. Будто охотники, напавшие на след. И неизвестно, что бы случилось, если бы они нашли Новожиловых, Олю и Егора.

Вожатый посмотрел на ребят. Те молча шли в середине строя. Было видно, что и для них прогулка в лесу не стала увеселительной. Удалось ли им найти вагончик? И что они там увидели? Лешка говорил про какое-то странное высохшее тело. Не родственник ли это существу, разорвавшему ворону? Или страшному гному, напугавшему маленькую девочку? Или тем, чьи кости покоятся на дне оврага?

Неизвестно... И Макс не представлял, как выяснить это. Снова соваться в лес было безумием.

«Придется следить», — решил он, глядя на четверку.

Под темным небом раскатился гром. Лешка чуть вжал голову в плечи, в очередной раз посмотрел в сторону ручья и что-то шепнул Андрею. Тот передернул плечами.

Вскоре подошли к столовой, протолкались внутрь. Макс уселся с краю, рядом с Костей. Тот хмурился, медленно жевал ватрушку и запивал компотом из ягод.

За окном сверкнула молния. Чуть позже гроыхнуло, и кто-то испуганно вскрикнул. А спустя пару мгновений хлынул дождь. Зал тут же наполнился тревожными голосами.

«По крайней мере, не сбегут никуда в такую погоду», — подумал Макс, разглядывая подвижную пленку воды на стекле.

Он отвел глаза от окна и увидел неподалеку Степу. Вид у лопоухого водителя был озадаченный.

«Небось застучали за бутылкой», — усмехнулся Серов.

Минут через пять Ирина Олеговна поднялась. Залязгали ножками табуретки, ребята построились и бегом вернулись в корпус. Высушились и собрались перед телевизором — смотреть ужастик.

Макс устроился на пуфике возле балкона и время от времени поглядывал наружу. Небо светлело, дождь слабел. Редкие порывы ветра слабо шевелили темные, поникшие листья черемухи и лопуха. Лужа неподалеку от корпуса сверкнула отражением солнца. Словно на прощание, еще раз гроыхнуло, и капли перестали стучать по железному навесу над балконом.

Отвернувшись, Макс уставился в телевизор. По экрану медленно вышагивал верзила, голый по пояс, в кожаном фартуке до пят. Вместо головы у него была железная пирамида, в правой руке монстр тащил двухметровый тесак. Ребята, все, как один, неподвижно следили за ним.

Послышались шаги, у входа в холл возник Степа. Углядев Макса, он добродушно оскалился и махнул рукой.

«Вот принесло», — мысленно проворчал Серов, поднимаясь.

Он подошел к ушастому, и оба вышли в коридор.

— Здорово, предводитель, — Степа подмигнул и снова расплылся в улыбке. — Как делишки? Как детишки?

— Да пойдет, — Макс пожал плечами.

— Вот и хорошо. В теннис поиграть не надумал? Или пару глоточков сделать?

Договорив, Степа воровато огляделся и ухмыльнулся.

Макс в ответ сморщился и решительно мотнул головой. Лопоухий лишь развел руками и, сведя брови, уставился в пол.

— Дело твое, — огорченно пробубнил он.

«Что-то с ним не так», — подумал Макс, разглядывая Степу. Тот морщил лоб, время от времени облизывал губы. Глаза чуть заметно бегали.

— У тебя все нормально? — спросил Макс, чувствуя, как возвращается тревога.

— Да вроде бы, — ответил Степа, пожав плечами. — Только история непонятная приключилась. Но это, скорее всего, ерунда, — он сморщился и махнул рукой.

— Что за история?

Степа поднял брови, скосил рот и поскреб затылок.

— Помнишь, утром рассказывал про девчонку? Которая какого-то страшного гнома видела?

— Помню, — Макс напрягся и сжал кулаки.

«Снова», — подумал он, чувствуя, как забухало сердце.

— Она ведь перед обедом пропала. Часа два ее не было, а то и больше. Николаевна, воспитка наша, чуть в истерику не впала. Весь лагерь оббегала. А потом, уже после обеда, в палату заглянули, а девка у себя в постели дрыхнет.

— С ней все хорошо? — спросил Макс, скреживая за спиной пальцы.

«Только бы пронесло», — мысленно твердил он.

Степа в ответ фыркнул и мотнул головой.

— Это как сказать. Разбудили ее, короче, решили поругать чуток — для профилактики. А она истерику закатила. Визжит, глаза таращит, скалится, слюни едва не пустила. Руками машет, ногами топает. Под конец даже рычать начала. Жесть, в общем. Потом, слава богу, успокоилась.

— И? Рассказала что-нибудь?

— Да ни фига. Говорит, все время в лагере была, а мы ее просто не заметили. Врушка малолетняя, блин! Броню включила — и хрен что ей докажешь!

— Понятно, — пробормотал Макс.

— Я тебе, брат, стопроцентную гарантию даю — это она отомстить решила, — авторитетно заявил Степа.

— Зачем ей мстить? — удивился Серов.

— Как зачем? Ей же про страшного гнома не поверил никто. Ребята из отряда — так вообще обсмеяли. Вот она спектакль и устроила. Спряталась где-то, чтобы мы побегали, поискали, понервничали. А потом заявила. Рожи злобные строит, говорит с хрипом каким-то, глядит так, словно кинется вот-вот. Это она типа у страшных гномов своих побывала. Воображение у нее...

— Покажи мне эту девочку, — перебил Макс, напряженно глядя на Степу.

— Зачем? — изумился тот.

— Просто. Может, удастся ее на чистую воду вывести, — соврал Макс, придвигаясь к лопухому. — Ну что? Покажешь?

— Ну, пошли, — пожал Степа плечами.

Кивнув, Макс заглянул в холл. Отряд — и четверо друзей в том числе — глядели в телевизор.

«Вот и хорошо», — подумал вожатый и вернулся к Степе.

— Идем, — бросил он и, не дожидаясь лопухого, пошел к выходу.

Тучи разошлись, по лагерю разлился солнечный свет. Все вокруг словно просыпалось от спячки, вызванной ненастьем. Макс торопливо шел по мокрой дорожке из бетонных плит, Степа еле поспевал за ним.

Вот и третий корпус, укрытый березовыми ветвями...

— Фу, блин! — Степа сплюнул и становился возле лавочки. — Загонял совсем! Куда несешься-то? Пожара ведь нет! — он нырнул в карман шорт и достал сигареты. — Дай покурю, в себя приду.

— Потом покуришь, — твердо ответил Макс и взбежал на крыльцо. Обернувшись к растерянному вожатому, сказал: — Показывай, где она.

— Ладно-ладно, иду, — лопухий спрятал пачку, мотнул головой и пошлепал по ступенькам. — Объясни хоть, к чему спешка?

— Позже, — отрезал Макс.

Вдвоем они зашли в корпус и остановились в девчоночьем крыле. В холле бубнил телевизор, слышались писклявые голоса. Из дальней палаты с открытой дверью доносился деревянный стук.

— Айда, — Степа подтолкнул Макса. — В палате она.

Сердце колотилось все быстрее, дышать стало тяжело, ноги подгибались. Перед глазами возникли пять угрюмых лиц с розовыми пятнами под глазами и на шее.

«Спокойно, — твердил себе Макс. — Еще ничего не известно. Сначала надо посмотреть

на нее».

— Заходи, — кивнул Степа, встав возле двери.

Стук стал громче и чаще, словно девочка почувствовала, что к ней пришли.

— Как ее зовут? — спросил Макс.

— Вика. Вика Лебедева.

Кивнув, Макс вдохнул поглубже и зашел в палату.

Вика сидела на кровати возле окна. Худенькая и маленькая, она сутулилась, чуть заметно покачивалась на пружинах и, как заведенная, хлопала дверцей тумбочки. Лица не было видно за светлыми волосами, с ярко-желтой футболки улыбался Микки-Маус.

Хлоп...

Хлоп...

— Вика, — Степа нахмурился, подошел к девочке и встал, уперев руки в бока. — Ну-ка прекрати немедленно! Зачем тумбочку портишь?

Вместо ответа — снова хлопок.

— Так, — вожатый опустил на корточки. — Посмотри на меня!

Хлоп...

— Перестань сейчас же! — Степа взялся за дверцу.

Вика зашипела, дернулась и бухнулась на кровать, лицом в подушку. Пружины заскрипели, девочка задрыгала ногами. Степа поднялся и уставился на нее, растерянно моргая.

«Она из них», — понял Макс, чувствуя, что вот-вот не выдержит и бегом бросится из корпуса.

Внезапно Вика успокоилась. Секунд десять она лежала неподвижно. Потом стала медленно подниматься. Села, пригладила растрепавшиеся волосы, подняла лицо.

«Так и есть», — подумал Макс, разглядывая розовые тени под глазами и на горле.

Ему стало так же страшно, как и в поселке.

Вика словно почувствовала это и ухмыльнулась. Она встала, прошла мимо застывшего от изумления Степы. Неторопливо и бесшумно направилась к Максиму. Остановилась в двух шагах и уставилась снизу вверх — совсем как белобрысый мальчишка.

— И ты здесь, — пискляво, но хрипло сказала Вика. — Ну, привет.

— П-привет, — неожиданно для самого себя ответил Макс.

Девочка скорчила злобную рожу и засопела.

— Ты зачем обманул их? — она сделала шаг вперед, и вожатый поневоле отступил.

— Кого? — изумленно спросил он.

— Сам знаешь кого! Моих братьев! Зачем ты им сказал про четверых сопляков из твоего отряда?! В лесу никого не было!

«Откуда она знает?!» — выдохнул Макс, чувствуя, как внутренности будто сковывает льдом.

Вика, не отрываясь, глядела на него и скалилась. Степа напоминал манекен — только недоумение на лице выдавало в нем живого человека.

— Я-я, — пролепетал Макс. От девочки шла такая волна ненависти, что он поневоле стал оправдываться, — я не обманывал. Ребята были в лесу. И вернулись назад.

— Вернулись! — злобно передразнила Вика. Лицо покраснело, и розовые тени словно растворились. — Ты хоть понимаешь, что можно было освободить еще четверых?! Себастьян очень недоволен! Знай это!

— Послушай, — Макс, наконец, удалось совладать со страхом. — Скажи, пожалуйста, кто такой этот Себастьян? Он тебя обидел?

Вика вытаращилась, а мгновением позже согнулась от хохота. Она надрывалась, мотала головой и топала.

— Ты что, совсем кретин?! — выдохнула она, успокоившись. Светлые волосы растрепались, розовые тени под глазами блестели от слез. — Себастьян не может обидеть меня и моих братьев! Он — наш спаситель! Если бы не он, мы бы так и шастали по лесу и дошли один за другим!

— О чем ты? — изумленно выдохнул Макс. — Ты ведь только вчера приехала сюда!

— Это верно, — Вика злорадно ухмыльнулась. — И, тем не менее, я здесь уже довольно давно. Как тебе такая загадка? Сможешь отгадать?

Макс сглотнул, не отрывая от девчонки растерянного взгляда. Степа неподалеку так и не пошевелился.

— Ладно, — Вика досадливо махнула рукой. — Вижу, в загадках ты не силен. Но ничего. Со временем все поймешь. Только тогда тебе уже никто и ничто не поможет. А теперь вали отсюда. И своего дружка-алкашка заberi, — она повернулась и брезгливо уставилась на Степу.

Потом прошла к кровати, улеглась поверх одеяла и отвернулась к окну.

— Проваливайте, я сказала, — буркнула Вика, покачиваясь вперед-назад.

На цыпочках Макс подошел к Степе, тронул за плечо.

— Идем, — прошептал он, еле ворочая языком. В пересохшем горле тут же закололо.

— Нет, ты это слышал?! — спросил Степа, когда оба оказались в коридоре. — Как она с нами разговаривала?! Совсем от рук отбилась! Сейчас же Анне Николаевне сообщу, пусть сама с ней разбирается!

Из палаты вновь донесся стук. Вожатые вздрогнули и отошли на пару шагов.

— Не поможет, — Макс покачал головой. — Тут что-то другое.

— Хрен его знает, — Степа пожал плечами. Лицо вожатого было бледным, губы подрагивали. — Но, блин, так жутко стало, когда она заговорила! Как будто дьявол в ней сидел, как в ужастике каком-нибудь!

Макс лишь кивнул. Все, чего ему сейчас хотелось, — оказаться от Вики подальше. И как можно скорее.

«Зараза уже в лагере, — думал он по пути к выходу, борясь со слабостью в ногах. — И это только начало».

Вспомнилось открытие смены. На эстраде несколько сотен ребят. Все улыбаются, смеются, галдят... Больше этого не будет. Скоро в каждом проявится что-то злое, звериное, а под глазами и на горле проступят розовые тени.

«Нет уж, — сказал себе Макс, сбегая по ступенькам. — Не будет этого! Не позволю!»

Сжав кулаки, он торопливо пошел к корпусу.

Глава 9. Лешку похитили

Трамвай грохотал, раскачивался, и казалось, что кондукторша — дородная тетка с короткой иссиня-черной стрижкой, в красном фартуке — непрерывно кивает. Федор Иванович сидел в конце салона и глядел, как в окне проносится город.

Трамвай ехал вдоль серого бетонного забора, за которым прятались приземистые цеха деревообрабатывающего комбината. С другой стороны пестрела россыпь частых домов.

«Сколько я там не был? Года три точно», — размышлял Сбитнев.

Трамвай остановился. Двери открылись и внутрь, цокая нестриженными когтями, ворвалась небольшая серая дворняга с висячими ушами. Помахивая толстым хвостом, она побежала между сиденьями.

— А ну, пошла, паскуда! — противно взвизгнула кондукторша.

Она чуть ли не бегом кинулась к собаке, замахнулась кожаной сумкой с мелочью. Псина отшатнулась и, поджав хвост, выбежала. Тетка с довольным видом уселась возле дверей.

«Контролерша, — усмехнулся про себя Сбитнев. — Вот кого на границу надо ставить».

Двери захлопнулись, трамвай тронулся. Федор Иванович вздохнул и, увидев в окне желтую двухэтажку, почувствовал, как внутри противным комом поднимается волнение.

Тетка-кондукторша недовольно покосилась на Сбитнева и, когда он выходил, наградила хорошо различимым «псих старый!»

«Да ради бога», — мысленно откликнулся Федор Иванович, направляясь к лечебнице.

— Ничего не изменилось, — пробормотал он, обводя взглядом забор с бетонными колоннами и толстыми чугунными прутьями с шишаками на верхушках.

Перед зданием цвела клумба, похожая на пеструю вышивку. От нее, укрытые тенью лип, тянулись две аллеи. На лавочке неподалеку сгорбился лысеющий человек в накинутом на плечи сером халате. Положив ногу на ногу, он покачивал ступней и глядел, как на пальцах болтается темно-синий шлепанец.

Федор Иванович подошел к корпусу, вдохнул густой цветочный аромат, поднялся на крыльцо и толкнул тяжелую, темно-красную дверь.

Коридор встретил полумраком. У окна, за заваленным бумагами столом, сидела полная медсестра. Сбитнев подошел к ней, спросил Игоря Витальевича. Та кивнула, сказала подождать и пошла на второй этаж.

«Вот и хорошо», — подумал Федор Иванович, присаживаясь на старый скрипучий диван. Ему не хотелось проходить по коридору второго этажа — вечно сумрачному, со стенами, оклеенными битым кафелем.

Повернувшись к окну, Сбитнев стал наблюдать за бьющейся в стекло осой. Та жужжала и изредка с тихим стуком врезалась в прозрачную преграду.

«Нет, милая, отсюда просто так не уйти», — невольно подумал Федор Иванович, чувствуя, как в душу закрадывается неприятный холодок.

Вернулась медсестра, вслед за ней показался Корольков. Увидев Сбитнева, психиатр расплылся в улыбке, протянул лапищу.

— Какими судьбами, Федор Иваныч? — спросил он, усаживаясь рядом. — Пойдем ко мне в ординаторскую, чаем напою.

— Это можно, — отозвался Сбитнев, чувствуя, как тревога отступает — так происходило всегда, когда рядом был Игорь Витальевич.

— Ну, пойдём, — психиатр поднялся и пошёл к лестнице.

Оказавшись на втором этаже, Федор Иванович невольно скользнул взглядом по коридору. Вот она, жуткая мозаика из битого кафеля. Вот коричневый линолеум. Вот белые кругляши плафонов. Из комнаты отдыха доносился бубнеж телевизора. Снизу слышалось предобеденное гроыхание посуды, поднимался запах рыбного супа.

Корольков подошел к ординаторской, открыл дверь.

«И здесь все по-прежнему», — отметил Сбитнев, оказавшись внутри.

Любимая кожаная папка доктора покоилась на помятом, выкрашенном серой краской сейфе. Стол, как и раньше, стоял возле окна. На погасшем мониторе ноутбука плавали мыльные пузыри. Вдоль стены на книжной полке выстроилась шеренга сборников ужасиков — одно время Игорь Витальевич зачитывался рассказами про оборотней, ведьм, призраков и прочую нечисть. Ему, как психиатру, нравилось находить загадочным событиям разумное объяснение. Однако вскоре доктор понял, что рассказы похожи друг на друга, и ему это наскучило.

— Сейчас вскипятим чаек, — приговаривал Игорь Витальевич, наливая воду в белый электрочайник. — Да ты присядь, Федор Иваныч, — он обернулся к Сбитневу, застывшему возле дверей. — Чего как не родной? Ты ведь заведению нашему больше меня времени отдал!

— Скажешь тоже, — смутился Сбитнев, усаживаясь за стол.

Корольков включил чайник, полез в буфет, и вскоре на столе расположилось блюдо с шоколадными конфетами, коробка печенья и пакет зефира.

— Угощайся, Федор Иваныч, — сказал доктор, разворачивая конфету. — Посидим сейчас, побеседуем. Ты по делу или просто зашел?

— Вообще-то по делу, — Федор Иванович вновь смутился. — Хотел узнать, как у Максима дела.

Психиатр перестал улыбаться. Поджал губы и с задумчивым видом уставился в окно.

— Честно сказать, я до сих пор в растерянности, — тихо сказал он. — Всегда боялся, что придется с подобным случаем работать. Но мальчишка крепкий, молодой, думаю, выкарабкается. К тому же, улучшения есть. Оживает потихоньку.

— Это хорошо, — прошептал Сбитнев. — Значит, пока не можешь сказать, что с ним?

— Нет, — Игорь Витальевич с виноватым видом покачал головой. — Но надеюсь. Максим сам подскажет. Главное — узнать причину. Понять, что такого случилось в лагере. Признаюсь, у меня даже догадок нет, — доктор поджал губы, скользнул взглядом по полке с ужасиками и пробормотал: — так, ерунда одна в голову лезет.

«Что-то с ним не так», — Федор Иванович нахмурился, не отводя глаз от друга.

Он видел, что Королькову трудно сохранять привычное доброжелательно-спокойное выражение. Кустистые брови доктора грозили вот-вот сойтись на переносице, а во взгляде, способном и успокоить, и развеселить, и согреть, отражалась тревога.

Щелкнул, выключаясь, чайник. Игорь Витальевич встряхнул головой, достал два светлых бокала, кинул в каждый по чайному пакетику и залил кипятком.

— Угощайся, — повторил он, усаживаясь напротив Сбитнева.

Тот осторожно отхлебнул и серьезно посмотрел на Игоря Витальевича.

— Может, все-таки расскажешь, что к чему? — спросил он.

Корольков отвел взгляд, опустил голову и вздохнул.

— Да нечего рассказывать, Федор Иваныч, — сказал он. — Догадки одни. Причем одна

брედовее другой.

— Вот об этом и расскажи. Вместе подумаем, может, чего и решим.

«У меня ведь тоже догадок до кучи», — мысленно добавил Сбитнев.

— Ну, хорошо, — снова вздохнул доктор. — Пару дней назад Максим начал во сне разговаривать. Обычное, скажу тебе, явление, сам иной раз не без греха. Но тут... О странных вещах он говорил, понимаешь? Можно, конечно, все на бред и кошмары списать, но... — он прервал мысль и начал с другого конца: — Может, помнишь, был у нас постоялец. Высокий такой, с длинными седыми волосами. Вячеслав Альбертович Романенко. Его к нам чуть ли не из столицы перевели, до сих пор не понимаю, зачем это надо было делать.

— Помню, — кивнул Сбитнев, чувствуя, что Игорь Витальевич вот-вот подберется к самой сути. Сердце опять принялось выстукивать быстрее положенного. Пальцы затряслись, и он поспешил поставить чашку на стол. — У него еще пальца безымянного не было. На правой руке.

— Точно говоришь. Заметный был постоялец, едва ли не Наполеон, хотя никаким сифилисом, тем более запущенным, у него и не пахло, — Корольков прервался и напряженно уставился в окно.

— Он однажды ко мне со странной просьбой подошел, — Федор Иванович понял, что лучше помочь доктору.

— Кровь попросил, — подхватил тот, кивая. — Поверь, не к тебе одному он подходил. Боялись его наши постояльцы, очень боялись. Да и мне, признаюсь, не особенно уютно с ним было, пускай виду и не подавал. Но он будто чувствовал это. Глядел на меня пристально, улыбался, словно редкую букашку через лупу разглядывал. Знаешь, — Игорь Витальевич наклонился и перешел на шепот, — мне иногда даже казалось, что он мои мысли читает. Глупости, конечно, но ощущения ведь никуда не денешь...

— Да уж... — пробормотал Сбитнев, выглядывая в окно. Давешний больной, шаркая, брел по аллее вдоль бордюра. Голова с хорошо заметной плешью была опущена, руки висели. Отвернувшись, он посмотрел в напряженное лицо доктора. — И вот теперь Максим говорит во сне, что кто-то украл его кровь. Выходит, они встретились? Добрался-таки наш Беспалый до парня?

— Исключено. Вячеслава Альбертовича здесь нет уже полтора года, — Корольков мрачно уставился на Федора Ивановича.

— Как так? — опешил тот.

— А вот так. Сбежал он. Карлушу помнишь?

Сбитнев кивнул, представляя невысокого, рябого, абсолютно лысого эпилептика.

— Так вот. Довел его Вячеслав Альбертович до припадка. А пока мы с Карлушей возились, сбежал. Двое санитаров, естественно, пустились в погоню. Да только Беспалого, как ты его называешь, и след простыл. Такие вот дела, — закончил Игорь Витальевич и парой глотков осушил бокал.

«Вот так да...» — мысленно протянул Сбитнев.

— Постой, — насторожился он. — Тогда вполне может быть, что они с Максимом действительно встретились. Только раньше, до того, как парень к тебе попал, — Федор Иванович умолк, пожевал губами, соображая. Потом несильно хлопнул по столу и объявил: — Точно! В лагере они и встретились! Оттуда его болезнь и пошла!

Закончив, он посмотрел на Королькова. Тот ответил печальным взглядом и покачал

головой.

— Исключено, — повторил Игорь Витальевич. — Побегом история с Вячеславом Альбертовичем не закончилась. Мы объявили его в розыск, и спустя неделю полиция нашла труп. На стройке, в траншее. Так что не мог Беспалый с Максимом встретиться. Никак не мог. Тут что-то другое. Только вот что? Совпадение? — доктор откинулся на спинку кресла и наморщил лоб.

«Не бывает таких совпадений», — возразил про себя Федор Иванович. Сколько раз за последние дни он твердил себе это? Не сосчитать...

— Тревожно мне, — признался Корольков. — Пытаюсь, как привык, рассуждать логически. Вроде выстраиваю цепочку, выстраиваю... А потом — бац! — и соскользнет где-то что-то. Вот недавно о кошмарах его думал. В общем-то, все понятно. И про зеркало, и про чудовище. Мне Нина Евгеньевна рассказывала, что в деревне случилось, когда Максиму пять лет было. Детские страхи так просто не отпускают. Иногда настолько в разум впечатаются... — он покачал головой. — Ну, так вот. Пытался я, значит, логику включить. Треснувшее зеркало, чудовище — тут все ясно. А вот про украденную кровь, про кого-то, кто ее украл... Черт его разберет. В конце концов, Максиму ведь кошмар снился. Вполне возможно, он с каким-нибудь вампиром разговаривал.

Игорь Витальевич глянул на полку с книжками и пожал плечами. Лицо доктора по-прежнему оставалось растерянным — Сбитнев видел, что тот не верит сам себе.

«Не надо ему сейчас про Егора рассказывать, — решил Федор Иванович, глядя на старого друга. — Только новых заморочек подкину».

— Ну вот, наболтал я тут, а толку чуть, — Игорь Витальевич грустно усмехнулся. — Но Максим идет на поправку, так что будем ждать. Время покажет, что к чему.

— Это верно, — как можно бодрее отозвался Сбитнев, поднимаясь. — Ладно, пора мне, Игорь Витальич. Дома дела ждут.

Корольков в ответ кивнул, встал и вместе с ним дошел до дверей.

— Заходи почаще, — сказал доктор, пожимая Сбитневу руку. Потом неожиданно отвел взгляд, задумчиво прищурился.

— Ты чего? — насторожился Федор Иванович.

— Да так, вспомнил кое-что. Ерунда, конечно, но все же, — пробормотал Корольков, уставившись в выложенную битым кафелем стену. — Я ведь на ту стройку ездил — Вячеслава Альбертовича опознать. Вокруг полиция, судмедэксперт. В общем, все, как полагается. И тут, когда уже уезжать собирался, вижу: к полицейским толстяк в спецовке и каске подбегает. И давай что-то объяснять про пропажу имущества. Оказалось, той ночью, когда беглого нашего нашли, на стройке пропал вагончик. Без следа, будто испарился.

— Какой еще вагончик? — Сбитнев удивленно поднял брови.

— Обычный, строительный. Зеленый, насколько я понял.

— И что? Думаешь, это как-то связано?

Игорь Витальевич только развел руками.

— Вряд ли. Да и как это может быть связано?

За несколько дней до этого.

«Откуда наш вожатый может его знать? — Андрей снова представил скуластое лицо человека с фотографии. Затем лесной вагончик. Затем комнатку с хирургической лампой. Затем бассейн со светящейся пирамидой, паутиной жил и расколотыми шарами. Затем... — Хватит!» — он зажмурился, тряхнул головой. Но рев тварей из леса вновь зазвучал в ушах.

Андрей понимал, что никогда не забудет увиденное несколько часов назад. И это казалось проклятьем.

Он мрачно оглядел холл. Весь отряд жадно всматривался в экран телевизора, где толпа фанатиков сжигала женщину-полицейского, привязанную к лестнице. Следующей должна была стать маленькая девочка. Но мать спасет ее — Андрей знал, потому что не раз видел этот фильм. А еще он видел...

В груди опять поднялась волна страха. Вот оно — сопение уродцев. Вот их шаги. Вот их рев. Слышно так, словно они рядом.

«Я свихнусь», — подумал Андрей, чувствуя, что готов расплакаться.

У входа в холл возник лопоухий вожатый. Ослабился, подозвал Максима, и вскоре оба вышли.

«Откуда он знает того человека?» — в очередной раз подумал Андрей, не отрывая глаз от прямоугольного проема, что вел в коридор.

Непонятно...

Ничего не понятно...

Совершенно...

Андрей вздохнул и посмотрел на Лешку. Тот сидел рядом, набычившись, глядел в телевизор, и кусал нижнюю губу. Плечи брата чуть подрагивали. Оля выглядела просто серьезной, а Егор — растерянным.

«Рыжий придурок! Все из-за тебя!» — Андрей скрипнул зубами.

Он уже несколько раз мысленно обзывал толстого очкарика. Злость ослабляла страх. Правда, ненадолго.

Когда фильм закончился, в холл зашла Ирина Олеговна. Привычно хлопнула в ладоши, привлекая внимание.

— Через двадцать минут строимся на ужин! — объявила она.

— Пойдем на улицу, — шепотом попросил Лешка, встав у стены.

Андрей кивнул, и оба вышли из корпуса.

После короткой грозы было душно. Солнце распекало лагерь, заглядывало в каждую лужу, норовило скользнуть по каждому корпусу, каждому окну. Неподалеку полтора десятка малолеток играли в догонялки, с футбольного поля доносились полные азарта вопли. На эстраде готовились к дискотеке — музыка то грохотала, то замолкала.

«Все, как всегда, — подумал Андрей, усаживаясь на мокрую скамейку. — Вроде бы».

Лешка устроился рядом и, сгорбившись, стал смотреть на малышню.

Те захлебывались восторгом, носились друг за другом с дикими воплями. Один пацаненок, бритый почти наголо, в синей футбольной форме, внезапно замер, глядя на братьев. Спустя пару секунд расплылся в улыбке и, скорчив деловую рожу, потопал к скамейке.

Андрей узнал его. Это был Стасик с их двора. «Не ребенок, а наказание», как называли Стасика взрослые. Он мог запросто расколотить мячом окно. Или спустить колесо у соседской машины. Или поджечь в подъезде почтовые ящики.

И вот теперь «наказание» направлялось к Андрею и Лешке.

— Здорово, пацаны! А вы опять тут отдыхаете? — спросил Стасик, сунув руки в карманы шорт.

— Нет, блин, работаем! — огрызнулся Лешка.

— Ты что-то хотел? — неприятливо осведомился Андрей.

— Да так, — Стасик насупился, но уходить не собирался. — Клевою ты в тот раз страшилку придумал, — он посмотрел на Лешку. — В прачечной.

«Вот оно что», — понял Андрей.

Прошлым летом Стасик стал поклонником Лешки. И все из-за страшилки про колдунью. Малолетка не пропускал ни одной экскурсии, ежедневно просаживая по доброй порции конфет.

— Особенно круто ты рассказывал, как бабку в машинке изрубило! — продолжил Стасик с азартным блеском в глазах. — Смачно так! — он благоговейно уставился на Лешку.

— Спасибо, — буркнул тот.

— А в этом году будут экскурсии? — снова заговорил Стасик. — Если что — скажите, я вам клиентов приведу. А вы мне за это скидку сделайте.

Договорив, малолетка с надеждой уставился на братьев.

— Подумаем, — бросил Лешка, уставившись в сторону футбольного поля. Там, судя по крикам, начиналась драка.

— Ладно, — кивнул Стасик. Пару секунд он потоптался, потом огляделся и сообщил таинственным шепотом: — А у нас одна девка тоже страшилочку разыграть решила. Прикиньте, начала ночью орать. Весь отряд на уши подняла. Потом к воспитке вломилась и давай рассказывать. Говорит, пошла в толчок, а из окна на нее кто-то посмотрел. Как же она сказала?.. — он наморщил лоб, глядя в мокрую траву. — А! Страшный гном! Прикиньте! Сказочками решила попугать! Про гномиков! Только этим гномикам до твоей страшилки, как до луны! — малолетка вновь посмотрел на Лешку — с искренним уважением.

«Страшный гном, — мысленно повторил Андрей. Он сглотнул, прищурился и бросил короткий взгляд в сторону леса. Перед глазами тут же возникли три безобразных силуэта позади наполненной светящимися пузырями пирамиды. — Это точно кто-то из этих! Значит, они знают про лагерь!»

Голову снова наполнило ревом уродцев. Андрей вздрогнул, передернул плечами и встретился взглядом с Лешкой. По мрачному лицу брата он понял, что тот тоже догадался.

— А вы чего такие? — Стасик недоуменно пялился на Новожиловых. — Только не говорите, что поверили! Это же детские сказочки! Страшный гном! — он скорчил рожу, выставил руки со скрюченными пальцами и сделал пару неловких шагов. — Фигня какая-то!

— Да, фигня, — пробормотал Андрей.

— Вот, — довольно кивнул Стасик. — И она знает, что фигня. Только не признается. А чтобы ей поверили, целый спектакль устроила, прикиньте!

— Какой еще спектакль?

— Сбежала она сегодня. Вроде как в лес — это она хотела, чтобы все так подумали. А сама где-нибудь в лагере спряталась. Потом вернулась и зомби из себя корчит! Рожу злую сделала и ходит по корпусу, как лунатичка! Еще накрутилась — глаза и шею розовым намазала! Это типа ее страшные гномы похитили и заколдовали!

Стасик спрятал руки в карманы, мотнул лысой головой и пренебрежительно фыркнул.

— Надо ее в прачечную сводить, — сказал он, глядя на Лешку. — Пусть увидит, как настоящие страшилки сочиняют! Не про гномиков там каких-то!

— Понятно, — пробормотал Андрей. — Все, свободен.

Малолетка сделал несколько шагов спиной вперед. Остановился и с надеждой глянул на Лешку.

— Ну, так что? — спросил он. — Будут экскурсии?

— Потом, — отрезал Лешка. — Иди уже.

Отвернувшись, Стасик побежал к своим и вскоре затерялся в толпе галдящей малышни.

— Ты понял? — Лешка повернулся к Андрею.

Тот лишь кивнул.

Седьмой отряд понемногу выходил и строился перед корпусом. Андрей отыскивал глазами Максима. Вожатый стоял возле Ирины Олеговны, бледный и напряженный.

«Что с ним?» — спросил себя Андрей, направляясь к ребятам.

Хотелось узнать — Новожилов чувствовал, что это важно, но не знал, как подойти и начать разговор.

«Может, просто рассказать обо всем? — он нахмурился и спустя секунду мотнул головой. — Нет, не поверит».

Чувство опасности усиливалось. Если эти твари добрались до лагеря... А вдруг одна из них сейчас неподалеку? Или две? Или десять? Неизвестно ведь, сколько их всего.

«Десятка три», — Андрей представил россыпь расколотых шаров, окруженных синим свечением рун.

Но бассейн под вагончиком мог оказаться не единственным гнездом чудовищ. Что если их не меньше сотни?

«Да нет, — подумал Андрей, пытаясь успокоиться. — Тогда мы бы не вернулись».

Показалась столовая, и Новожилов сморщился, чувствуя, как заворчалась ватрушка, чудом осиленная за полдником. Есть не хотелось совершенно.

У входа, как обычно, было столпотворение. Седьмой отряд остановился, Андрей почувствовал запах мясной подливки и с трудом сглотнул.

Мгновением позже послышались вопли.

Вздвогнув, Андрей развернулся и увидел Стасика. Тот стоял посреди газона, шагах в двадцати, закрыв левую половину лица, и ревел.

Охая и переваливаясь, к нему ринулась воспитательница — маленькая круглая тетка в розовом спортивном костюме.

— Что?! Что случилось?! — она присела рядом и схватила Стасика за плечи.

— Ка-а-а... ве-е!!! — провыл малолетка, пуская соплю.

«Камень, — догадался Андрей. — Кто-то в него камнем запустил».

Вокруг пацаненка и воспитательницы уже собралась толпа любопытных. Все поглядывали на ревущего Стасика, кое-кто переговаривался.

— Опустит руку! — распорядилась воспитательница. — Дай посмотрю!

Стасик снова взвыл и отнял от лица ладонь. Андрей содрогнулся, глядя на блестящую кровавую пленку.

Воспитательница тут же схватила Стасика за руку и потащила в изолятор. Тот по-прежнему выл и то и дело спотыкался. Остальные вертели головами, перешептывались. Только малышня из отряда Стасика молча провожала пацаненка растерянными взглядами.

А возле кустов стояла девчушка со светлыми волосами, в ярко-желтой футболке с Микки-Маусом и в синих бриджах. Она тоже смотрела на Стасика и воспитательницу. Только исподлобья. И на лице со странными розовыми пятнами под глазами не было недоумения или испуга — только злорадство.

«Это она! — понял Андрей, чувствуя, что не может отвести взгляда от хрупкой фигурки. — Запустила в мелкого камнем!»

— Ребята! Не задерживаемся! Проходим в зал! — распорядилась Ирина Олеговна.

Андрей с трудом отвернулся и вслед за отрядом прошел в столовую.

«Зачем она это сделала? — думал он, расковыривая котлету. — Отомстила за то, что никто не поверил ей про страшного гнома?»

Новожилов передернул плечами. Название-то она какое точное подобрала. Страшные гномы...

Ясно одно: девочка тоже встретилась с этими тварями. И они что-то с ней сделали.

Воспитательница отвернулась, и Андрей быстренько закопал солидный кусок котлеты под гречневой кашей. Сделал вид, будто жует, и продолжил размышлять.

Тот, кривоногий, с массивным туловищем и без рук, говорил что-то про девчонку.

«Как он сказал? — Андрей болезненно сморщился, но заставил себя вспомнить бассейн и три безобразные фигуры перед сетчатой стеной. — Сегодня нам повезло. Пузатый... Нет, не так... Он назвал другое прозвище... Точно! Брюхатый! Брюхатый... стал... девчонкой!»

Как это понимать, Новожилов не знал.

«Этот урод ведь еще говорил про переселение, — припомнил он, засыпая гречкой еще один кусок котлеты. — Кто-то со странным именем спасет их. А они все переселятся. Может, он имел в виду...»

Андрей оборвал мысль и покачал головой. Нет, это уже что-то совсем невероятное... Но тут он снова представил жуткую обстановку подземного бассейна. Все, что он, Лешка, Оля и этот рыжий толстяк видели под вагончиком, тоже было невероятным. Так почему же некто не может переселить души этих тварей из уродливого тела в человеческое?

«Как его звали? — Андрей снова напряг память. — Какое-то редкое иностранное имя... Иоганн... Нет, другое, но похожее. Себастьян! — он резко выдохнул и чуть не уронил вилку. — Нет уж, не надо нам гостей», — подумал Новожилов и положил ее возле тарелки.

Получается, какой-то Себастьян нашел способ перетащить сознание уродцев в человеческое тело... А что тогда произойдет с сознанием человека?

Андрей покачал головой, положил локти на стол и уперся лбом в ладони. От всего этого можно было свихнуться. Истерзанный жуткими событиями разум отказывался служить.

Он снова представил девочку в футболке с Микки-Маусом. Злой взгляд исподлобья, чуть заметную ухмылку, странные пятна под глазами. Неужели в ней и впрямь живет чужое существо? Тварь по прозвищу Брюхатый.

Вздыхнув, Андрей поднял голову и оглядел отряд. Лешка сидел напротив, перед нетронутой порцией каши с котлетой. Оля задумчиво жевала, Егор ловко орудовал вилкой. Остальные ели, болтали, смеялись.

«Они ведь не знают», — Андрей почувствовал зависть.

Ирина Олеговна поднялась и возвестила о построении. Андрей и Лешка вышли из обеденного зала, остановились у дверей.

— Знаешь, что думаю? — прошептал Лешка. — Это та девка в Стасика камнем задушила. Услышала, как он нам рассказывает, и решила отомстить.

Андрей кивнул. Скорее всего, так и было.

«Сидела где-нибудь в кустах и подслушивала, — подумал он. — Точнее, сидел. Это ведь Брюхатый...»

Представив, что в теле маленькой девочки сидит уродливая тварь, Андрей чудом сдержал рвоту.

«Успокойся! — сказал он себе, тяжело дыша. — Все это еще надо доказать!»

Надо. Но вот как? Снова соваться в лес, к вагончику? Нет уж, увольте!

— Давай Оле расскажем, — тихо предложил Лешка. — Она ведь голова. Может, вместе додумаемся, как со всей этой фигней разобраться.

— Давай, — кивнул Андрей. Он и сам хотел поговорить с девочкой. Втроем и впрямь будет легче справиться со всеми загадками.

«Разберемся. Обязательно», — подбодрил себя Новожилов и вместе с братом пошел строиться.

На эстраде загрохотала музыка — до дискотеки оставалось минут десять. Кое-кто уже принялся выплясывать, толкаться и вопить.

Солнце понемногу подплывало к горам. Еще час — и лагерь окутают сумерки, в воздухе закрубятся тучки мошкеры, станет прохладно. А потом придет ночь.

«А вместе с ней и страшные гномы», — невольно подумал Андрей.

Он сглотнул и огляделся. Повсюду веселые лица, шум, крики, смех. Все, как обычно, но страх не желал отступить.

Седьмой отряд, наконец, построился и под предводительством Ирины Олеговны двинулся к корпусу. Андрей время от времени поглядывал на Максима. Вожатый то и дело останавливался, озирался. Лицо его оставалось напряженным.

«Он тоже их видел. Страшных гномов», — сказал себе Андрей.

Добрались до корпуса. Ирина Олеговна устроила в холле небольшое собрание по поводу предстоящей дискотеки. Потом, когда все ломанулись на эстраду, Андрей протолкался к Оле, тронул за руку.

— Надо поговорить, — тихо сказал он. — Ты не против?

— Давайте, — кивнула Оля. — Только пусть все сперва разойдутся.

Корпус пустел, и скоро в холле остались четверо: Андрей, Лешка, Оля и Егор. Последнего, правда, никто не звал.

«Ладно, — решил Андрей. — Пусть слушает. Может, тоже что-нибудь дельное скажет».

Четверка прошла в палату к Новожиловым и Егору, расселась по кроватям.

— Видела, что у столовой случилось? — начал Андрей, повернувшись к Оле.

— Видела, — кивнула та. — Жуть. Он вполне может глаза лишиться.

— Мы его знаем, — встрял Лешка. — Это Стасик с нашего двора. Он к нам подходил перед тем, как в него камнем запустили, — и брат пересказал все, что услышал от малолетки.

— Значит, этим существам известно про лагерь, — Оля прикусила губу и напряженно глянула в окно. — Плохо...

— Ребята, — тихим, виноватым голосом начал Егор. — Вы как думаете, это люди или звери?

— Понятия не имею, — фыркнул Лешка, откидываясь на подушку.

— Просто... если они как звери, то вполне могут запомнить наш запах и выследить, — еще неувереннее добавил рыжий очкарик.

«Час от часу не легче, — мысленно проворчал Андрей. — А ведь толстый прав. Хотя... тот, безрукий, ведь разговаривал. Значит, это все-таки люди. Пусть и изуродованные. Но они живут в лесу, ловят и едят птиц. Да и вообще ведут себя, как дикари...» — он оборвал мысль и бессильно тряхнул головой.

— Не знаю, как насчет запомнить и выследить, но территорию свою они защищали, — сказала Оля. — Погнались за нами, а потом отстали.

«Это верно», — Андрей вспомнил, как бежал, подгоняемый злобным ревом.

— Короче, в лес больше ни ногой. Никаких экспедиций, — выделив последнее слово, Лешка многозначительно посмотрел на Егора. Тот покраснел, отвел глаза и пробормотал хорошо знакомое «извините...»

— Теперь давайте подумаем, что случилось со Стасиком. Мне кажется, неспроста он камнем получил, — сказала Оля.

— Это и так понятно! — воскликнул Лешка. — Та девка в него и запустила! Спряталась и подслушивала, пока Стасик с нами разговаривал, а потом отомстила! Мы ее видели! Возле кустов стояла и ухмылялась!

— Это не девчонка, — тихо сказал Андрей. Он понял, что пришлось время озвучить самые дикие догадки, и вновь почувствовал дурноту.

Новожилов говорил почти шепотом, разглядывая узор на линолеуме. Остальные молчали, только Лешка напряженно сопел и время от времени крякал, прочищая горло.

— Знаете, — пробормотала Оля. — Если бы я это еще вчера услышала, посмеялась бы от души. Но после всего, что мы видели... Я тоже заметила девочку возле кустов. Худенькая такая, светлая, в желтой футболке с Микки-Маусом.

— Она и есть, — кивнул Андрей.

— Выглядит она и впрямь странно. Жутко.

«Это не девочка. Это Брюхатый», — от последней мысли у Новожилова снова запульсировало в горле.

— Значит, кто-то по имени Себастьян помогает этим существам переселяться в людей? — спросил Егор. — Хорошо бы узнать, кто этот Себастьян.

— Хорошо бы, — отозвался Лешка. — Хорошо бы никогда с ним и этими тварями больше не встречаться! Представьте, что будет, если они нас поймают! Думаете, они за нами погнались, чтобы со своей территории выгнать? Нетушки! Они хотели нас поймать! Им наши тела нужны, чтобы переселиться!

Лешка закончил и нервно облизнул губы. Подбородок брата подрагивал, в глазах читался страх.

— Так что держимся от леса подальше, если жить охота! — добавил он, ерзя на подушке.

Андрей в ответ лишь кивнул.

«Все правильно, — подумал он. — Никаких больше приключений».

Оля отвернулась от окна и серьезно посмотрела на него.

— Мы ведь совсем о Максиме забыли, — сказала девочка.

— Кстати, да, — подхватил Лешка. — Станный он какой-то стал. Напуганный, оглядывается все время.

— Он тоже был в лесу, — подал голос Егор. — И вполне мог наткнуться на этих существ.

— Может быть, — кивнула Оля. — Но меня другое беспокоит. Ты ведь притащил из вагончика фотографию, — обратилась она к Андрею. — Что там было?

— Человек, — ответил Андрей, вспоминая скуластое лицо, заросшие щетиной щеки, длинные волосы. — И мне кажется, Максим узнал его.

— Еще как узнал! — подтвердил Лешка. — У него аж рожу перекосило, когда он фотку увидел!

— Вот именно, — сказала Оля, глядя на Андрея. — Что бы это значило?

Тот лишь развел руками.

— Понятия не имею.

— Ладно. Тогда давайте подумаем, кто этот человек с фотографии.

Андрей поджал губы. Лицо незнакомца все еще стояло перед глазами.

— Может, это Себастьян и есть? — предположил он. — А что, все сходится. Фотографию мы нашли под вагончиком, на столе. Там еще куча тетрадок с разными закорючками. Они, кстати, очень похожи на руны, которые возле яиц светились.

— Наверное, ты прав, — кивнула Оля. — Этот человек создал чудовищ, а теперь переселяет их в человеческие тела. И все-таки остается вопрос: причем тут Максим?

— А что если, — робко начал Егор, — Максим заодно с этим... Себастьяном?

Андрей вздрогнул, переглянулся с братом и Олей.

«А ведь так и впрямь может быть», — он нахмурился и представил вожатого. Вот он смотрит на снимок. Вот таращит глаза. Вот у него трясутся руки...

— Да нет, — Лешка помотал головой. — Глупости. Максим просто тоже испугался. Вы сами видели.

— Испугаться-то он испугался, — сказала Оля. — Только вот чего он испугался? Тварей из леса? Или того, что мы про них узнали?

«История, блин! — Андрей с опаской поглядел в окно. Небо над горой наливалось оранжевым, отчего лес словно выщвел. Над вершиной неподвижно висело розовое облако. — Неизвестно теперь, кого больше бояться — страшных гномов или собственного вожатого!»

— И если так и есть, — продолжила девочка, — от Максима надо держаться подальше. Может, он не просто вожатый. Может, он помогает Себастьяну заманивать детей, и тот переселяет в них чудовищ.

— И одна жертва уже есть, — добавил Лешка.

Андрей сглотнул и посмотрел на брата — его лицо вытянулось и посерело. Того гляди начнет кукситься.

— Нужно быть осторожными, — снова заговорила Оля. — Держимся от вожатого на расстоянии и в то же время не спускаем с него глаз. Если он и правда связан с чудовищами, мы пойдем.

— Хорошенькое дельце, — проворчал Лешка. — Этот осел того гляди в лес нас потащит, а мы за ним следить должны?

— Иначе никак, — развела руками Оля.

В коридоре послышались шаги. Все четверо сразу напряглись.

«Что если это Максим? — подумал Андрей, чувствуя, как внутри разгорается волнение. — Справимся ли мы с ним в случае чего?»

Шаги приближались, и вскоре на пороге показался Влад, худой пацан с усыпанным веснушками лицом. Увидев ребят, он ойкнул, отошел на шаг и сунул руки в карманы просторных джинсовых шорт. Андрей, глядя на него, облегченно выдохнул.

— Привет, — сказал Влад. — А вы чего здесь сидите? Все наши на дискаче давно.

— Мы тоже скоро будем, — нехотя отозвался Андрей.

«Еще один любопытный», — мысленно проворчал он.

— Понятно, — кивнул Влад. — Ну, давайте, там весело, — он выглянул в коридор, затем прошел в палату и прошептал заговорщическим голосом: — А я тут кое-что видел. Похоже, прикол намечается.

— Какой еще прикол? — насторожился Лешка.

— Иду я, короче, в корпус и вижу: возле изолятора кто-то ходит. Пять фигур каких-то,

под белыми балахонами. Прикиньте, мелкие, как лилипуты, идут вдоль стены, переваливаются как-то странно! Один вообще дергается все время, словно его током фигарит!

— Мама! — вырвалось у Егора.

Андрей повернулся и пальнул в толстяка гневным взглядом. Тот вздрогнул и замер с растерянным выражением на круглой физиономии.

— Короче, шоу начинается, — Влад азартно ухмыльнулся.

— В каком смысле? — спросил Андрей.

— Да вы чего?! — вытаращился пацан. — Первый раз в лагере что ли?! Или о страшных историях никогда не слышали?! Вожатые это! Решили розыгрыш устроить! Небось ломанутся на танцплощадку, когда дискач в разгаре будет — и начнется веселье! Так что вы поторопитесь, а то все интересное пропустите!

Влад подошел к своей кровати, залез в тумбочку. Вытащил бутылку с газировкой и, пританцовывая, направился к выходу.

— Давайте уже к остальным! — сказал он и скрылся в коридоре.

Минут пять сидели молча, обдумывая услышанное. Потом Лешка качнул головой и, глядя в пустоту, тихо пробормотал:

— Капец!

— Да уж, — шепотом отозвалась Оля. Вид у девочки был подавленный.

Андрей снова повернулся к окну и представил изолятор — двухэтажку из светло-желтого кирпича, с высоким крыльцом и синими оконными рамами, утопающую в кустах сирени. От корпуса до изолятора было не больше сотни метров. И эти твари сейчас там.

«Или уже где-то возле корпуса», — подумал Андрей, чувствуя холод.

— Пятеро уродцев, — прошептал Лешка. — Блин, этому дураку еще повезло. Представьте, если бы они на него кинулись!

Андрей, Оля и Егор только кивнули.

«Они неспроста в лагере, — продолжал размышлять Новожилов. — Они на охоте. Им нужен еще кто-нибудь, чтобы переселиться. А мы сидим, вчетвером, одни в корпусе...»

— Вот что, — сказал он, решительно поднимаясь. — Идем на эстраду.

— Спятил что ли?! — вытаращился Лешка. — Там эти! Лучше в палате отсидеться!

— Нет, Андрей правильно сказал, — Оля тоже встала. — Здесь мы беззащитны. Если чудища проберутся в корпус, мы окажемся в ловушке. А на эстраде полно народу. Весь лагерь собрался. Они просто не решатся напасть.

— Действительно, — подхватил Егор. — Пойдемте. Нам вообще сейчас лучше с остальными держаться. Ведь если эти существа запомнили наш запах...

«Заткнись! — мысленно, со злобой, перебил Андрей. — И так жутко, а тут ты еще!..»

Лешка открыл рот, но промолчал. Около минуты он глядел то на Андрея, то на Олю, то на Егора. Потом шмыгнул носом, скорчил недовольную физиономию и поднялся.

— Хорошо, пойдемте, — сказал он. — Только подождите, я по неотложке сбегаю.

— Давай быстрее, — ответил Андрей.

Кивнув, Лешка выбежал из палаты. Оля усмехнулась, Егор недоуменно уставился на Андрея.

— А что за неотложка? — робко спросил очкарик.

— Это он у вас так, наверное, туалет называет? — предположила Оля.

— Точно, — кивая, отозвался Андрей.

— Веселый у тебя все-таки брат, — сказала девочка.

— Да уж. Что есть, то есть.

Со стороны эстрады доносился грохот очередной попсовой песенки. Подойдя к окну, Андрей представил круглую площадку, две высоченные черные колонки, ди-джея на небольшой сцене, несколько десятков пляшущих ребят, круглые фонари под крышей...

«Они не посмеют, — подумал он, положив руки на подоконник. — Не нападут. А нам главное — побыстрее добраться до эстрады».

Перед глазами возникла неширокая бетонная дорожка, стены из зарослей ирги по краям площадки для линеек, узенькая пыльная тропка, усыпанная камнями, коричневой змейкой ползущая через лужайку. До танцплощадки было не больше трехсот метров. Вроде бы, пустяк. Но с другой стороны, никогда раньше этот путь не казался тяжелым и опасным испытанием.

«Ладно, — успокаивал себя Андрей. — Ничего страшного не случится. Мы просто дойдем до эстрады, посидим. А когда дискотека закончится, вместе с отрядом вернемся в корпус и ляжем спать. Вот и все дела».

Вот и все дела... А что будет завтра?

А послезавтра?

А через неделю?

Андрей не сомневался, что настанет момент, когда он окажется один. Или Лешка. Или Оля. Или даже толстяк. И что случится тогда?

«Нет. Об этом сейчас лучше не думать, — Андрей решительно мотнул головой, отвернулся от окна и посмотрел на Олю и Егора. Те сидели на Лешкиной кровати и молчали. — Дождемся Лешку, пойдем на танцплощадку, а там видно будет».

Лешка все не возвращался.

«Затянулась у него неотложка-то», — Андрей, стараясь подбодрить себя, мысленно усмехнулся.

Прошло пять минут.

Лешки все не было, и Новожилов вновь ощутил тревогу.

— А Леша еще долго? — спросил Егор, виновато глядя на Андрея. — Смеркается просто, надо бы поторопиться.

— Скоро, — коротко ответил Андрей, не отрывая напряженного взгляда от входа в палату, пытаясь услышать шаги брата.

Но в корпусе было тихо.

Прошло еще две минуты. Тревога переросла в страх.

— Пойду, посмотрю, чего он так долго, — выдавил Андрей, медленно направляясь к выходу.

«Толчок-на-колесиках!» — мысленно выругался он, оказавшись в коридоре.

Сердце забилось сильнее. От страха стало сложнее переставлять ноги. Но Андрей упорно шел к туалету, стискивая зубы и сжимая кулаки.

— Лешка! — крикнул он, остановившись у белой полуоткрытой двери. — Скоро ты там?! Идти пора!

Нет ответа.

«Блин! — Андрей сглотнул, с трудом втягивая воздух. — Если этот засранец попутать вздумал, я его поломаю!»

Он толкнул дверь и перешагнул порог. Взгляд скользнул по голубому кафелю стен — в

полумраке он казался серым — и рядом раковин, остановился на распахнутом окне. Снаружи тек мерный поток прохладного воздуха.

— Лешка!

Тишина.

«Это нехорошо», — борясь со страхом, Андрей направился к туалетным кабинкам.

Дернул дверь одной — пусто.

Метнулся ко второй, открыл — то же самое.

«Только не это!» — Новожилов почувствовал, как накатывает волна паники. Гораздо сильнее, чем вчера в лесу.

Он уже понял, что Лешки нет, но все равно осмотрел оставшиеся две кабинки.

Дрожь в ногах усиливалась, стоять было все труднее. Андрей всхлипнул, завертел головой. Помимо воли вновь посмотрел на открытое окно... На подоконник... На небольшую темную кляксу...

Колени едва не подогнулись.

Совладав с дрожью, Андрей кинулся из туалета. Затопал по коридору, ворвался в палату. Замер и обвел Олю и Егора диким взглядом.

— Лешка... — выдохнул он, трясась. — Его нету!

Оля и Егор переглянулись и с испугом уставились на Андрея.

— Ты уверен? — робко спросил толстяк.

— Конечно, уверен! — едва не плача, выкрикнул Новожилов. — Там кровь на подоконнике! Лешка у этих тварей!

«И одна из них в него переселится!» — добавил он про себя.

Перед мысленным взором появился Лешка. Розовые тени особенно четко выделялись на бледном лице. Злой взгляд исподлобья буравил и холодил. Тонкие губы кривились в усмешке.

Скоро Лешка станет таким.

«Нет уж!» — Андрей мотнул головой. Развернулся, бросился к выходу. Задел косяк, едва не упал и взвыл от боли.

— Куда ты?! — Оля вскочила и метнулась к нему.

— В лес, — выдавил Новожилов, скрипя зубами. — Может, еще не поздно его спасти. Он ведь ушел не так давно.

— Один?! Да ты с ума сошел! — воскликнул Егор. — Нельзя! Они тогда и тебя поймают! Надо все рассказать взрослым!

«Как ты расскажешь, идиот?! — мысленно прорычал Андрей, зло глядя на толстяка. — Ирина Олеговна, извините, Лешку Новожилова случайно похитили страшные гномы, и скорс один из них переселится в его тело! Бред!»

— Пока мы расскажем, пока твои взрослые сообразят, будет поздно! — закричал Андрей. Он снова рванулся, но Оля удержала его.

— Тихо, — сказала девочка. — Все правильно, к воспитательнице и вожатым идти бессмысленно. Но и одному в лес соваться нельзя. Мы идем с тобой.

Егор охнул и попятился, со страхом глядя то на Андрея, то на Олю.

— Не хочешь — не надо, — бросил Новожилов. Оля, наконец, отпустила его.

— Да нет, — пробормотал рыжий, кусая губы. Даже в полумраке было видно, что он залился краской. — Я с вами. Только что мы будем делать?

— Попробуем догнать и отбить Лешку, — ответила Оля. — Давайте поторопимся.

Неизвестно, сколько времени нужно на переселение.

Услышав последнее слово, Андрей содрогнулся. Оля положила ему на плечо руку, кивнула и с тихим «я сейчас» вышла из палаты.

«Зачем я его одного в туалет отпустил?!» — снова поддавшись панике, Андрей принялся мерить палату шагами. Егор сидел и со страхом глядел на него.

Спустя пару минут появилась Оля с мощным фонарем.

— Идемте, — сказала она и скрылась в коридоре.

Андрей и Егор пошли следом, догнали девочку и втроем остановились на крыльце.

С эстрады донесся радостный вопль — там приветствовали очередную песню. Солнце почти скрылось, небо наливалось густой вечерней синевой. Скоро появятся первые звезды, и совсем стемнеет.

«Хорошо бы вернуться до темноты», — подумал Андрей и тут же одернул себя: чтобы вернуться, нужно сначала нагнать страшных гномов, освободить Лешку и выбраться из леса.

Удастся ли все это?

Андрей не знал. И не чувствовал надежды.

Оля поймала его напряженный взгляд, чуть заметно кивнула.

— Идем так же, к вагончику, — сказала она, спускаясь.

Троица обогнула корпус, нырнула в заросли черемухи. Остановившись перед ручьем, Андрей окунул руку в воду, нащупал камень потяжелее. Вытащил, оглядел и невольно представил, как придется отбиваться.

«Это самоубийство», — думал он, борясь с отчаянием, и сжал камень до боли в пальцах.

Оля включила фонарь, и толстый луч света заскользил по листве, земле, траве и камням. Неподалеку Андрей увидел палку.

«Пригодится», — решил он, подбирая оружие.

На танцплощадке вновь ликующе завопили. Андрей обернулся, покачал головой. Поглотил слезы, нашарил в кармане монетку. Бросил в ручей и вслед за Олей и Егором двинулся дальше.

Глава 10. История Доктора

Сбитнева разбудил телефонный звонок. Ширкая по ковру тапочками, шурясь после сна, Федор Иванович добрался до телефона, взял трубку.

— Здравствуйте, это Нина Евгеньевна, — послышался тихий голос Серовой.

«Что-то случилось!» — с испугом подумал Сбитнев, но, переборов страх, ответил:

— Доброе утро Ниночка!

Слышно было, как Серова вздохнула.

— Вы извините, что в выходной день, да еще в такую рань вам звоню, — продолжила она. — Просто... Игорь Витальич сказал, что сегодня надо вывести Максима на прогулку. Вот я и хотела попросить вас приехать и помочь. Я... очень волнуюсь и не хочу, чтобы Максим видел это.

— О чем разговор, Ниночка, — повеселел Федор Иванович. — Конечно, приеду. Давай часа через полтора возле больницы на остановке встретимся.

— Хорошо. Спасибо вам большое!

«Наконец-то радостная новость», — Сбитнев облегченно выдохнул и присел на табурет возле телефона.

Он умылся, сделал зарядку, позавтракал и к назначенному часу был у входа в лечебницу. Нина Евгеньевна уже ждала. Она стояла возле дверей, переминалась с ноги на ногу и с волнением стискивала тонкими пальцами бежевую сумочку.

Поздоровавшись, прошли внутрь, дождались Королькова и поднялись на второй этаж.

«Не по душе ей это место, — отметил Сбитнев, глядя, как Нина Евгеньевна напряженно озирается. Она словно стала еще меньше. — Да и кому оно по душе?..»

Втроем они шли по коридору, вдоль стен, обклеенных битым кафелем, мимо белых прямоугольников дверей — те провожали идущих маленькими квадратными оконцами. Игорь Витальевич остановился у восьмой палаты, пару раз стукнул согнутым пальцем и открыл дверь.

— Привет, Максим! — бодро сказал доктор, заглядывая в палату. Сбитнев сразу представил его широкую улыбку на круглом лице. — Позавтракал уже? Вот и чудесно. А сейчас самое время ноги размять. Вижу, залежался ты. Пора на свежий воздух. Мама твоя уже здесь, — он выпрямился, обернулся, жестом подозвал Нину Евгеньевну.

Та робко глянула на Сбитнева, тихо и осторожно подошла к палате, заглянула и прошептала:

— Здравствуй, Максюш.

Игорь Витальевич стоял рядом, уперев локоть в стену, и улыбался. Но Сбитнев видел, что доктору по-прежнему тревожно.

«Ничего, — успокаивал себя Федор Иванович. — Все образуется. Вон, Максиму уже гулять можно. Так со временем и до выписки дойдет. А потом и вовсе забудется эта история».

Последняя мысль кольнула сомнением.

Из палаты послышались шаги. Игорь Витальевич пошире открыл дверь, и вскоре в коридоре появился Максим. Лицо парня было растерянным, волосы торчали во все стороны. На лбу, переносице и правой щеке под темно-красной коркой заживали порезы. Серая больничная пижама висела мешком, ноги прятались в черных резиновых шлепанцах.

Увидев Сбитнева, Максим сглотнул, приоткрыл рот, словно хотел что-то сказать, и опустил глаза.

— Ну что? — Корольков положил парню руку на плечо. — Идем гулять?

— И... идем, — хрипло, неуверенно пробормотал Максим, по-прежнему глядя на коричневый линолеум.

— Максюша! — Нина Евгеньевна ахнула, распахнула глаза и прижала ладони ко рту. — Ты заговорил!

Максим пожал плечами, а доктор довольно закивал.

— Поправляемся мы! — сказал Игорь Витальевич, с одобрением глядя на парня. — Вот сейчас воздухом подышим — и еще быстрее выздоровление пойдет!

Он легонько подтолкнул Максима, тот сделал несколько шагов. Нина Евгеньевна подошла к сыну, взяла под руку, и они вдвоем направились к выходу. Сбитнев и Корольков двинулись следом.

— Погода-то какая! — воскликнул Игорь Витальевич, оказавшись за стенами корпуса.

Психиатр довольно огляделся, щурясь от яркого утреннего солнца. Светило щедро поливало больничный парк, воздух был еще по-ночному прохладен, в листве звучал многоголосый птичий хор.

Максим сделал несколько шагов, завертел головой. На лице застыло удивление — словно он заново открывал для себя мир.

«Отвык», — подумал Сбитнев, чувствуя, как накатывает соленая волна слез.

— Ну, как? — бодрым тоном поинтересовался Игорь Витальевич. — Нравится?

В ответ — немного неуверенный кивок.

— Вот и чудесно! Пойдемте, присядем.

Направились по аллее, остановились у скамейки. Нина Евгеньевна вновь взяла сына под руку, осторожно усадила. Пристроилась рядом, погладила по голове. Максим еще раз огляделся — теперь с жадностью. Вдохнул, закусил губу, уперся задумчивым взглядом в светло-красную плитку.

«Он хочет что-то сказать», — понял Сбитнев, наблюдая за парнем.

И не ошибся.

Сглотнув и кашлянув, Максим заговорил:

— Простите меня, пожалуйста. Мам, Федор Иванович, — он поднял взгляд на Сбитнева. — Я не хотел вас пугать. Не хотел, чтобы вы переживали, тревожились.

— Максюш, ну что ты?! — Нина Евгеньевна всхлипнула, обняла сына.

— Я не хотел, чтобы так получилось, — продолжил тот. — Правда, не хотел...

— Ничего, — твердо сказал Корольков, присаживаясь перед Максимом на корточки. — Все это осталось в прошлом, а впереди у тебя целая жизнь.

Максим покачал головой.

— Не знаю, — прошептал он, пряча лицо в ладонях. — После того, что я увидел... Не знаю.

— Что увидел? Где? — в голосе Нины Евгеньевны слышался страх. Она с испугом и отчаянием смотрела на сына. Словно хотела заглянуть к нему в душу и, наконец, найти ответы на все. Хотела, но не могла.

— В лагере. В «Березках», — ответил Максим. — Там все стало ясно. Наверное, я зря туда поехал, — он замолчал, пожал плечами. — Но теперь понятно, что все правда. Как я и думал, еще с пяти лет, когда посмотрел в бабушкино зеркало. Теперь я все знаю. Совершенно

точно.

— Что знаешь? — спросил Игорь Витальевич. — Можешь рассказать?

— Да, — Максим кивнул. — Надо рассказать. Давно пора. Вы тоже должны знать это. И все остальные. Потому что они есть в каждом. Они сидят и растут вместе с нами. И становятся страшнее, злее, хуже.

— Кто они?

— Страшные гномы. Наша кровь. Не надо смотреть в зеркало, оно все равно обманет. Отражение, которое в зеркале, ненастоящее. Мы не такие, какими видим себя в зеркале.

— Господи! — со страхом прошептала Нина Евгеньевна. — Опять эти зеркала!

Сбитнев тяжело сглотнул, глядя, как Серова дрожит. Игорь Витальевич положил ей на плечо руку и обратился к Максиму:

— А какие мы?

Снова покачав головой, Максим тихо ответил:

— Этого я не знаю. А узнать можно, только отдав кровь доктору. Он украл мою кровь, — парень вытянул руку, показывая тонкий шрам на запястье, — и я узнал, какой я на самом деле. Страшный гном. Лучше этого не видеть. Мам, — Максим повернулся к Нине Евгеньевне. Подбородок задрожал, глаза заблестели от слез. — Прости меня, пожалуйста. Я обижал тебя. Много обижал — и тебя, и папу. Папа не выдержал, в этом я виноват. Я не хотел, чтобы он умирал.

— Ну, что ты, Максюш! — Нина Евгеньевна, борясь со слезами, обняла сына. — Ни с чем ты не виноват! Папа умер не из-за тебя! Из-за сердца!

— Нет, виноват я, — твердо ответил Максим. — Сколько всего натворил... Тогда было страшное время. Это я понял давно. Но даже не представлял, что оно страшное настолько. И осознал это только недавно. Когда увидел доктора и настоящего себя.

— Настоящего себя? — переспросил Корольков. — Как это?

— Довольно просто. Как вот вас сейчас вижу, — парень горько усмехнулся, сглотнул слезы. — Но лучше этого никогда не видеть. Иначе жить невозможно. Я вот увидел. И не знаю, что делать дальше. Как жить, когда ты... такой? Шестнадцатый номер... Шестнадцатый... — он уставился в никуда, задрожал. Нина Евгеньевна вскрикнула, крепче обняла его.

Игорь Витальевич переглянулся со Сбитневым и вновь посмотрел на Максима. Тот немного успокоился, и доктор, набравшись решимости, спросил:

— Какой «такой»? Максим, что это значит? Можешь рассказать?

— Рассказать? — растерянно пробормотал Серов. — Не знаю. Словами это сложно передать. Сложно и страшно. Но вот... — он задумался, пожевал губами. Решительно кивнул. — Нарисовать я, пожалуй, могу.

— Нарисовать? — повторил Игорь Витальевич.

— Да. Все равно он постоянно стоит перед глазами. Так что нарисовать его будет несложно. Хотя нет, — Максим серьезно посмотрел на Королькова. — Это будет очень сложно. Это как заново пережить. Но я все равно его нарисую. Чтобы вы знали, кем мы становимся. Все мы, каждый из нас. Кто-то раньше, кто-то позже.

«Что он имеет в виду?» — размышлял Федор Иванович, не сводя с парня глаз. Ему не раз доводилось слушать монологи больных, но здесь было что-то другое. От каждого слова Максима веяло уверенностью и... обреченностью.

— Хорошо. Если хочешь нарисовать — пожалуйста, — сказал Игорь Витальевич,

пристально изучая Максима. — Что тебе для этого нужно? Краски, кисточку?

— Нет, — Максим грустно улыбнулся. — Простого карандаша, ластика и листа бумаги будет достаточно. Когда я встретился с ним, было темно, — он помрачнел, сгорбился, и Нина Евгеньевна погладила его по спине.

— Прекрасно. Получишь все это после обеда. Когда ты сможешь его нарисовать?

Максим на секунду задумался, потом ответил:

— Дайте мне пару дней, и все будет готово.

— Договорились, — кивнул Игорь Витальевич. — А теперь давай-ка ноги разомнем пройдемся.

Послушно встав, Максим под руку с матерью двинулся по аллее. Сбитнев и Корольков пошли за ними.

«Пара дней, — думал Федор Иванович, не сводя глаз с двух фигур впереди. — Пара дней — и все станет ясно. Может быть, станет».

Он чувствовал, что скоро узнает нечто важное. И почему-то боялся этого.

За несколько дней до этого.

«Засранцы! Паразиты! Кретины!» — Макс на секунду остановился, скользнул лучом фонаря по зарослям, стиснул зубы и пошел дальше.

Слева и справа трещали кусты. Там были вожатые из других отрядов. Время от времени Макс слышал голоса. Звали Андрея, Лешку, Олю и Егора. Он и сам не раз выкрикивал имена ребят. Но те не отзывались, и страх усиливался.

«Какого хрена вы туда потащились?! — мысленно обратился к четверке Макс, разводя руками ветви очередного куста. Под ногу подвернулся камень, кроссовка съехала с гладкой поверхности, и вожатый едва не упал. Замерев и восстановив равновесие, он выругался сквозь зубы и медленно пошел вперед. — Знаете ведь, что там опасно!»

Совсем стемнело, и лес превратился в царство теней. Деревья и кусты словно надвигались на Макса большими темными пятнами, а в небе светил почти круглый, равнодушный глаз луны.

Пройдя еще немного, Макс вляпался в паутину. Чертыхнулся, оскалился и стал тереть левую руку. Свет от фонаря дико заплясал по листве.

— Андрей! Леша! — послышалось справа.

— Оля! Егор! Идите сюда! — вторили слева и сзади.

Макс прекратил чесаться и прислушался, надеясь различить голоса ребят. Ничего. Как и полчаса назад, когда он с группой вожатых только начинал поиски.

«Сколько их уже нет? — думал Макс, продолжая путь. — Час? Полтора? Два?»

За это время могло случиться много чего.

Вспомнился разговор с Викой. Четверо сопляков... Некто Себастьян, очень недовольный, что ребята выбрались из леса... Братья, которых можно было переселить...

«Куда переселить?» — задался новым вопросом Серов.

Непонятно...

Руки и ноги понемногу наливались тяжестью. На легкие и сердце словно опускался пресс. Но Макс не сбавлял темпа. Он надеялся, что вернет ребят целыми и невредимыми. Только надежда таяла, и с этим ничего нельзя было сделать.

«Зачем вы сюда поперлись? — в тысячный раз подумал Макс, останавливаясь у тонкого соснового ствола. — Или же...» — он оборвал мысль и нахмурился.

Почему обязательно поперлись? Что если братьев, Олю и Егора похитили? Себастьян...

Как Вика назвала его? Спаситель? Кого он спасает?

Справа вновь послышались голоса. Макс вздрогнул, тряхнул головой и продолжил путь.

«Только бы найти их, — думал он, водя фонарем по листве. — Только бы они не стали, как те, из поселка. Или как Вика».

Вожатый представил ребят. Все четверо стоят, набычившись, кривят губы, сжимают кулаки. Дьяволята... По-другому их не назовешь.

Но почему они становятся такими? Что происходит в лесу? Что превращает детей в дьяволят?

«Или кто...» — невольно мелькнуло в мозгу, и Макс снова остановился.

— Себастьян, — прошептал он. — Спаситель.

Поняв, что мысль пошла по второму кругу, вожатый покачал головой.

«Со всем этим сейчас не разобраться, — сказал он себе. — Сначала нужно найти ребят. Найти и вернуть в лагерь. Целыми и невредимыми».

Сверху закричала птица. Вздрогнув, Макс вжал голову в плечи и направил свет от фонаря к верхушкам деревьев. Никого не увидев, покачал головой и устался под ноги.

— Андрей! Леша! Оля! Егор! — голоса были едва слышны.

«Надо идти, — сказал себе Макс, трогаясь с места. — Еще отстану, чего доброго».

Он прошел еще около сотни метров, когда появилось чувство, что за спиной кто-то есть. Совсем, как вчера, когда седьмой отряд только высадился перед лагерем. Остановившись, Макс обернулся и поводит по зарослям лучом фонаря. Никого. Но чувство не ослабевало.

«Это все из-за страха, — подумал вожатый, опуская руку с фонарем. — Вот воображение и разыгралось. Может, вчера то же самое было. Хотя... — он покачал головой и прищурился, вспоминая окружавшие поляну березы. — Нет, вчера я точно кого-то видел. Вдруг это и есть спаситель-Себастьян?»

Еще один вопрос без ответа... Сколько их вертится в голове? Наверняка уже не меньше сотни.

Макс шел дальше. Странное чувство не утихало.

«Надо срочно найти кого-нибудь из своих», — решил Серов, прибавляя шаг.

Справа, метрах в пятидесяти, затрещали кусты. Макс остановился, осветил.

— Эй, друг! — окликнул он, вытягивая шею. — Как дела? Нашел что-нибудь?

Макс все ждал, что из зарослей вынырнет кто-то из вожатых. Но нет. Треск прекратился, а неизвестный оставался в укрытии. Отступив на пару шагов, Макс напрягся. Он вспомнил вчерашнюю игру в кошки-мышки с неизвестным существом, похожим на ком розового цвета.

«Вдруг это опять оно?» — подумал Серов, покрепче сжимая фонарь. Меньше всего ему хотелось сталкиваться с тварью, разорвавшей птицу.

Подождав с минуту, Макс решил и пошел вперед. Перешагнув через поваленную березу, натолкнулся взглядом на палку.

«Пригодится», — сказал себе Макс, подбирая оружие.

Пройдя еще минут пять, он снова услышал голоса вожатых. Почувствовав себя увереннее, ускорился. Продрался через очередной куст и...

— Аккуратнее, урод! — послышался высокий, со злой хрипотцой голос.

Вскрикнув, Макс отскочил и увидел в паре шагов белобрысого мальчишку из поселка. Шишака.

Тот стоял едва ли не по стойке «смирно» и, задрав голову, пялился на вожатого.

Розовые тени под глазами и на горле чуть заметно светились.

«Как?.. Как это?..» — Макс растерянно глядел на мальчишку, не в силах ни пошевелиться, ни сказать что-нибудь, ни даже подумать.

— А, опять ты, — сказал Шишак, скорчив брезгливую рожу. — Что, понравилось по лесу шляться? Ну-ну. Так какого пальца и на какой руке не хватает у нашего папаши?

«На правой. Безымянного», — мысленно ответил Макс, потрясенно разглядывая пацаненка.

— Все еще не знаешь, — Шишак то ли хрюкнул, то ли рыкнул и смачно сплюнул в траву. — Ну, ничего. Скоро узнаешь. И этот тоже.

— Ка... Ка-акой «этот»? — Макс с трудом вытолкнул вопрос.

В горле у пацаненка заклекотало. Он смеялся. И не отрывал от Макса глаз.

— Да есть тут один. Мои братишки его из туалета в лагере выдернули. Нормальный такой, в самый раз. Бледный только. Зато не девчонка, как днем, — он хихикнул и прикрыл рот ладошкой. — Вот мы над Брюхатым смеялись. Он, конечно, недоволен был, но лучше уж девкой, чем по лесу ковылять и птиц жрать. Да и Себастьян ему сказал: если ты не хочешь, так кого-нибудь другого найдем, не такого привередливого. Правильно сказал, я считаю. На то он и спаситель.

«О чем он?» — думал Макс, с ужасом глядя на Шишака. Тот не сводил с Макса глаз и ухмылялся.

— Не понимаешь меня, да? — с нотками деланного сочувствия поинтересовался мальчишка. — Не понимаешь, сам вижу. Но не волнуйся, скоро все поймешь. Только уже поздно будет.

Он сунул руки в карманы шорт, шмыгнул носом и добавил:

— Ну а мне пора. Хочу поглядеть, как Носач со своим носом расстанется. И со всем остальным. Жаль, конечно, он ведь у нас едва ли не первым красавцем был. Короче, пошел я. Но мы встретимся еще.

Шишак приблизился к Макс, ткнул кулаком в живот, развернулся и пошел.

«Нельзя его отпускать! — промелькнуло в голове. — Он что-то знает!»

— Эй! — крикнул Макс, бросаясь следом. — погоди!

Мальчишка остановился. Не оборачиваясь, показал средний палец и бросился в заросли.

— А ну стой! — рявкнул Макс, устремляясь за ним.

Но Шишак словно испарился. Вожатый бросался из стороны в сторону. Останавливался. Прислушивался. Но слышал только шум крови в ушах, собственное хриплое дыхание и собственные же шаги.

«Черт!» — Макс сгорбился, стиснул зубы и с силой сжал фонарь.

Отчаяние придавило, будто глыба. Или валун. Невидимый, как те, что катились с неба во время грозы, когда Макс гостил в бабушкином доме. А в голове все еще звучал голос мальчишки.

Что он там наговорил? Про девчонку, Себастьяна, какого-то Брюхатого и... про кого-то из ребят. Но почему только про одного? Пропали ведь четверо.

«Из туалета в лагере выдернули, — вспомнил Макс. — Кого-то похитили, остальные бросились искать. Дураки!»

Тем не менее, вожатый почувствовал облегчение. Раз Шишаку известно только про одного, трое других пока в безопасности. В относительной безопасности.

Но что будет с тем, кого похитили? И кого именно «выдернули из туалета»?

«Нормальный такой, в самый раз. Бледный только».

Это кто-то из Новожиловых. Скорее всего, Лешка. И теперь он в беде. В очень большой беде. Шишак знает, что случилось с Викой. Какой-то Брюхатый что-то сделал с девочкой. А Лешка достанется Носачу. И вернется в лагерь злым существом с тенями под глазами и на горле.

Тени...

Макс представил Шишака. Вот мальчишка стоит, задрал голову. А тени под глазами и на горле светятся. Как такое может быть?

«А может, это не тени никакие? — Макс чувствовал, что если не найдет ответа хотя бы на один вопрос — сойдет с ума. — Специальная краска. Намазались ребята, чтобы выглядеть страшнее».

Это было похоже на правду. Но являлось ли правдой?..

Макс не знал. Покрепче ухватив палку, он двинулся дальше.

Луч фонаря уверенно скользил по листве. Тени деревьев и кустарника проплывали мимо, будто живые, и Макс, глядя на круг бледно-желтого света впереди, сам ощущал себя тенью. Это было жуткое чувство.

Макс шел и прислушивался. Он давно не слышал голосов других вожатых и всерьез начинал опасаться, что снова заблудился.

За спиной хрустнула ветка. Макс остановился и резко обернулся. Никого.

«Так скоро от собственных шагов шарахаться буду», — Макс нахмурился, повернулся и пошел. Ощущение, что за ним следят, не утихало, но вожатый по-прежнему списывал его на страх.

Вдалеке послышались голоса. Макс облегченно выдохнул и прибавил шаг.

В ту же секунду ближайший куст вздрогнул. Высокая фигура тенью кинулась на Макса. Тот успел лишь повернуться боком и охнуть. Сильная рука обхватила его за плечи. Лицо залепила тряпка, пропитанная дрянью с резким пряным запахом.

Макс задержал дыхание, стал извиваться, пытаюсь вырваться. Поднял ногу, попробовал лягнуть нападавшего. Тот увернулся, потянув Макса в сторону. Оба едва не упали.

— Тише! — зашептали сзади. — Сейчас все закончится!

Легкие просили воздуха. Макс замычал, завертел головой. Потом не выдержал и вдохнул.

Голову наполнило туманом. Руки и ноги ослабли. Пару раз дернувшись, Макс стал падать.

За спиной негромко рассмеялись.

— Ну, вот и все.

Это было последнее, что он услышал перед тем, как потерять сознание.

...Головная боль и тошнота. Эти два чувства вывели Макса из забытья. Он пошевелился, застонал, с трудом сглотнул. Во рту тут же загорчало.

Сморщившись, Макс наощупь провел ладонью по лицу, приоткрыл левый глаз и увидел неподалеку большой черный фонарь. Тот стоял на металлическом столике и поливал вожатого слабым светом.

Макс еще раз сглотнул и скривился. Пошевелился, затем попробовал встать. Голову тут же сдавило болью.

«Надо!» — сказал себе Макс, сел и огляделся.

Он сидел на кушетке в тесной, наполненной больничным запахом комнатке. В углу

возле коричневой двери ютился большой клеенчатый мешок бледно-желтого цвета, вдоль кафельной стены стояли стеллажи, уставленные колбами, пробирками и блестящими металлическими ящичками. Рядом лежали гнутые щипцы, ножницы и ножи. Над головой висела длинная и широкая полка.

Макс опустил ноги, встал. Пошатнулся, сморщился от очередного приступа головной боли. Развернулся и вздрогнул, увидев на полке две огромные банки.

«Что это?!» — думал он, не сводя глаз с содержимого банок.

В одной плавала тварь, хоть как-то похожая на человека: раздутая голова без глаз, но с огромной, полной кривых, выступающих вперед зубов пастью, и крохотное синюшное тельце... А во второй... Макс не знал, как это описать. Он видел лишь набор длинных, скрюченных конечностей, оплетенных внутренностями, будто бледно-желтыми змеями.

Чем больше Макс смотрел, тем сильнее ему казалось, что существа вот-вот оживут. Зашевелятся, пробьют стеклянную преграду, шлепнутся на пол и поползут к нему. Страх усиливался, и вожатый попятился.

Макс отступал, пока не уперся спиной в стеллаж и не почувствовал под рукой что-то твердое, гладкое и прохладное. Вздрогнув, он скосил глаза и увидел, что положил ладонь на жуткого вида тесак. Стиснув зубы, Макс отдернул руку и встал в центре комнатки.

«Куда я попал? — думал он, озираясь. — Не в тот ли вагончик, про который рассказывал Лешка? Хотя нет, не похоже».

В любом случае надо было выбираться. Макс посмотрел на дверь, повернулся к стеллажу. Взял тесак, стиснул пальцами рукоять. Шагнул к двери — и услышал с той стороны шаги.

В груди полыхнул испуг. Не выпуская тесак, Макс метнулся к кушетке, лег и прикрыл глаза.

Щелкнула задвижка. Дверь со скрипом открылась. Сквозь приподнятые веки Макс увидел размытую фигуру — высокого человека в длинной, похожей на халат одежде.

Человек замер на пороге и скрестил на груди руки.

«Давай, подойди», — заклинал Макс, готовясь пустить тесак в дело. Сердце словно превратилось в отбойный молоток, кровь запульсировала в висках.

Но человек не шевелился. Он стоял на пороге, глядел на Макса и — Макс не видел, не чувствовал, — ухмылялся. Так продолжалось с полминуты. Потом незнакомец опустил руки и заговорил:

— Может, хватит притворяться? Ты уже пять минут как пришел в себя и успел осмотреться. Оружием, во всяком случае, обзавелся. Но должен предупредить: если ты выбрал в соперники меня, тесак в твоей руке — не более чем бесполезная железяка.

Макс обмер. Против воли открыл глаза и приподнял голову.

— Так-то лучше, — с насмешкой сказал человек в халате. — Ну, как? Узнал меня?

«Узнал», — мысленно ответил Макс, не отрывая взгляда от худого, заросшего щетиной лица.

— Я тебя тоже узнал, — уборщик довольно кивнул. — Еще вчера, когда ты носился по лесу и искал ребят из отряда. Интересная прогулка получилась, правда? Ты даже успел познакомиться с одним из моих детишек. Он, конечно, над тобой подшутил — и довольно зло. Но такова его натура, уж извини. Ни он, ни остальные добротой не отличаются, и в этом есть часть моей вины. Моей, твоей и еще нескольких человек.

«О чем он?» — недоумевал Макс, по-прежнему не двигаясь.

Уборщик — или кто он там? — сунул руки в карманы халата, пристально посмотрел на Макса и шагнул вперед.

— Вижу, вопросов у тебя достаточно, — произнес он, оглядывая комнатку. Остановившись глазами на банках с уродцами, уборщик вздохнул и грустно улыбнулся. — Что же, пора тебе кое-что узнать. Тем более, ты поневоле стал частью моей работы и, раз уж мы снова встретились, имеешь право услышать о результатах.

— О каких результатах? — хрипло, едва двигая языком, спросил Макс. — Какой работы? И почему я стал ее частью? Что вы сделали?! — выкрикнул он.

Отступив, уборщик выставил левую руку ладонью вперед. Нахмурился, поджал губы и сердито поглядел на Макса.

— Я, конечно, понимаю, ты напуган, — сказал он, недобро сверкая глазами. — Но прошу тебя: не кричи. Раз уж так вышло, я расскажу все. Пойдем ко мне в лабораторию — и поговорим.

«Выбора у меня нет», — подумал Макс.

Отложив тесак, он поднялся и, стараясь не смотреть на полку с уродцами, подошел к уборщику.

— Не нравятся? — понимающе спросил тот, кивком указывая на банки. — Понимаю. Я тоже ждал другого, но... Что выросло, то выросло, — он горестно вздохнул, повернулся боком и вышел из комнатки.

Макс последовал за ним и оказался в тесном помещении с бетонными стенами и полом. Уборщик встал возле железной лестницы, взялся за прутья и полез вверх. Спустя несколько секунд над головой лязгнуло, грохотнуло — и послышался рев. Высокий, громкий и яростный.

— Тихе, тихе, — в голосе уборщика слышалась ласка. — Это всего лишь я, не сердись, пожалуйста. У нас сегодня день особенный — к нам гости пожаловали! Ты же воспитанный мальчик? Вот и веди себя, как следует!

В ответ — снова рев и стук.

— Не надо! — жестко сказал уборщик. — Только хуже себе сделаешь! Прекрати!

Но стук стал громче.

— Я тебе!.. — уборщик уже кричал. — Не... Ну, вот! Опять! Ты только посмотри — опять кровь! Сколько можно беситься?!

Снова рев.

«Не полезу», — подумал Макс, глядя вверх и дрожа.

— Хватит!

Сверху застучало — часто-часто, и послышались хрипы.

— Ну, вот, доигрался! Что смотришь?! Плохо тебе, да?! Воздуха не хватает?! То-то же! Будешь знать, как дергаться!

Неизвестное существо забулькало. Потом послышался плеск.

Макс сморщился и стиснул зубы, пытаясь совладать со спазмом в горле.

«Не полезу», — мысленно повторил он, оборачиваясь к комнатке.

Взгляд упал на кушетку и тесак.

Бросив быстрый взгляд наверх, Макс на цыпочках пробрался в комнатку, подошел к кушетке...

— Даже не думай! — крикнул уборщик. — Думаешь, если я наверху, то ничего не вижу? Еще раз говорю: против меня тебе железяки не помогут! А теперь быстро сюда!

Будто под гипнозом, Макс подошел к лестнице и стал взбираться.

Сверху донесся протяжный стон, затем кто-то словно захныкал.

— Ну-у-у! — протянул уборщик с прежней лаской в голосе. — Не надо расстраиваться! Сейчас поправим трубочки — и тебе станет лучше. Чего скалишься? Ненавидишь меня, да? Убить хочешь? И что потом? Кто прибор будет подпитывать? Кто трубки будет на место вставлять, если тебе побеситься опять вздумается?

Лестница кончилась прямоугольным люком. Макс замер, вцепившись в прутья и тяжело дыша.

Послышалось шипение, потом воздух словно завибрировал. Запахло грозой.

— Уна! Уна-мантна! — выдохнул уборщик.

От неожиданности Макс вжал голову в плечи и едва не упал.

Воздух продолжал дрожать, а уборщик забормотал что-то неразборчивое. Изредка он прерывался, чтобы шумно вдохнуть, и в эти секунды из люка шли волны тепла.

«Что он делает?» — размышлял Макс, не отпуская прутья. Узнать можно было лишь одним способом, и вожатый решился.

Выглянув из люка, он увидел просторное помещение, больше всего похожее на операционную. Пол и стены были выложены кафелем, в углу стоял большой аппарат с кучей лампочек и датчиков, утыканный проводами с присосками на концах. Неподалеку высились несколько шкафов с дверцами из непрозрачного стекла.

Уборщик застыл возле больничной каталки, которую с трех сторон огораживала ширма. Над седой головой ярко светила многоглазая хирургическая лампа. А рядом, на железном тренажере, светилось и пульсировало нечто, больше всего похожее на светящийся зеленым комок киселя, размером с баскетбольный мяч. Из комка торчали четыре толстые черные трубки. Переплетаясь, они уходили... Макс не знал куда — уборщик загораживал то, что лежало на каталке. Но оно явно было живым.

— Давай, поднимайся, — не оборачиваясь, велел уборщик. — И так уже возишься не знаю сколько!

Борясь с дрожью, Макс вылез из люка и встал. Уборщик обернулся и с улыбкой гостеприимного хозяина обвел помещение рукой.

— Ну, вот, добро пожаловать. Мы с тобой сейчас находимся в моей запасной лаборатории. В основную, к сожалению, соваться небезопасно. Ее оккупировали собратья моего подопечного.

Уборщик улыбнулся шире и отошел. Против воли Макс кинул взгляд на каталку и отступил.

«Твою мать!» — мысленно выругался он.

На белой, покрытой кровавыми пятнами простыне, корчилось существо. Серая кожа влажно блестела, костлявые руки, подрагивая, тянулись к уборщику, который по-прежнему стоял спиной. Кривые, покрытые наростами ноги прижимались к раздутому животу.

— Нравится? — с нотками гордости в голосе поинтересовался уборщик. — Ты не стесняйся, подойди. Ему тоже интересно посмотреть. К нам ведь не каждый день гости захаживают.

Все так же, словно под гипнозом, Макс сделал несколько шагов. И увидел голову существа.

На шишковатом черепе помещались два выкачанных глаза, едва видимый нос и огромный, безгубый, облепленный желтоватой пеной рот, из которого торчала одна черная

трубка. Три других оплетали изуродованную фиолетовой опухолью шею и скрывались под затылком твари. Рядом, в металлическом тазике, лежали куски окровавленной ваты и пара зажимов.

Увидев Макса, уродец разинул рот, захрипел и стал дрожать. Два темных глаза яростно таращились, руки со скрюченными пальцами потянулись к водителю. Тот не выдержал и отошел.

— Экземпляр номер восемь, — сказал уборщик. Он приблизился к существу и указал на впалую ребристую грудь. Макс увидел клеймо в виде восьмерки. — Один из самых неудачных. Родился без задней стенки черепа и почти что без мозга. Я подобрал его, когда он уже умирал. Принес сюда, соорудил прибор, — он кивнул на светящийся комок, — и спас восьмого.

В горле твари заклокотало. Она дернулась и медленно вытянула руку, намереваясь схватить уборщика за халат. Тот отошел, улыбнулся и шутливо погрозил пальцем.

— Он у нас парень игривый, — уборщик хихикнул и посмотрел на Макса.

— К-кто это? — выдавил водитель, по-прежнему глядя на существо.

Оно опустило руки, видимо, поняв, что не дотянется, и стало мотать безобразной башкой. Трубка в пасти сдвинулась, уродец вздрогнул, вытаращил глаза и захрипел.

— Опять двадцать пять! — сердито воскликнул уборщик. — Вечно ему не ложится! Чуть отвлечешься — и опять что-нибудь учудит!

Он поправил трубку, тварь успокоилась и снова вытянула руки.

— Кто это? — уже тверже спросил Макс.

Уборщик посмотрел на Макса, щелкнул пальцами. В ту же секунду из-за ширмы выкатились два круглых табурета на металлических ножках с четырьмя колесиками.

— Давай присядем, — сказал уборщик, опускаясь на табуретку. — В двух словах все не расскажешь.

Макс послушно сел и на всякий случай отодвинулся от каталки с уродцем.

— Ты спрашивал, кто он, — уборщик кивнул на существо. — Что же, отвечу: из этого мог бы получиться лучший друг человека. Гомункул, умный и исполнительный. Я называю его и ему подобных гемоантропами. Выслушав, ты поймешь почему. Я наполовину врач, наполовину маг. Не удивляйся, — сказал он, увидев лицо Макса. — Думаю, сегодня ты увидел достаточно, чтобы понять: я не обманываю.

Макс лишь кивнул. Тварь на каталке, словно подтверждая слова уборщика, агукнула и задергала ногами. Не выдержав, водитель отодвинулся еще на полметра.

— Так вот, — продолжил уборщик. — С детства меня удивляло обилие грязной и совершенно бессмысленной работы, которую и ты, и я, и все остальные вынуждены выполнять изо дня в день. Славик, помой посуду! Славик, вынеси мусор! Славик, пропылесось! — голос уборщика изменился — тот словно передразнивал кого-то. Лицо перекопилось от злости. Пожевав губами и успокоившись, уборщик заговорил вновь: — Ты даже не представляешь, сколько времени уходит на всю эту ерунду! А ведь его, время, можно потратить с толком! Самосовершенствуясь, открывая у себя новые способности! Человеческий потенциал огромен! Творить чудеса может каждый! Весь мир пропитан магической энергией, и если научиться ей пользоваться... — он не договорил, покачал головой и поднял глаза к потолку.

«Можно стать богом», — мысленно закончил Макс.

— Богом ты, предположим, не станешь, — возразил уборщик, с усмешкой глядя на

Серова. — Но тебе будет подвластно очень многое. И, кстати, — его взгляд стал сердитым, — перестань называть меня уборщиком! Работа в больнице была вынужденной мерой! Будь у меня выбор, я бы ни за что не взялся за швабру! — темные глаза сверкнули гневом. — Зови меня Доктором.

— Хо... х-хорошо, — выдавил вожатый.

— Так-то лучше, — Доктор довольно кивнул. — На чем я остановился? Ах да... Почему у меня возникли такие мысли? В пять лет я научился двигать взглядом предметы. В семь стал лечить раны. Это случилось, когда я упал с велосипеда и разбил колено. Вид крови почему-то привел меня в ужас. Усевшись на бордюр, трясясь, как заяц, я закрыл глаза и представил, будто ничего не было. Боль стала утихать. Тогда я приоткрыл левый глаз и с удивлением обнаружил, что раны нет. Подвигал ногой, встал и прошелся. Все было в порядке, словно я и не падал. А неподалеку на скамейке сидел человек. Седой, высокий и широкоплечий. Мне он тогда настоящим великаном показался. Он смотрел на мое удивленное лицо и улыбался. Потом встал, подошел и поздоровался. Так я познакомился с Себастьяном, моим учителем.

«Себастьян!» — мысленно повторил Макс.

— Да-да, Себастьян, — кивнул Доктор. — Только это был не тот Себастьян, о котором говорили Вика и мальчик из поселка. Они имели в виду Себастьяна-второго, в какой-то мере сына моего наставника. Но об этом чуть позже. Долгие годы Себастьян учил меня. Сначала заставлял зубрить заклинания, потом показал, как самостоятельно выводить магические формулы. Он был хорошим учителем, — Доктор грустно улыбнулся. — Я бы даже назвал его своим вторым отцом. Однако в одном наши мнения не совпадали. Себастьян любил физический труд и не считал домашние хлопоты бесполезной тратой времени. Он всегда смеялся, когда я жаловался на гору работы. А мне было обидно. Очень обидно, — он сжал кулаки и зло уставился в никуда. — Но я нашел выход. Лет пятнадцать назад. Втайне от Себастьяна я начал работать над своим первым самостоятельным магическим проектом. Над идеальными помощниками. Разумными, добрыми и исполнительными существами, готовыми на все, лишь бы хозяину было хорошо. Ты представляешь, как это могло изменить мир?! — в темных глазах Доктора загорелся огонь. Макс напряженно смотрел на него, больше всего на свете желая уйти из-под взгляда, полного яростного азарта. — У каждого появился бы свой маленький помощник! Про стирку-глажку-готовку и прочее мракобесие можно было бы забыть навсегда! И это только начало! Потом таких существ стали бы использовать в опасных работах! Армии гемоантропов могли бы улаживать военные конфликты! Они бы стали абсолютным оружием! А я, — кривоватые, бескровные губы расплылись в улыбке, — не остался бы без заслуженной награды.

Макс не знал, что и думать. Мыслей было много, но они носились в голове диким пчелиным роем. Даже перед глазами стали кружиться маленькие черные точки.

— Я уверенно шел к мечте. Ночами сидел и работал, выводил магические формулы, изучал труды магов и алхимиков — от Парацельса до Распутина. И нашел способ, как создать таких существ. Достаточно лишь нескольких капель человеческой крови, ряда заклинаний и ритуалов, чуть больше месяца ожидания — и вот они, гемоантропы! — Доктор задрожал. Азарт в глазах все разгорался. Несколько секунд он молчал, глядя на экземпляр номер восемь — тот медленно шевелил руками и жевал трубку голыми деснами. Потом помрачнел и вновь заговорил: — Я уже собирался начать, когда обо всем узнал Себастьян. Впервые я увидел его в гневе. Он рвал и метал, грозился меня убить. Но не убил. Предал

Упек в подмосковную психлечебницу. Я думал, мне конец, и уже готовился к электрошоку или, того хуже, лоботомии. Но нет: меня перевезли в вашу психушку. Себастьян думал, что в глуши я остановлюсь, — он ухмыльнулся, прикрыл рот ладонью и хихикнул. — Видимо, мой второй отец недостаточно меня знал. В желтом доме я получил уйму свободного времени. Я пересматривал формулы, совершенствовал их. А чтобы никто ничего не заподозрил, исполнял роль безумца. Еще в подмосковной больнице я отгрыз палец, — Доктор показал Максу правую руку, — а тут ходил по отделению и с видом Наполеона предлагал всем и каждому отдать несколько капель крови. И когда все было готово, я сбежал. Вызвал у одного эпилептика припадок, и пока все возились с ним, испарился. Однако Себастьян каким-то образом узнал об этом. И решил разобраться со мной лично. Но я был готов — и одолел учителя. Полтора года назад, на стройке. А чтобы обо мне все поскорее забыли, превратил Себастьяна в собственную копию. Правда, не сразу. Сначала я взял у него кровь. Он был против моей работы, едва не погубил меня и заслуживал наказания.

— Вы хотели возродить его в виде гемоантропа, — хрипло пробормотал Макс.

— Верно, — Доктор довольно кивнул. — Я собирался превратить его в своего личного слугу. Согласись, это справедливо.

Макс промолчал.

— Что ж, — маг пожал плечами. — Дело твое. Так вот, оставив на стройке себя-мертвого, я угнал строительный вагончик, переселился в лес. Воспользовавшись средствами Себастьяна, — а он был далеко не бедный человек — я оборудовал лабораторию и возобновил работу. Нужно было достать ряд образцов крови. Для этого я устроился в поликлинику, — он брезгливо скривился. Видимо, вспомнил, как елозил по полу мокрой тряпкой. — И время от времени заканчивал трудовой день не без добычи.

Поймав многозначительный взгляд Доктора, Макс повернул руку и скользнул взглядом по шраму на запястье.

— А вы ловкач, — тихо произнес он.

— Ловкач? Брось! В этом нет ничего сложного! Вот, гляди!

Доктор взял Макса за руку и провел ладонью над запястьем. Шрам разошелся и набух кровью. Мгновением позже на полу заалели мокрые кругляшки.

— Видишь? Все просто. И никакого лезвия в рукаве не надо, — в глазах Доктора читалась насмешка. Покрепче ухватив руку вожатого, он еще раз провел ладонью над порезом — и того как не бывало. — Так я и охотился. А когда собрал тридцать образцов, приступил к заключительному этапу. Все шло нормально, гемоантропы росли. Но когда до рождения оставалось несколько часов, что-то пошло не так. Плацентарная пирамида едва не сгорела, а существ начало корезить прямо в коконах. Это было жутко, — Доктор покачал головой. По напряженному лицу было ясно: он переживает все заново. — В лаборатории сверкали молнии, пуповины извивались, будто змеи, пульсировали, грозились вот-вот разорваться. Но они выдержали, и гемоантропы родились. Только не такими, как я ожидал. Когда коконы раскололись, и изнутри полезли уродливые твари, я думал, что сойду с ума. А любой другой в ту же секунду вообще упал бы с разрывом сердца. Гемоантропы визжали, хрипели, стонали. Они ползали и дергались. Некоторые прожили всего несколько минут. Но остальные...

«Они выжили», — перед мысленным взором появился ком розового цвета. Один из выживших гемоантропов. Страшный гном.

— Прекрасное название, кстати, — пробормотал Доктор, растерянно глядя в пол. —

Гемоантропы и впрямь должны были походить на гномов. Маленькие, не больше метра, темнокожие, пропорционально сложенные. Но в итоге получились страшные гномы. Вика права. Точнее — была права. Я не исключал, что может случиться нечто подобное, поэтому создал и запасную лабораторию. Но тогда я еле унес ноги. Твари оказались достаточно сильны и свирепы — и бросились на меня. Я скрылся, правда, прихватив восьмой номер, а они разбрелись по лесу. И прекрасно адаптировались.

— Но почему?.. — Макс украдкой глянул на существо. — Почему они стали такими?

— Это не давало мне покоя много дней. Я совершил несколько вылазок, подобрал пару мертвых существ. Отнес сюда и стал разбираться, где ошибся. Ответ оказался под самым носом. До сих пор удивляюсь, как я не учел этого перед экспериментом. Старею, наверное, — Доктор печально вздохнул и усмехнулся.

— И в чем же дело? Почему ваши гномы получились страшными?

— Во всем виноваты люди, у которых я брал кровь. Точнее — дело в самой крови. Она грязная, испорченная злобой, яростью, завистью, ненавистью, враньем... Всеми злыми чувствами, без которых у человека не обходится ни один день. Они идут изнутри и ставят клеймо на каждой клетке крови, уродуют ее. В микроскоп этого не разглядишь, но вот при перерождении... Ты сам видишь, — Доктор взглядом указал на гемоантропа. — Так на самом деле должен выглядеть человек, у которого я взял кровь, чтобы вырастить восьмого. Но он не знает об этом и продолжает изо дня в день поливать грязью прохожих, коллег, политиков и артистов, врет жене, орет на детей. А те тихо ненавидят его и тоже постепенно превращаются в чудовищ. Так что — он пристально посмотрел на Макса. Губы разъехались в ухмылке, — ты был прав. Еще тогда, в пять лет, когда посмотрелся в треснувшее зеркало. Эти куски стекла врут нам.

Доктор рассмеялся, глядя на Макса. Тот дрожал. И чувствовал себя заключенным, которому только что зачитали смертный приговор.

«Я знал», — думал Макс, представляя темные сени бабушкиного дома. Вот он стоит на крышке сундучка и, замерев, смотрит на свое отражение — на трехглазую тварь с угловатым лицом и двумя ртами. — Знал».

— Ничего, — с притворным добродушием сказал Доктор, тронув Макса за плечо, — вожатый тут же отстранился и едва не упал с табурета. — Не расстраивайся. Такова жизнь. Сначала узнаешь, что нет деда Мороза. Потом оказывается, что любимая девочка, которую сравнивал с ангелом, по пьяни передавала всем ребятам в классе. А теперь... Подумаешь, всю жизнь растил в себе уродца! Он ведь внутри. А снаружи ты остаешься нормальным парнем девятнадцати лет. И вся жизнь впереди.

Уставившись в пол, Макс покачал головой. Перед глазами все еще стояло отражение в треснувшем зеркале.

— Ну, вот! — Доктор хлопнул себя по колену, с деланной обидой глядя на вожатого. — Так и знал, что об этом нужно было рассказать в конце! Да, ты тоже в числе страшных гномов! Я даже номер твой помню — шестнадцатый!

«Шестнадцатый...» — эхом пронеслось в голове. Не мигая, Макс глядел в пол, на серые квадраты кафеля, но по-прежнему видел треснувшее зеркало. А в нем себя — злобного и уродливого. Настоящего себя.

Доктор кашлянул, почесал в затылке и продолжил рассказ:

— Как я уже говорил, один гемоантроп должен был вырасти из капли крови Себастьяна. Признаться, я не ожидал, что мой наставник получится... гм... таким. В душе он был

настоящим демоном. Себастьян-второй оказался очень уродливым и самым сильным. Но главное не это. Он унаследовал магические способности, стал вожаком страшных гномов. Из-за физических уродств те очень страдали, и Себастьян-второй нашел способ избавить собратьев от мучений. Это совершенно дикий ритуал, в основе которого — переселение душ. Ты ведь видел овраг? Тебя привел туда парнишка в черной футболке, верно?

— Верно, — равнодушным тоном отозвался Макс.

— И у парнишки были выколоты глаза и перерезано горло. Но он все равно бежал. Знаешь, почему?

Вожатый лишь пожал плечами.

— Потому что он призрак! Душа, лишенная тела! А в его физической оболочке сидит искалеченная душа страшного гнома! Парнишка этот непроста привел тебя к оврагу — именно там все и происходит. Гемоантропы выслеживают добычу — детей или молодежь, из расчета на более долгую жизнь — ловят, связывают, тащат в овраг. И потом... — Доктор покачал головой и провел ладонью по лицу. — Когда я в первый раз увидел, как Себастьян-второй проводит ритуал, полдня не мог на еду смотреть. Жертву привязывают к кушетке, Себастьян-второй выкалывает ей глаза, перерезает горло и читает заклинание. Выбранный для переселения гемоантроп начинает корчиться. Его плоть пузырится, слезает. В конце концов, он падает грудой костей. Душа гемоантропа входит в новое тело, а душа жертвы остается бездомной. Так переселилось уже почти десять страшных гномов, и лес понемногу заселяют призраки. Они — побочный эффект от колдовства Себастьяна-второго.

— Значит, ребята из поселка и Вика... — запинаясь, начал Макс.

— Да-да-да! — Доктор энергично закивал. — Они — страшные гномы! Розовые тени под глазами и на горле — это следы от инструментов Себастьяна-второго. А в душе переселенные — настоящие демоны! Они переполнены злобой, единственным чувством, которое унаследовали от людей, из крови которых выросли. Ты встречался с ними и понимаешь, о чем я.

Макс слабо кивнул.

— Честно говоря, я рад, что Себастьян-второй нашел способ переселить собратьев. Они ведь ненавидят меня, считают виноватым в том, что получились такими. Переселение же позволяет им покинуть лес и жить с людьми. Правда, людям с гемоантропами ужиться будет очень непросто. Страшные гномы готовы на все, лишь бы отравить окружающим существование. Так что поселковые и Вика еще покажут себя, в этом можно не сомневаться. А скоро к ним присоединятся и четверо любопытных носов из твоего отряда, — Доктор хитро уставился на Макса. — Зря ты позволил братьям выйти из автобуса. Не найди они мой вагончик, глядишь, не началась бы вся эта история. Не попал бы Лешка в лапы страшным гномам. А остальные не бросились бы его искать. Но, — он развел руками, — прошлого не воротишь.

— Нет, — Макс слабо качнул головой. — Их надо спасти. Должен быть способ!

— А как ты их спасешь? Когда... — Доктор прикрыл глаза, задрал голову, поднял руки ладонями вверх. Так он сидел секунд десять. Потом вздрогнул и посмотрел на Серова. — Когда Лешку уже готовят к ритуалу переселения, а трое других бегают по лесу. Страшных гномов ведь почти два десятка. Они довольно сильны и, главное, свирепы. Это я могу без опасений передвигаться по лесу, потому что в случае чего остановлю гемоантропов магией. А ты что собираешься делать? С голыми руками на них идти? Самоубийца! Они скрутят тебя, и Себастьян-второй вселит в твое тело какого-нибудь Горба. Или Лишая. Или еще кого-

нибудь — в плане прозвищ страшные гномы очень изобретательны и точны. Единственное, что ты можешь, — отсидеться здесь до утра и вернуться в лагерь. А еще лучше — езжай домой и забудь про эту историю.

Макс посмотрел на Доктора — тот изучал его темными глазами и чуть заметно улыбался.

«Забудь эту историю», — звучало в голове.

Забудь?

Забудь тварь с трубкой в глотке, которая извивается на кушетке и тянет лапы? Забудь ребят-дьяволят из поселка? Забудь Вику? Забудь, что зеркала врут, а на самом деле...

— Как? — едва ли не одними губами спросил Макс. — Как я выгляжу? На кого похож?

— Ну-у-у, — протянул Доктор, злорадно глядя на Серова. — Зайдем с другого конца. В детстве, лет в пять, ты впервые узнал, что такое ужас. Потом долгое время все было нормально, а вот подростком... — он помедлил, расплываясь в улыбке, — ты изрядно попортил кровь и окружающим, и, разумеется, себе. Ненавидел всех вокруг, кроме кучки таких же сопляков, да и они не были тебе особо близки. Безжалостно разделялся с теми, кто не мог дать отпор, а вот с сильными не связывался — боялся. Желал смерти родителям. И, как вижу, дожелался.

С хитрым прищуром Доктор изучал Макса. Тот сидел, ссутулившись, и все так же глядел в пол.

— Но после похорон отца ты изменился. Раскаялся. Только ненависть не угасла. Просто перешла с окружающих на самого себя и даже стала сильнее. За это нельзя судить, однако ненависть есть ненависть — она продолжала портить твою кровь.

— И откуда вы все это узнали? Опять заглядывали в мои мысли?

Улыбаясь, Доктор покачал головой.

— На сей раз — нет. Все это стало известно, когда я хорошенько разглядел экземпляр номер шестнадцать и сделал кое-какие выводы. Узнав о причинах уродств, я понял, что раздутые головы, кривые позвоночники и конечности, — это не просто так. Каждое отклонение зависит от того, какие плохие чувства преобладали у человека. Я провел исследования и вывел ряд закономерностей. Например, жадность и любовь к власти — это длинные, костлявые руки. У тех, кто любит поскандалить, огромные рты. Похоть почему-то проявляется в виде раздутого живота. И так далее. А вот ненависть к себе, да еще замешанная на детском страхе... — Доктор не договорил, злорадно уставившись на Макса. — Твой гемоантроп уникален. Впрочем, лучше этого не видеть. Как говорится: меньше знаешь — крепче спишь.

Внутри заклокотала ярость пополам с отчаянием. Макс поднял глаза на Доктора. Тот смотрел на него и ухмылялся. Он знал о вожатом больше его самого. И должен рассказать.

— Как я выгляжу? Какой из меня получился страшный гном?

Доктор рассмеялся.

— Не надо тебе это знать. Зачем? Он ведь далеко не красавец, — маг многозначительно посмотрел на экземпляр номер восемь.

Повернувшись к каталке, еще раз глянув на уродца, Макс почувствовал тошноту. А отчаяние и ярость кипели внутри все сильнее.

— Не злись, — в тихом голосе Доктора сквозило добродушие. — Ты ведь теперь знаешь, чем это чревато. Не уродуй себя, — он помолчал и с наслаждением добавил: — Еще больше.

Терпеть дальше не было сил.

— Какой он? — завизжал Макс, вскочив с табурета. Тварь на каталке тут же отозвалась ревом.

«Такой же!» — стучало в голове.

— Немедленно сядь! — голос и взгляд Доктора мгновенно стали жесткими — И не смей кричать! Обвиняешь во всем меня, да?! Это я заставлял тебя шляться с друзьями по дворам?! Я заставлял ненавидеть весь мир, когда не хватало на пиво или сигареты?! Скажи: я?! Ты сам знаешь, что это не так! Я всего лишь узнал, как большинство из нас выглядит на самом деле! И не я вырастил шестнадцатого страшным гномом! А ты! Да, я не добился успеха. Если бы знал, что все кончится так, то брал бы кровь младенцев первых дней от роду. Но эксперимент все равно удался! Я увидел истинную суть человека! Кто же знал, что она окажется такой?!

Гемоантроп все еще верещал. Макс повернул голову и увидел, что тот мотает шишковатой башкой, разевает пасть. Длинные лапы тянулись вверх, кривые костлявые пальцы жадно скребли по воздуху. Худые коленки били в раздутый живот, а фиолетовая опухоль на шее пульсировала. Простыня под головой пропиталась свежей кровью.

— Видишь, что ты наделал! — вскричал Доктор, бросаясь к страшному гному. — Он же убьет себя!

«А я убью тебя!» — мысленно прорычал Макс и пошел на мага.

Схватил за шиворот, но Доктор извернулся и толкнул вожатого. Охнув, Макс грохнулся на пол, приложился затылком и локтями. Морщась от боли, встал. Огляделся и стиснул кулаки, остановив взгляд на табуретке.

Оскалившись, Макс метнулся к ней. Обхватил металлическую ножку, поднял табуретку над головой. И обрушил на Доктора.

Удар пришелся в висок. Доктор вскрикнул, удивленно уставился на Макса и стал падать. Вытянул руку, ухватился за треножник со светящимся комом и увлек его за собой. Черные трубки с тихим чмоком вышли из головы и пасти гемоантропа.

Конструкция упала на Доктора, но тот вряд ли почувствовал это. Он уже лежал, невидящим взглядом глядя в потолок. Левую половину лица заливало кровью.

Зеленый ком покатился по полу. Оказавшись под каталкой, он затрещал, и во все стороны полетели искры.

Макс выронил табурет и попятился, с ужасом глядя на Доктора.

«Убил!» — вертелось в мозгу.

Доктор не шевелился, шар продолжал искрить. Лишенная трубок тварь верещала и дергалась. Из беззубой пасти вылетали комья пены, кровавое пятно под головой расплзлось. Глаза вращались и горели злобой. Руки тряслись и тянулись к вожатому. Тот все еще пятился.

«Убил! — повторялось и повторялось. — Я!»

Рев страшного гнома становился громче. Существу удалось перевернуться на бок. Скрюченные пальцы выпрямились, неумело ухватились за край каталки. Спустя несколько секунд тварь шлепнулась на пол. По безобразному телу прокатилась волна дрожи. Совладав с ней, экземпляр номер восемь пополз к Максиму. Он хрипел при каждом рывке, глаза не отрывались от Серова. Однако Макс видел: существо умирает.

Треск под каталкой перерос в рокот. Мгновением позже зеленый ком рассыпался сотнями искр. Те шипели и угасали одна за другой.

А гемоантроп больше не мог ползти. Он злобно глядел на Макса, дрожал и разевал пасть. Перед мордой твари образовалась лужа желто-красной дряни.

Не в силах больше смотреть на уродца, Макс взял вторую табуретку и ударил по шишковатому черепу. Тот хрустнул, будто скорлупа. Гемоантроп хрипнул, мелко затрясся и затих.

Отойдя на пару шагов, Макс выронил табурет и плюхнулся на колени. Голова кружилась, комната расплывалась перед глазами, воздух словно загустел...

«От смерти», — невольно подумал Макс, борясь с дрожью.

Он до сих пор слышал тихий голос Доктора. Тот словно заново рассказывал об эксперименте, но Макс слышалось другое. Одна-единственная фраза: «ты чудовище!»

«Как теперь жить?! — спрашивал себя Серов, переводя взгляд с покойника в халате на мертвую тварь и обратно. — Для чего?!»

Он всхлипнул, подался вперед. Упершись ладонями и лбом в прохладный кафель, заплакал. Безумно захотелось домой. К маме. Чтобы обняла, погладила по голове. Тихо и ласково назвала Максьюшей.

Эта мысль придала сил. Макс выпрямился, встал с колен. Пошатнулся, потрянул головой, вытер лицо. Нужно было выбирать. И найти ребят. Нельзя отдавать их в лапы чудовищам.

Макс обернулся на люк. Нет, там только лестница и маленькая комнатка. Выход в другом месте.

Оглядевшись, Серов обошел ширму и увидел дверь. Возле нее стоял деревянный стол, на котором лежало двуствольное ружье. Макс подошел, взял двустволку. Выдвинул верхний ящик, увидел несколько патронов и рассовал по карманам. Еще раз обернувшись, вожатый передернул плечами и толкнул дверь.

За ней оказался узкий, дышащий сыростью тоннель. С низкого потолка свешивалась пара слабеньких, то и дело мигающих лампочек.

Пригибаясь, держа ружье перед собой, Макс двинулся вперед и вскоре остановился у маленькой железной двери с массивным засовом. Рядом на полке стоял большой черный фонарь. Взяв его и включив, Макс отодвинул засов, толкнул дверь. Наклонился, сделал пару шагов и оказался под ночным небом.

За спиной был небольшой, заросший кустарником пригорок — из него и тянулся ход. Справа, слева и впереди застыли деревья.

«Теперь к оврагу», — сказал себе Макс, водя фонарем из стороны в сторону.

Еще бы знать, где этот овраг. Но терять время на раздумья было бессмысленно и опасно — в первую очередь для ребят. И Макс побежал вперед.

Глава 11. Шестнадцатый номер

Федор Иванович поднялся на крыльцо и толкнул дверь. Покупателей не было — Марина стояла возле полок с чаем и кофе, скользила взглядом по ценникам и время от времени писала в большой потрепанной тетради на пружине.

Услышав скрип двери, продавщица обернулась. По красным пятнам на лице и припухшим глазам Сбитнев понял: Марина только что плакала.

«Опять Егор учудил», — подумал Федор Иванович, чувствуя, как в груди что-то оборвалось.

— Здравствуйте, — с чуть заметной хрипотцой сказала Мещерякова.

— Привет, Мариночка, — кивнул Сбитнев.

Продавщица попыталась улыбнуться, но вместо этого всхлипнула. Поджав губы, поспешно отвернулась, не выдержала и зарыдала.

— Ну, что опять такое? — тихо спросил Федор Иванович, когда Марина немного успокоилась.

— Е... Егор, — выдавила та, дрожа и пряча мокрое лицо за носовым платком. — Не знаю уже... Что делать? Каждый день! Каждый день что-нибудь творит!

— Что творит?

— Такое чувство, что он меня замучить хочет, — прерывисто вдыхая, пробормотала Мещерякова. — Скандалит постоянно, по пустякам. То я к нему в комнату не вовремя зашла. То телевизор выключила, хотя он его и не смотрел. То еще что-нибудь. Кричит на меня постоянно, топает. По дому мечется, как дикий зверь какой-то! — она снова суксилась, но переборола слезы. — Слова ему не скажи! А сам... словно удовольствие от этих ссор получает! Как так можно?! — продавщица с отчаянием посмотрела на Сбитнева.

— Не знаю, Мариночка, уж прости, — пробормотал тот. — Наверное, возраст у него такой. Подросток все-таки, вырастет.

— Но ведь не так же! — с надрывом воскликнула Марина. — Если бы только скандалами все обходилось! Нет ведь! Он меня точно в гроб хочет загнать! Розыгрышами этими!..

— Какими розыгрышами?

— Злыми! Каждый день что-нибудь устраивает! Вот вчера, например... Натянул под порогом леску. Я не заметила, зацепилась — так мне лопата чуть пальцы на ногах не разбила! А Егору хоть бы что! Смотрит, ухмыляется, а по глазам видно, что рад до ужаса! Или сегодня, прямо с утра... Хотела суп приготовить. Открываю кастрюлю, а там сорока мертвая лежит, без головы, в луже крови! Тут уж я, простите, не выдержала. За ухо его взяла, на кухню притащила, накричала! Егор — ноль эмоций! Знаете, что он мне заявил?! Сказал, что это я сама птичий суп сварить хотела — чтобы его отравить! Как он только до такого додуматься смог?! И как вообще исхитрился птицу поймать?! Он же у меня неуклюжий, увалень...

Марина раскраснелась и была готова снова расплакаться.

— Как дальше быть — ума не приложу! — она покачала головой, глядя в исписанную тетрадь. — У меня уже сердце болит, на успокоительных сижу постоянно! Еще пара таких шуточек — и точно в больницу с приступом слягу! А с Егором тогда что будет?! Отец ведь с нами не живет! Как Егор один тут справится?!

— Ты успокойся, — просительно произнес Федор Иванович, положив ладонь на пухлую руку продавщицы. — Нечего лишний раз все это вспоминать.

— Я понимаю. Но не могу. Егор постоянно перед глазами. Стоит, смотрит на меня. Злобно так смотрит. И ухмыляется все время... — Марина покачала головой. — Знаете, что еще странно. Пятна эти розовые, что под глазами и на горле. Они ночью светятся. Я как-то к Егору зашла и увидела. Испугалась страшно. Утром хотела к доктору его отвезти — это ведь что-то ненормальное. Да только Егор такой скандал закатил! Чуть с кулаками на меня не бросился!

Мещерякова снова плакала. Федор Иванович стоял рядом, не зная, что делать. Никогда раньше он не чувствовал себя таким беспомощным.

— Вы простите, — сквозь слезы выговорила Марина, — что вываливаю на вас все это. Просто... поговорить больше не с кем. Я уже домой с работы возвращаться боюсь. Жду, что Егор опять пакость устроит. И засыпать страшно.

Больше Сбитнев не стал ничего говорить. Дождавшись, пока продавщица успокоится, он купил молока, хлеба и вареников, вышел из магазина и пошел домой.

«Завтра же потолкую с Игорем Витальичем насчет Егора, — решил он, поглядывая на безоблачное, разогретое летним солнцем небо. — Не дело это — мать изводить!»

Поселок жил обычной жизнью. В зелени огородов голосили птицы, где-то звякала цепь, слышался басовитый лай. Со стороны железной дороги донесся стук колес. Потом воздух прорезало длинным гудком. Навстречу, поднимая пыль, шурша камешками и скрипя деревянным кузовом, проехал старенький грузовик с бело-голубой кабиной. Впереди показался дом Федора Ивановича. А напротив, на ржавой цистерне сидели пятеро.

Этих ребят Сбитнев раньше не видел. Маленький светловолосый мальчишка-оборванец. Две девчонки-подростка — одна с короткими темными волосами, другая рыжая. У первой была сигарета. Время от времени девчонка затягивалась и, задрав голову, пускала вверх струю дыма. Рядом сидел краснолицый толстяк в зеленой кепке. Последний — коренастый, коротко стриженный парень лет двадцати. На черной футболке под иностранной надписью какой-то черт с разноцветными волосами показывал язык.

«Это еще кто такие?» — Федор Иванович, сам не зная почему, насторожился. От пятерки словно веяло злобой. Как от Егора.

Увидев старика, ребята оживились. Зашептались, потом белобрысый мальчишка спрыгнул и, сунув руки в карманы нестиранных шорт, уверенно направился к Сбитневу.

— Привет, дедуля, — сказал он, уставившись на Федора Ивановича. — Сигареткой не угостишь?

— А разве можно таким маленьким курить? — спросил Сбитнев, изо всех сил пытаясь не показать страха. Получалось плохо, и мальчишка словно чувствовал это.

— А что такого? — пожал он плечами, улыбаясь. — Так дашь сигаретку?

— Нету у меня, — ответил Федор Иванович.

«Такие же тени. И на том же месте», — думал он, разглядывая розовые пятна на узком бледном лице.

— Шишак!

Услышав хриплый голос, Федор Иванович поднял глаза и увидел, что парень в черной футболке идет к нему.

«И у этого тоже», — Сбитнев напряженно глядел на лицо и шею незнакомца.

Подойдя и остановившись, тот отвесил мелкому подзатыльник. Мальчишка оскалился,

отшатнулся и зашипел, со злобой глядя на парня.

— Пошипи еще здесь! — рявкнул коренастый. — Пришибу на хрен!

— Ты что же? — переборов себя, прищурился Сбитнев. — Зачем маленького обижаешь?

— А ты дед, я вижу, любишь нос совать, куда не надо, — парень задрал подбородок и высокомерно уставился на Федора Ивановича. — Так и проблемы нажить недолго.

— Угрожаешь?

— Предупреждаю. Был у нас в поселке один, на тебя похожий. Тоже любопытный да вдобавок с длинным языком. Сейчас пластом лежит, под себя ходит. Тоже так хочешь?

Сбитнев промолчал. Он чувствовал, что коренастый не бахвалится — такой вполне может покалечить или даже убить.

— Вижу, что не хочешь, — продолжал тот. — Вот и правильно. А теперь иди своей дорогой. Нам до тебя дела нет, мы к брату пришли.

— К брату? — переспросил Федор Иванович.

— К брату, к брату, — парень закивал и ухмыльнулся. Кивнув на дом Мещеряковых, добавил: — Вон там живет.

— Егор? — оторопел Сбитнев.

Коренастый удивленно приподнял брови, переглянулся со светлым мальчишкой.

— Да, Егор, — кивнул он, спустя несколько мгновений.

— Вот и Носач! — послышался девчоночий голос.

Федор Иванович повернулся и увидел, что темноволосая указывает на дом Егора. Сам мальчишка шел по палисаднику. Рыжая голова то появлялась, то скрывалась за садовой зеленью.

«Носач?» — удивленно повторил про себя Сбитнев.

Егор вышел на улицу и припустил к своим. Все пятеро неподвижно глядели на него.

— Что, Носач, как тебе в городе живется?! — ухмыльнулся коренастый, когда Егор оказался рядом.

Тот глянул на Сбитнева, скорчил злую рожу и дернул плечом.

— Нормально живется. Весело даже. Пойдемте.

Девчонки и толстяк слезли с цистерны, обступили Егора. Тот еще раз зыркнул на Федора Ивановича. Скривил губы, сплюнул и пошел вверх по улице. Остальные двинулись за ним. Белобрысый мальчишка показал Сбитневу язык, рыжая девчонка послала воздушный поцелуй, и вся компания расхохоталась. Мерзко, визгливо.

— Что, Мешок, на старичков потянуло? — спросил толстяк, толкнув рыжую локтем.

— Пошел ты, — огрызнулась та, с ухмылкой оборачиваясь на Федора Ивановича.

Тот не двигался, провожая ребят взглядом.

«У всех эти тени», — думал он.

Компания скрылась за поворотом. В ту же секунду сзади завыла собака. Обернувшись, Сбитнев увидел за забором Цезаря — пес высунул из будки голову, прикрыл глаза и выл.

«Он боится», — понял Федор Иванович.

Нетвердым шагом старик пошел к дому. Но в мыслях он все еще стоял, окруженный ребятами со злыми лицами и розовыми пятнами под глазами и на горле. Они и в самом деле похожи, как братья и сестры. И все из-за этих теней.

«Откуда они взялись? — размышлял Федор Иванович, пройдя за ворота. — Может, болезнь какая?»

Или всему виной «Березки»? Егор пробыл там всего двое суток. И успел стать

совершенно другим, обзавелся братьями, сестрами и прозвищем Носач.

«К чему бы это? — Сбитнев нахмурился. — Нет у Егора такого носа, чтобы для клички».

Он разулся, прошел в комнату, сел на диван и покачал головой. Загадки и страшные события каждый день высасывали силы. Сколько так будет продолжаться? И сколько сам Сбитнев сможет протянуть?

Неизвестно...

Но уже завтра Максим покажет рисунок. И, возможно, хоть что-то прояснится.

«Что он там нарисовать собирался? Настоящего себя? — Федор Иванович прищурился, разглядывая узор на ковре под ногами. — Любопытно».

За несколько дней до этого.

«Бесполезно», — Андрей готов был расплакаться.

Ему до смерти надоело шарить по темным зарослям. Он устал, был напуган и не представлял, как сражаться со страшными гномами и отбивать брата. Что могут сделать камень и палка со стаяй уродливых и безумных тварей?

Оля медленно и тихо шла впереди, вода по зарослям светом от фонаря. За спиной топал, кряхтел и сопел Егор. Так продолжалось уже больше получаса.

«Ходим, бродим — и хоть бы что!» — с отчаянием думал Новожилов.

Перед мысленным взором все время стояло лицо Лешки. Но не обычное — бледное, с хитрым прищуром или нахальной ухмылочкой. Нет. Под глазами брата залегли розовые тени. Полоса такого же цвета пересекала горло. Лешка смотрел исподлобья и кривил губы. Совсем, как та девочка.

«Точнее, Брюхатый», — поправил себя Андрей, чувствуя, как накатывает очередная волна страха.

Что если в Лешкино тело уже кого-то переселили? Вдруг он уже в лагере? Лежит на кровати, ждет, когда вернется Андрей. Что будет тогда? Как это — жить, зная, что Лешка вовсе не Лешка? А какой-нибудь уродец с мерзкой кличкой...

«Бесполезно», — новым приговором прозвучало в голове.

Сзади затрещали кусты, охнул Егор. Андрей и Оля тут же развернулись, девочка посветила на толстяка. Тот стоял на четвереньках и, как обычно, виновато глядел на ребят.

— Споткнулся, — полушепотом объяснил он, поднимаясь. — Извините.

«Увалень, — мысленно обозвал толстяка Андрей. — На фига только потащился?»

Но в глубине души он радовался, что Егор тоже пошел. Неизвестно, сколько страшных гномов бродит по лесу.

«Самое меньшее — пятеро, — подумал Новожилов, вспоминая слова Влада. — А яип под вагончиком не меньше тридцати».

Как отбиться, если они нападут всем скопом? И как вызволить Лешку? Всего пять уродцев утащили брата прямо из корпуса. Да так, что никто ничего не услышал. Насколько ловкими и сильными нужно быть, чтобы проделать такое?

Подобные мысли вызывали отчаяние, а избавиться от них Андрей не мог. Оставалось одно — идти.

— Мы не заблудились? — спросил он у Оли. — Темно ведь все-таки...

— Нет, — отозвалась девочка. — Я хорошо дорогу запомнила.

«Хоть это радует», — Андрей вздохнул, оглядывая ночной лес.

Существа могли устроить засаду где угодно. За любым кустом или стволом. Может, они

и сейчас рядом.

«Не надо об этом думать. Только хуже становится», — Андрей сжал кулаки и попробовал очистить голову от мыслей.

Не вышло.

Слева донесся птичий крик. Затрещали кусты.

Оля тут же остановилась. С тихим щелчком выключила фонарь. За спиной напряженно засопел Егор.

— Садимся и не шумим, — шепотом скомандовала Оля, опускаясь на корточки.

Андрей и Егор последовали за девочкой — толстяк, конечно же, не мог не хрустнуть веткой.

«Слон очкастый», — вновь обозвал его Новожилов.

Треск кустов не прекращался. Больше того — к нему прибавилось нечто, похожее на кваканье.

«Это они! — понял Андрей. — Началось!»

Началось...

Хруст веток стал громче. Уже можно было различить шаги. Беспорядочные и частые.

Как назло, вспомнились слова Егора про звериное чутье. Вдруг тварь и в самом деле знает о ребятах?

Сердце забилось чаще и сильнее. Пальцы против воли крепче ухватили камень и палку. Андрей закусил губу и напрягся. Он был готов в любую секунду пустить оружие в ход.

— В-вуа-ар-рв! — донеслось из зарослей.

Вздвогнув, Андрей вжал голову в плечи.

Шаги не утихали. Существо то приближалось, то удалялось.

«Уйди! — заклинал Новожилов. — Вали отсюда!»

Егор часто дышал и сглатывал. Андрей с тревогой глянул на него.

«Только бы не заорал и не понесся куда-нибудь», — подумал он.

Страшный гном забулькал, захрипел. В ту же секунду кусты затрещали и сзади.

Андрей резко обернулся. Чудом не потерял равновесие и стиснул зубы. Пальцы ныли, но все с той же силой держали оружие.

— В-вуа-ар-рв! — подала голос первая тварь.

В ответ — глухое уханье. Мгновением позже оба чудовища заквакали. Как показалось Андрею — радостно.

Ветки затрещали сильнее и чаще. Это могло означать одно — страшных гномов стало больше.

Егор всхлипнул. Треск прекратился.

«Прислушиваются, — понял Андрей. Поглядев на толстяка, он покачал головой. — Идиот! Ты же нас погубишь!»

Существа заворчали и снова зашевелились. Одно будто захихикало. Шаги приближались. Судя по шороху листвы, твари расступились. Скорее всего, чтобы напасть...

Новожилов опять услышал кваканье. Справа рыкнули, забулькали. Потом сразу два чудовища зашипели.

— Мамочки, — прошептал Егор.

Андрей несильно пихнул толстяка локтем и скорчил рожу, позабыв, что кругом темно и тот вряд ли различает его лицо.

А страшные гномы подбирались все ближе. Им оставалось преодолеть не больше

пятнадцать метров. Что будет после — Андрей не знал. И не хотел думать.

Топ-топ-топ... Справа, слева и сзади. Сколько их там? Три? Пять? Десять? Нет, десять вряд ли — иначе треск кустов был бы громче. Но вот пять — вполне. И неизвестно, удастся ли с ними справиться.

Вновь шипение. И тут же рык, будто твари что-то не поделили.

Стук, шлепки, вскрик...

Андрей осторожно вертел головой, не в силах понять, что происходит.

Кусты затрещали громче. Одно из существ забулькало. Потом взревело и устремилось вперед.

Сидеть дальше было нельзя. Вскрикнув, Андрей выпрямился. Сморщился от боли и затекших ногах. Покачнувшись, выставил перед собой палку и стал поворачиваться из стороны в сторону. Следом поднялись Оля и Егор.

Твари заверещали и кинулись к ребятам. Одна, хрипя и булькая, выскочила перед Андреем. От бугристого тела несло гнилью. Похожая на ромб голова, дергаясь, клонилась влево. Лапы двумя кривыми ветками тянулись к Новожилову.

— Отвали! — выкрикнул тот, взмахивая палкой.

Существо увернулось. С воем затопало толстыми кривыми ногами.

Оля включила фонарь и направила луч света в морду другой твари. Та засучила обрубками рук, согнулась и нырнула в кусты.

Страшный гном с бугристым туловищем снова атаковал. На этот раз Андрей не промахнулся — конец палки ударил уродца по голове. Тот отшатнулся, потерял равновесие и плюхнулся в траву. Подскочив к нему, Новожилов ударил еще дважды.

В запястье вцепились твердые, покрытые чем-то липким и теплым пальцы. Содрогнувшись, Андрей выдернул руку и наугад ударил камнем. Послышался стук. Тварь с воплями отступила.

— Пустите! Не надо! — закричал Егор.

Обернувшись, Андрей увидел, что на толстяка идут сразу два страшных гнома. Один, с изогнутым туловищем и огромной головой, двигался на четвереньках. Другой, кривоногий и горбатый, наступал, выставив заточенный кол.

Шагах в десяти сражалась Оля. Она размахивала фонарем и похожая на метровую лягушку тварь не решалась приблизиться.

Андрей хотел броситься на помощь, но тут лопатка вспыхнула болью. Он охнул, запнулся и плюхнулся на колени, чудом не выронив палку и камень. Над ухом торжествующе взрыкнули. Развернувшись, Новожилов увидел еще одну большеголовую и длиннорукую тварь с выпирающими ребрами. Она разевала кривую пасть и делала короткие выпады колом.

Взвизгнула Оля. Погас свет.

Над ухом заулюлюкали, и Андрей получил тычок в грудь. В плечо... В живот...

От боли закружилась голова. Затошило и стало трудно дышать. А тычки продолжались. Засучив ногами, Андрей стал отодвигаться. Получил передышку, развернулся и на карачках бросился в сторону. Страшные гномы заревели, кинулись вдогонку.

«Не оторваться!» — мелькнуло в голове.

Повернувшись, он метнул камень. Одна тварь отозвалась скрипучим вскриком и заметалась. Остальные зашипели и отскочили.

Андрей поднялся и попятился, стискивая палку обеими руками. Страшные гномы

визжали и бесновались. Двое, выставив колья, вновь пошли на Новожилова. Тот сделал еще несколько шагов спиной вперед. Махнул палкой, заставив уродцев остановиться и забулькать.

— А-а-а-а! Отпустите! Отцепитесь! — завизжал Егор. — Не надо!

В ответ — злобное кваканье и урчание, треск ткани.

— Отпустите! — надрывался толстяк. — Ничего не вижу! Снимите его!

Твари с кольями завохтели и бросились к Андрею. Новожилов рванулся в сторону, едва не налетел на березовый ствол. Ахнув, увернулся и побежал. Страшные гномы взревели и, топоча, бросились в погоню.

Петляя, Андрей несся вперед. Уродцы за спиной визжали, хрипели, но не думали отступать.

На пути выросла поросшая мхом глыба. Не сбавляя темпа, Андрей в два прыжка забрался на нее. Спрыгнул, обогнул сосну. Нырнул под куст, чудом не упал и ринулся дальше.

А уродцы начали отступать. Шорох за спиной стих, вслед за ним перестали слышаться и вопли. Однако Андрей не решался остановиться. Только перешел на шаг.

«Вот и все, спас Лешку», — подумал Новожилов.

Положение казалось безнадежным, еще когда он, Оля и Егор только покинули лагерь. Сейчас Андрей и вовсе опустил руки. Один, посреди ночного леса, вооруженный деревяшкой... Что он сможет против стаи страшных гномов?

— Ни-че-го, — раздельно произнес Андрей, останавливаясь.

Сил не осталось. Все, чего он хотел — закрыть глаза и уснуть. Чтобы все мысли, страхи и усталость исчезли в темноте.

Неподалеку лежала береза. Шаркая, Андрей добрался до нее и уселся. Он не знал, что делать. Возвращаться в лагерь? Как? Новожилов днем-то не нашел бы дороги, а теперь и подавно. Искать Лешку? Это и вовсе самоубийство. Страшные гномы не побоялись напасть на троих. Что им тринадцатилетний сопляк?

«Подарок. Еще одно тело для переселения», — от этой мысли Андрея затошнило. Он сглотнул, сделал несколько глубоких вдохов и продолжил думать.

В темноте он беззащитен. Значит, остается одно: сидеть и ждать, пока хотя бы рассветет. В лагере уже наверняка с ног сбились — ищут его, Лешку, Олю и Егора. Поэтому лучше не двигаться, чтобы не заблудиться еще больше. Но торчать одному, в темноте... Каждую секунду прислушиваться и ждать, что неподалеку вот-вот появятся страшные гномы... Стискивать палку, готовясь к нападению... Так можно и не дожидаться рассвета — сойти с ума. Или, если твари и впрямь выследят, стать каким-нибудь Брюхатым.

«Как Лешка, — подумал Андрей. — Его наверняка уже... нет».

Он всхлипнул, представив брата. Что с ним сейчас? Жив ли? Может, Лешке удалось вырваться, и сейчас он тоже бродит по лесу?

«Вряд ли», — Андрей покачал головой, чувствуя, что вот-вот заплачет. Потер глаза. Не выдержал и спрятал лицо в ладонях, подрагивая от слез.

Больше он не увидит Лешку. Не посмеется над его шутками. Не покачает головой, глядя, как брат протыкает пальцем пузырь жвачки. Не отвесит оплеуху, если Лешка слишком уж достанет.

Теперь придется жить с... чем-то. С чем? Кого переселят в Лешкино тело? Вдруг это кто-нибудь из тех страшных гномов, что Андрей видел сегодня под вагончиком? Например,

тот, с массивным туловищем, на тонких кривых ногах? Или другой, похожий на пиявку, слепой? Или третий, с приплюснутой головой и огромной пастью?

Тошнота усилилась, Андрей задрожал. Но поток мыслей уже было не остановить.

Что происходит во время переселения? Больно ли это? Страшно? Наверняка...

«Так и впрямь до утра не дотяну — крыша съедет», — подумал Андрей, чуть заметно качая головой.

Тело остывало после беготни, становилось холодно. Ежась, Андрей растер плечи ладонями. Легче не стало. Передернув плечами, он уставился в небо.

Черное полотно было щедро усыпано серебряными огоньками. Некоторые мигали, будто живые. А в стороне, казалось, возле самой верхушки одной из сосен, окруженная золотистым сиянием, висела луна.

Опустив глаза, Новожилов уперся подбородком в ладони. Сколько времени прошло с тех пор, как он убежал из лагеря? По ощущениям — уже не меньше шести-семи часов. Но на деле едва ли набежит пара. Значит, до рассвета еще уйма времени, и не остается ничего, кроме как ждать, мерзнуть, прислушиваться и быть готовым защищаться.

«Буду сидеть, — решил Андрей, оглядывая заросли. — В случае чего сразу спрячусь. Может, не заметят. А если заметят и нападут, — он покрепче сжал дубину, — пожалеют».

Становилось холоднее, зубы тихонько постукивали. Вновь задрав голову, Андрей увидел, что луна отплыла от верхушки сосны. Совсем чуть-чуть, но Новожилов был рад и этому: значит, время все еще течет, и рассвет, рано или поздно, наступит.

«Сидеть и ждать. Ничего сложного», — твердил он себе.

Чтобы отвлечься, Андрей решил повспоминать любимые компьютерные игры. Но едва появившись в воображении, монстры с секретных баз или из космоса тут же превращались в страшных гномов. И последние были намного страшнее. Потому что существовали на самом деле...

Потому что рыскали где-то неподалеку...

Потому что... убили Лешку.

Накатила новая волна слез. Андрей съежился и затрясся, часто и прерывисто дыша. Дубина соскользнула со ствола и с тихим шорохом упала в траву.

Почти тут же за спиной зашелестело. Затем хрустнула ветка — и стало тихо.

Андрей вздрогнул. Проглотив слезы, обернулся. Проморгался и прищурился, вглядываясь в темноту. Пальцы правой руки нащупали и стиснули палку.

Шелест повторился — на этот раз ближе.

«Пришли», — понял Андрей, заглатывая воздух.

Он приподнялся и развернулся. Обхватил палку обеими руками, выставил перед собой.

«Давайте, — думал он, борясь с дрожью. — Подходите».

Страх почему-то ушел. Теперь Андрей чувствовал только злость. Страшные гномы украли Лешку. Переселили в тело брата кого-то из своих. А теперь пришли за ним, чтобы сделать то же самое.

Снова шорох. Всего в полутора десятках шагов.

Злость клокотала все сильнее. Андрей оскалился и, не моргая, всматривался в заросли. Ноги чуть сгибались, словно он готовился ринуться на страшных гномов.

«Тело мое хотите?! — Андрей гневно засопел. — Что же, попробуйте забрать!»

Кусты затрещали, и он не выдержал. Завопил и бросился вперед. В несколько прыжков одолел десяток метров. Затормозив, занес палку над головой...

— Не надо!

Услышав голос Оли, Андрей застыл. Отступив, опустил палку и устался на ближайший куст. Тот вздрогнул с тихим шелестом, и из-за листвы вынырнула девочка. Всхлипнув, она подбежала к Андрею и обняла.

— Я думала, все, — прошептала Оля. — Они разбили фонарь, кидались раз за разом. Невозможно было защититься. Я еле убежала.

— Я тоже, — тихо отозвался Андрей. — Пойдем, сядем.

Оля отпустила его, и оба направились к поваленной березе. Сели, девочка посмотрела на часы.

— Сколько? — шепотом спросил Андрей.

— Начало второго. Нам еще часов шесть сидеть — без фонаря по лесу бродить нельзя. Кстати, я тут кое-что нашла. Погоди...

Она встала, направилась к кустам.

— Ты чего? — Андрей обернулся и недоуменно уставился на Олю.

— Какое-никакое, но оружие. Все же лучше твоей палки, — отозвалась та, присев на корточки. — Вот они.

Выпрямившись, Оля развернулась. В одной руке у нее были вилы, в другой топор.

— В случае чего сможем защититься, — сказала она, вернувшись к березе.

— Здорово, — пробормотал Андрей. — А где ты их взяла?

— Недалеко. На костровище. Наткнулась на него, когда убежала, — Оля прервалась, покачала головой. — Никогда в жизни так страшно не было. Мы ведь погибнуть могли! А эти... страшные гномы! Чудовища! — девочка не выдержала и заплакала.

Сглотнув, Андрей осторожно обнял ее за плечи. Так они просидели минут десять.

— Они Егора забрали, — сказала Оля, успокоившись. — Я видела. Накинули ему на голову мешок и поволокли. А те, которые на меня и на тебя нападали, сразу отстали. Они... — она снова всхлипнула, — они как хищники! Отбивают самого слабого!

— Да уж, — пробормотал Андрей. — Знать бы еще, куда они Егора потащили.

«К Себастьяну. Переселять», — подсказал разум, и Новожилова опять затошнило.

— Ничего, — выдавила Оля, шмыгая носом. — Мы выберемся. Нужно только переждать ночь. А потом найдем лагерь и расскажем все взрослым.

— Думаешь, они поверят? В страшных гномов? Брось! — Андрей махнул рукой. — Это бесполезно. Они нам и рта раскрыть не дадут. Воспитка наша — так вообще истеричка.

— Нет, про страшных гномов ничего рассказывать не будем. Скажем, что это были какие-то люди. Тогда поверят. Отправятся в лес и, надеюсь, найдут твоего брата и Егора.

— Лишь бы... — Новожилов с трудом проглотил слезы. — Лишь бы не было поздно. Ты же видела ту девочку. В ней сидит одна из этих тварей. И Лешку с Егором украли, чтобы переселить еще двух страшных гномов.

— Все равно пока рано терять надежду. Мы ведь не знаем, сколько времени надо на переселение. Вдруг страшным гномам еще можно помешать.

«Еще», — мысленно повторил Андрей, горько усмехаясь.

Он вспомнил Стасика. Пацаненок говорил, что девочка пропала до обеда, а вернулась к сончасу. То есть, ее не было не больше трех часов.

«Нет у нас надежды», — Андрей покачал головой, чувствуя, что горло вновь сдавливает от слез.

Немного посидели молча. Несколько раз Новожилов поднимал глаза и смотрел на луну.

Разумеется, она отплывала от верхушки сосны. Но очень медленно...

«Сидим и ждем», — твердил себе Андрей, чуть заметно покачиваясь вперед-назад.

Однажды, возле центрального базара, он видел подростка, просящего милостыню. Тот сидел прямо на асфальте, держал перед собой картонку с выведенными черным маркером каракулями. И тоже покачивался.

«Я как он, — невольно подумал Андрей. — Только прошу не монетки, а солнце».

Неожиданно Оля обернулась и вздрогнула.

— Это еще что? — напряженно пробормотала она, неподвижно глядя в сторону. — Вон там. Светится.

Андрей вытянул шею и тоже увидел. Между деревьями проплывало маленькое облачко, светящееся синим. И оно двигалось к ребятам.

— Не нравится мне это, — прошептала Оля. Приподнявшись, она взялась за топор. — Давай-ка спрячемся.

Не сводя глаз с облачка, Андрей встал. Нашарил вилы и, выставив перед собой, попятился.

Облачко приближалось. Еще тридцать метров — и оно окажется возле верхушки поваленной березы.

«Что это?» — гадал Андрей, отступая вслед за Олей.

Остановившись возле одной из сосен, облачко задрожало. Стало вытягиваться, и спустя несколько секунд превратилось в девчачью фигурку, окруженную все тем же синим сиянием.

Андрей и Оля переглянулись и вновь попятнулись.

«Бежать надо», — подумал Новожилов, не моргая, глядя на фигурку.

А та, низко опустив голову, сделала первый шаг к ребятам. Второй... Третий... Совершенно бесшумно, будто не касалась земли.

Не выдержав, Андрей развернулся. Потянул Олю за руку, собираясь укрыться в кустах...

— Не убегайте. Пожалуйста. Я не сделаю ничего плохого, — зазвучал высокий голосок.

Андрей и Оля замерли. Переглянулись.

— Останьтесь, — вновь заговорила девочка. Она подходила — или подплывала? — все ближе. — Я хочу помочь.

Оля посмотрела на Новожилова. Чуть заметно кивнула, и оба выпрямились.

Девочка остановилась в пяти шагах. Подняла голову, и Андрей ахнул, увидев ее лицо. Бледное, курносое. С черными провалами глазниц и раной, пересекающей горло.

«Это она. Та самая, которая в Стасика камнем бросила», — понял Андрей, глядя на футболку с Микки-Маусом. Рядом часто и прерывисто дышала Оля.

— Простите, что я такая, — девочка снова опустила голову. Длинные, светящиеся волосы упали на лицо. — Это они сделали. Страшные гномы. Один из них теперь живет в моем теле. А я стала привидением. Но я доброе привидение. Правда. Не бойтесь. Я хочу помочь.

«Вот что происходит во время переселения!» — Андрей почувствовал, что ноги вот-вот подогнутся.

— Да, — кивнула девочка. — Это было очень больно. И теперь то же самое будет с двумя мальчиками.

— Значит, — выдавила Оля, — Лешка и Егор живы?

Девочка снова кивнула.

— Да. Но страшные гномы уже готовятся. Скоро придет самый главный и начнет колдовать. Тогда уже ничего нельзя будет сделать.

— Сколько времени у нас осталось?! — выпалил Андрей, сжимая кулаки. Сердце заколотилось, он чувствовал, как внутри вновь разгорается надежда. — Мы успеем спасти моего брата и Егора?! Ты поможешь?!

— Для этого я и пришла. Не хочу, чтобы страшные гномы продолжали убивать.

— Как их найти?!

— Я покажу. Это не так далеко, — девочка приподнялась в воздухе, повернулась и немного отплыла в сторону. — В лесу есть овраг. Там все и происходит.

Андрей обернулся к Оле.

— Я сейчас сойду с ума, — прошептала та, качая головой. — Но надо идти. Я верю ей. Она поможет.

— Да, — кивнул Андрей. — Идем.

Услышав это, девочка медленно поплыла вперед. Андрей и Оля, подхватив оружие, пошли следом.

— А как тебя зовут? — спросила Оля.

Девочка печально вздохнула.

— Я больше не живу, как человек. Поэтому у меня нет имени. Но раньше меня звали Викой Лебедевой. Я первый раз поехала в лагерь. Волновалась очень. И мама волновалась, даже плакала, когда автобусы отъехали. Я видела из окна. Мне тоже тогда заплакать хотелось, но я вытерпела.

— Умница, — одними губами произнесла Оля.

— Наверное, — тон Вики стал задумчивым. — А в лагере мне очень понравилось. Даже дружить уже с девочками начала. Мы на дискотеке вместе играли. А потом... — она вздохнула, — после отбоя я пошла в туалет. И увидела в окне страшного гнома. Он посмотрел на меня, оскалился и облизнулся. Я думала, он сейчас окно разобьет. Заберется, схватит меня и съест. Испугалась очень, заплакала, убежала. Хотела воспитательницу позвать, но та рассердилась, сказала, чтобы я не выдумывала. И вожатые тоже не поверили, и девочки...

«Стасик то же самое говорил», — подумал Андрей.

— И как ты оказалась у страшных гномов? — осторожно спросила Оля.

— Днем, во время праздника на танцплощадке. Я пошла в палату, а там были они. Сразу трое, очень страшные и злые. Они накинулись и утащили меня в лес. К оврагу. Сначала смеялись и даже как будто разговаривали. Дразнили того, который теперь в моем теле. У него был огромный живот, и остальные его называли Брюхатым. Говорили, что он теперь девчонка. Я то есть. Потом подошел самый главный и страшный. Он что-то бормотал, потом взял инструменты... — Вика умолкла. Помолчав с полминуты, она прошептала: — Был очень больно.

— Бедная, — Оля всхлипнула.

«Ужас! — Андрей покачал головой, представив овраг и свору веселящихся, булькающих тварей. — Они хуже зверей!»

— Теперь я привидение, а лес — мой новый дом, — вновь заговорила Вика. — Но я здесь не одна. Есть еще мальчики и девочки. Из поселка и из города. Их тоже поймали страшные гномы.

— Это тоже призраки? — спросил Андрей.

— Да. Но они не хотят показываться. Только один мальчик сегодня встретился вашему вожатому. Отвел его к оврагу, хотел предупредить. Но днем мы не можем разговаривать.

— Значит... — Андрей через силу выталкивал слова. — Значит, если мы опоздаем, Лешка и Егор тоже станут привидениями?

— А их тела займут страшные гномы, — ответила Вика. — Но вы можете их спасти. Я чувствую. Что-то случится.

— Что?

— Не знаю, — Вика виновато вздохнула. — Просто чувствую.

«Что-то случится», — мысленно повторил Андрей. Страх все сильнее ворочался внутри. Руки дрожали, и вилы, казалось, становились тяжелее.

— Очень жалко маму и папу, — сказала Вика. — Им теперь придется жить со страшным гномом. А он очень злой. Он будет делать много плохого.

«Уже делает, — Андрей вспомнил вопли Стасика, его окровавленное лицо. — Не дай бог, Лешка станет таким же».

— Нам еще далеко? — спросил он.

— Не очень, — ответила Вика. — Скоро придем. Но будьте осторожны. Страшных гномов много, и они очень сильные. А их главный умеет колдовать.

Андрей сглотнул. Такого не было ни в одной компьютерной игре.

Перед глазами возникла их с Лешкой комната, затопленная полумраком. Брат сидел на его кровати, раскачивался взад-вперед и ухмылялся. А под глазами и на горле чуть заметно светились розовые пятна.

— Это следы, — сказала Вика, и Андрей понял, что девочка-привидение прочитала его мысли. — Они остаются, когда душа страшного гнома переходит в тело. Тот, самый главный... У него есть инструменты. Он выкалывает глаза, перерезает горло. И колдует. Это очень больно, — Вика всхлипнула.

Остановившись, Андрей зажмурился и крепко стиснул зубы. Голова кружилась, он из последних сил держался на ногах и боролся с тошнотой.

Инструменты...

Выкалывает глаза...

Перерезает горло...

Колдует...

— Ты чего? — Оля приблизилась, положила ему руку на плечо.

— Он... — прохрипел Андрей. — Он скоро займется Лешкой. Идем.

Он открыл глаза и решительно шагнул вперед. Вика, не оборачиваясь, поплыла быстрее.

— Простите, что пугаю, — виновато сказала она. — Но вы должны знать и быть осторожными.

— Все правильно, — ответила Оля. — Ты молодец.

— Спасибо, — в голосе Вики чувствовалось тепло.

«Инструменты... Выкалывает глаза... Перерезает горло... Колдует...» — все еще звучало в голове. Андрей вспомнил вагончик и жуткие железяки на полках. Изогнутые, холодные, словно созданные, чтобы причинять боль.

Инструменты...

Внезапно Вика остановилась. Вздогнула и задышала. Часто-часто, со всхлипами.

— Что такое?! — в один голос спросили Андрей и Оля.

Вика обернулась, подняла голову, и Новожилова передернуло.

— Начинается, — с отчаянием сообщила девочка-призрак. — Один мальчик уже лежит. Его привязали, а главный колдует. Я чувствую.

— Мы можем успеть?! — Андрей подался вперед, стискивая рукоять вил. — Есть шанс?!

— Надо быстрее, — ответила Вика. Она опустила голову, отвернулась и поплыла дальше.

«Только не это!» — подумал Андрей, бросаясь следом.

Девочка-призрак плыла, не сворачивая, просачиваясь сквозь деревья. Андрею же и Оле приходилось то и дело петлять. Ребята задыхались, но не сбавляли темпа.

«Скорее!» — думал Андрей, выставив вилы. Он был готов пустить оружие в ход в любую секунду.

Вспомнилась первая стычка со страшными гномами. Визг, хрипы, бульканье. Везде безобразные, мечущиеся тени. Жуткая вонь. И теперь предстоит еще один бой, который обещает быть еще труднее и опаснее.

«Пускай, — твердил себе Новожилов. — Лишь бы спасти Лешку».

Он много раз в одиночку врвался в логова зомби, мутантов или инопланетян. Оскалившись, крошил уродцев налево-направо. Дома, перед монитором. В безопасности — и потому полный бесстрашия. А вот столкнуться с жуткими тварями, которых вообще не должно быть, вживую... Андрей часто задавался вопросом: как бы это было.

«Вот и узнал», — он передернул плечами и поднажал.

Вика плыла впереди, Оля бежала рядом.

Сколько еще до оврага? И сколько времени осталось до того, как самый главный и самый страшный гном закончит переселение?

Неизвестно...

Девочка-призрак снова остановилась. Вжала голову в плечи, обернулась и зашептала:

— Они близко! Готовьтесь!

Почти тут же послышались шаги и хорошо знакомое бормотание.

«Вот. Снова», — мелькнуло в голове.

Андрей и Оля переглянулись. Бросились в ближайшей березе, встали спиной к стволу. И тут показали они...

У одного, казалось, не было головы. Он передвигался на коленках, рывками, откинувшись назад, и тянул длинные, изломанные лапы. Второй напоминал огромную грушу с разбухшими руками и ногами.

Увидев ребят, страшные гномы на секунду замерли. Потом завизжали и бросились в атаку.

Заорав, Андрей выставил вилы и пошел на безголовую тварь. Ударил. Страшный гном вздрогнул. Не переставая верещать, заметался. Новожилов проткнул его еще раз. На этот раз вилы застряли, и Андрей едва не выпустил оружие. Оскалившись, он навалился на рукоять всем весом. Внутри у чудовища хрустнуло, забулькало. Оно взвизгнуло, захрипело и обмякло. Стиснув зубы, Андрей выдернул вилы и кинулся к Оле.

Та размахивала топором, и страшный гном никак не мог подобраться. Он топтался, урчал. Изредка взмахивал лапами.

— Получай! — выкрикнул Андрей, пронзая грушеподобное туловище.

Страшный гном задергался, зашипел. Лапы обхватили вилы, потянули на себя. От неожиданности Андрей запнулся. Плюхнулся на колени и выпустил оружие. Уродец с

победным воплем отшвырнул вилы и сцапал Новожилова за футболку.

Ткань затрещала. Андрей завертелся, пытаясь вырваться. Но мягкие влажные пальцы уже коснулись горла.

«Конец!» — подумал Андрей, чувствуя, что не может сопротивляться. От запаха гнили потемнело в глазах. Замутило.

И тут что-то произошло. Страшный гном хрипнул, содрогнулся. Хватка исчезла. Мгновением позже тварь издала ноющий звук и мешком упала на траву.

Тряхнув головой, проморгавшись, Андрей поднял глаза и увидел Олю. Девочка стояла позади уродца и дрожала, обеими руками сжимая топор.

— Он чуть не убил тебя! — выдавила она и заплакала.

Андрей поднялся, взял вилы, подошел к Оле.

— Надо торопиться, — заговорила Вика. — Страшные гномы чувствуют друг друга и скоро будут здесь.

— Пойдем, — прошептал Андрей.

Оля кивнула, вытерла слезы, и оба направились вслед за Викторией.

— Что сейчас происходит в овраге? Можешь сказать? — обратился Андрей к девочке-привидению.

— Они готовятся. Мальчик лежит, привязанный. Ему очень страшно. Он плачет и зовет на помощь. А страшные гномы радуются. Им хорошо, когда другие боятся.

«Неудивительно», — ежась, подумал Новожилов.

Место сражения осталось в паре сотен метров, когда по лесу разнесся злобный рев.

Ребята вздрогнули, замерли и обернулись. Твари все еще ревели, но были далеко. Пока...

— Страшные гномы нашли двух мертвых, — сообщила Вика. — Они злятся и скоро начнут догонять. Пойдемте.

Вопли стали громче. Значит, уродцы уже бегут по следу.

«Их больше, — понял Андрей, прислушиваясь к воплям. — Пятеро или даже шестеро».

Он не знал, как справиться с такой стаей.

Гонка не прекращалась. Страшные гномы приближались — Андрей уже мог различить шорох листвы и травы. Твари квохтали, урчали, взвизгивали. Они чувствовали добычу.

Усталость вновь напоминала о себе. Ноги и руки отяжелели, футболка липла к вспотевшей спине. Голова горела изнутри, в горле колело, а легкие требовали воздуха.

«Долго я так не выдержу, — с отчаянием понял Андрей. — Где же этот овраг?!»

Шаги за спиной становились все отчетливее. Страшным гномам оставалось наверстать всего полсотни метров.

— Мы уже почти на месте, — сказала Вика. — Потерпите чуть-чуть!

«Терпим!» — мысленно прорычал Новожилов.

Из-за ближайшей сосны вынырнула приземистая тень. Заклекотав, страшный гном растопырил лапы, похожие на крабьи клешни. Взвизгнув и кинулся на Андрея.

Тот увернулся, затормозил и отступил к дереву. Уродец замотал бугристой башкой, наклонился и снова атаковал. Андрей еле успел выставить вилы. Зубья вонзились в горло твари. Та хрипнула, затряслась, дергая клешнями. Упершись подошвой в голову страшного гнома, Андрей оттолкнул его. Уродец застонал и упал в траву.

Перехватив вилы, Новожилов бросился было за Викторией, но тут из кустов выскочили еще три страшных гнома.

Двоих он уже встречал — слепую пиявку и ее поводыря с приплюснутой головой. Третий едва держался на полусогнутых лапах и клонил вперед раздутую башку. Коротенькие ручки безжизненно висели вдоль узкого туловища.

Не дожидаясь, пока чудовища бросятся в бой, Андрей сделал выпад. Пиявка отшатнулась и взмахнула лапой. Не удержала равновесия и повалилась. Шагнув вперед, Андрей размахнулся и пришил ее к земле. Тварь задержалась, завозила в траве лапами.

Страшный гном с раздутой головой зашипел. Кинулся вперед и боднул Новожилова в бок. От неожиданности тот охнул, качнулся и чуть не упал. Хотел ударить коленом, но уродец увернулся.

Пиявка все еще барахталась. Возила по траве лапами и головой и орала. Третий страшный гном стоял и лишь дергал за веревку, привязанную к правой лапе пиявки.

Тварь с огромной головой снова кинулась на Андрея. Тот выдернул вилы и ударил ее рукоятью. Страшный гном отскочил и заметался. Не удержал равновесия, упал и стал барахтаться, пыхтя и взрыкивая.

Чудище, похожее на пиявку, наконец, затихло. Ее поводырь выпустил веревку, затрясся. Разинул пасть и с ревом ринулся на Андрея.

— Получи! — выдохнул Новожилов, делая тычок вилами.

Страшный гном нырнул под зубьями. Ушел в сторону и, не переставая реветь, замахал руками.

— Помогите! — послышался за спиной голос Оли.

Андрей обмер. Позабыв о страшном гноме, обернулся. Шагнул вперед, надеясь углядеть девочку. В ту же секунду уродец вцепился ему в руку и повис, дергаясь и суча ногами.

— Отцепись! — зарычал Андрей. Он выронил вилы, схватил страшного гнома за тонкую шею и стал душить.

Тварь захрипела, пустила слюни, но не думала ослаблять хватку. Андрей завертел головой, потом замер, глядя на березу в пяти шагах. Сжав глотку страшного гнома еще сильнее, он метнулся к березе и придавил уродца к стволу собственным весом.

Тот заверещал и отцепился. Упал и тут же получил кроссовкой по безобразной голове. Затрясся, стал отползать.

Не сводя с него глаз, Андрей отступил и тут же наткнулся спиной на что-то твердое и острое.

— В-вфо-от и вф-фс-с-сео-о! — прогнусавили сзади. — По-оп-па-алс-сь!

Вздрогнув и обернувшись, Андрей увидел двух страшных гномов. Твари топтались в паре метров, выставив вилы. Тот, что был впереди, время от времени откидывал маленькую голову, и по выгнутому вперед туловищу пробегала дрожь. Тело второго, казалось, состояло из пульсирующих комьев. Кривые, буквой «О» ноги то и дело подгибались. Оба тяжело, с хрипом втягивали воздух.

— Н-не дер-рхр-р... а-айс-сь! — рыкнул один.

«Не дергайся», — мысленно перевел Андрей.

Справа затрещали ветки, послышалось довольное бульканье. Повернувшись, Андрей увидел Олю и трех тварей. Руки девочки были связаны за спиной.

— Они напали... — Оля всхлипнула. — Все разом. Ничего нельзя было сделать.

Тем временем страшный гном с приплюснутой головой поднялся. Двигаясь рывками, приблизился к неподвижной пиявке. Наклонился, подобрал веревку. Несколько раз дернул. Ничего не произошло.

Несколько секунд тварь стояла, напоминая уродливую статую. Потом повернулась к Андрею, заревела. Вытянув руки, разинув пасть, бросилась вперед. Добежав, она вцепилась в футболку и повисла.

— Отвали! — выкрикнул Новожилов, отступая, и тут же получил болезненный укол в спину.

Страшный гном все еще висел, несильно пиная Андрея по ногам.

«Он мстит!» — понял тот, с ужасом глядя на уродца.

В стороне заплакала Оля. Твари тут же оживились, забулькали. А поводырь никак не желал отпускать футболку, и Андрей чувствовал: еще чуть-чуть — и сердце не выдержит.

— Х-хв-ва-атит! — просипели сзади. — П-повф-фо-о... др-рь!

Страшный гном зло рыкнул и отцепился. Отошел, заревел на Андрея, дернул руками и направился к пиявке.

Осторожно обернувшись, Андрей увидел уродца с огромной головой. Тот сумел подняться и теперь неуклюже приближался к пленнику.

— А в-вы с-сме-елы-ыэ, — вытолкнул страшный гном. Он остановился перед Андреем. — Э-эт-т... х-хр-рш.

Тварь дернула недоразвитой рукой, и Андрея снова кольнули вилами. Сморщившись, он шагнул вперед.

— Пш-ш-шли-и, — уродец повернулся спиной и поковылял к кустам. Андрей медленно двинулся следом. Сзади тут же затопали.

Взвизгнув, Оля поравнялась с Новожиловым, и страшные гномы опять развеселились.

— Жш-шеэ-эних-х и не-евфе-ес-с-ста-а! — выдохнул один. Остальные восторженно захрипели.

«Жених и невеста», — повторил про себя Андрей.

Он посмотрел на Олю. Та шла, опустив голову и глотая слезы. Твари за спиной сопели и топали. Им было весело. Еще бы: переселить четверых за одну ночь.

«Конец», — крутилось в голове.

Удивительно, но больше Андрей не ощущал страха. Все чувства ушли, оставив его с безысходностью один на один.

А безобразный конвой продолжал ликовать. Уродцы то и дело тыкали вилами в Андрея и Олю. Девочка вскрикивала, Новожилов лишь шипел сквозь стиснутые зубы. Страшный гном с раздутой головой, переваливаясь, шел впереди.

Так прошло минут пять. Потом впереди показалась пара оранжевых огоньков, послышалось бормотание. Ноздрей коснулся запах дыма и гари.

— Пр-рш-ш-шли-и, — уродец обернулся, с трудом поднял голову.

Сделав еще несколько шагов, Андрей и Оля остановились на краю оврага. Внизу, воткнутые в землю, горели четыре факела. Пятна света скользили по заросшим склонам и ближайшим деревьям. Дно оврага было завалено уродливыми костями. В центре стояла врытая в землю больничная каталка. Пустая.

«Опоздали, — понял Андрей, не сводя глаз с темных пятен на поверхности каталки. — Одно переселение уже состоялось».

Взгляд скользнул ниже — на кучу костей. Некоторые, неподалеку от каталки, слегка дымились.

— Мамочки, — прошептала Оля.

Андрей посмотрел на девочку. Та закрыла глаза и отвернулась от оврага. Сзади

послышалось одобрительное бульканье. Новожилов сжал кулаки и тут же получил укол в левый бок. Оскалился, но не издал ни звука. Тварь за спиной хрюкнула и снова ударила вилами. В этот раз Андрей не выдержал — вскрикнул, вызвав очередную волну злого веселья. Оля заплакала.

Страшный гном с раздутой головой шагнул вперед, завалился и съехал по склону. Поднялся, подошел к каталке. Наклонился, обнюхал дымящиеся кости и довольно заурчал.

— С-се-еэб-бас-с-сья-ан! — позвал он, выпрямившись.

«Себастьян», — по привычке перевел Андрей.

На противоположной стороне вздрогнули кусты. Спустя пару секунд показался еще один страшный гном.

«Вот он, — понял Андрей, глядя на уродца. — Самый главный и самый страшный».

Эта тварь была гораздо крупнее собратьев. Мясистые ноги сгибались назад, будто у насекомого. Лицо жутким барельефом выпирало из груди, а руки... Их было три. Маленькие, точно взятые у куклы, с четырьмя пальцами — они росли из большого лилового горба.

Себастьян поймал взгляд Андрея и растянул кривые губы в ухмылке. Медленно моргнув, раззявил пасть и захрипел.

— С-се-еэб-бас-с-сья-ан! — повторил большеголовый страшный гном. — С-смо-отр-р-ри! — он повернулся и неумелым кивком указал на Андрея и Олю.

— А-а. Еще тела-а, — почти не коверкая, произнес Себастьян. Он все не отрывал от Новожилова мутных, выкаченных глаз. — Э-эт-то преэ-экрас-сно-о. Зна-ачш-ши-ит, ты-ы будеш-шь слеэдующ-шим.

Уродец возле каталки забулькал, задрожал. Он радовался. Остальные — за спиной Андрея — начали шипеть и урчать. Злобно, с завистью.

«Им всем не терпится переселиться», — понял Новожилов.

— Х-хо-орош-шо, — Себастьян потоптался, потом стал спускаться. Все три руки выпрямились и напряглись, отчего горб начал пульсировать. Добравшись до каталки, он поравнялся с большеголовым и, повернувшись боком, выкрикнул: — Да-авайте его с-сюу-уда!

Кусты снова затрещали. Из листвы вынырнули еще два уродца. Один сгорбился так, что едва не касался земли выпуклым лбом. Он неумело переставлял короткие ноги без коленных суставов, но с огромными трехпальными ступнями, и помогал себе единственной, согнутой в трех местах лапой. К тонкому шишковатому запястью была привязана веревка.

Другой держался за веревку короткими, покрытыми язвами руками. Голова твари наполовину вросла в плечи. Отвисший живот и тонкие ноги были обезображены темными ранами.

Страшные гномы остановились. Обернулись к кустам, ухнули и дернули за веревку. Та натянулась, и из кустов донесся вопль.

— Лешка! — прошептал Андрей. Он невольно шагнул вперед, за что тут же получил вилами в спину.

Твари с веревкой заорали. Дернули сильнее и стали спускаться. Через пару секунд из кустов показался Лешка.

От футболки брата остались лохмотья, волосы торчали во все стороны. На лице и руках темнели пятна грязи. Запястья стягивал большой узел.

— Отстаньте! — завизжал Лешка, приседая. Брата трясло, он то и дело хватал ртом воздух. — Опять туда?! Не хочу! Не пойду!

Уродцы зарычали и снова дернули. Лешка подался вперед и едва не плюхнулся на колени. Заплавав, он стал спускаться вслед за страшными гномами.

— А-а вф-фы-ы б-бу-удеэ-этеэ с-смо-отр-рх-хр-реэ-эть, — с наслаждением прохрипели за спиной.

Андрей поборол желание обернуться и стиснул зубы. Лешка почти спустился. Скоро его подведут к Себастьяну. Потом привяжут к кушетке. Самый главный и самый страшный гном начнет колдовать. И тогда будет очень больно.

«Нужно что-то делать, — колотилось в голове. — Нельзя стоять и смотреть».

Сердце порывалось выскочить из груди. Во рту было солоно. А мысли крутились, подобно маленькому черному смерчу — не остановить, не выудить хотя бы одну дельную.

Лешка оказался на дне оврага. Ссутулился, отвернулся. Себастьян, переваливаясь, подошел к нему. Чуть наклонился, и кукольная рука взяла Лешку за подбородок...

— Не трогай! — выкрикнул Андрей.

Отпустив Лешкино лицо, Себастьян медленно развернулся и посмотрел на Андрея. Казалось, с недоумением. Затем ухмыльнулся и ударил Лешку ногой в живот. Брат охнул, согнулся и плюхнулся на землю.

— Урод!

Зарывав, Андрей бросился по склону. Сзади заверещали страшные гномы, но ему было все равно. Он видел только Себастьяна.

Уродец отошел на пару шагов. Чуть наклонился, готовясь к атаке.

Под кроссовками хрустнули кости переселенных тварей. Снова затошнило. Однако Андрей по-прежнему шел на Себастьяна. Тот зарычал, выпуклые глаза потемнели.

Внезапно нога соскользнула. Лодыжку пронзила боль. Охнув, Андрей потерял равновесие и упал на колени. В кожу тут же впились осколки костей.

Несколько секунд ничего не происходило. Новожилов слышал только треск огня, хриплое сопение страшных гномов и плач брата и Оли. Потом твари начали хохотать. Они клекотали, урчали, булькали, кашляли. Большеголовый повалился возле каталки и задергал ногами. Медленно обернувшись, Андрей увидел, как остальные уродцы тоже вздрагивают и извиваются. Не ликовал только Себастьян.

Страшный гном был неподвижен, словно все еще готовился отразить нападение, и злобно буравил Андрея глазами. Кривые губы дергались. Все три руки медленно сгибались и разгибались, шевелили короткими пальцами.

Оскалившись, он сделал несколько шагов. Навис над Новожиловым...

— Посмотри сюда! — послышался знакомый голос.

Тут же громко хлопнуло. Себастьян вздрогнул, отшатнулся. На месте уродливого лица образовалась кровавая дыра. В утробе страшного гнома забулькало. Он задрожал, присел. Руки задергались, горб вновь начал пульсировать. Из раны выплеснулась темная жижа, и страшный гном повалился на бок.

Дрожа, Андрей обернулся и увидел Максима. Вожатый стоял на середине склона, выставив двустволку.

В ту же секунду над оврагом разнеслись вопли страшных гномов. Твари заметались. Большеголовый так и не сумел встать. Он издавал ноющие звуки, дергал недоразвитыми руками, тарачил единственный глаз. Двое тех, что привели Лешку, отпустили веревку, бросились к склону и стали карабкаться. Земля осыпалась, твари то и дело съезжали и яростно шипели друг на друга.

Несколько чудовищ побежали к Максиму. Тот спустился и, держа ружье перед собой, пятился. Грохнул еще один выстрел, и тварь с комковатым туловищем отбросило на пару шагов. Остальные замерли, расступились и захрипели, хищно глядя на вожатого.

— Не спи! — Оля крикнула прямо в ухо.

Андрей тряхнул головой, повернулся и увидел девочку.

— Помоги развязать руки, — сказала та, поворачиваясь спиной. — Потом освободим Лешку.

Наклонившись, Андрей стал возиться с узлами. Спустя пару минут веревки упали, и друзья бросились к Лешке.

Брат так и не поднялся. Он лежал на боку, закрывая лицо связанными руками, и беззвучно плакал. Андрей присел рядом и вцепился в веревку пальцами.

Лешка поднял глаза, прерывисто вздохнул и прошептал:

— Я первым был.

— Что? — переспросил Андрей, распутывая узлы.

— Первым, — уже громче произнес Лешка. — Они сначала меня хотели положить, — он кивнул на каталку. — Потом Егора притащили, и тот, с огромным носом, сказал, что хочет быть толстяком.

— Какой еще с огромным носом?

— Такой же, как эти. Страшный гном. Он как Егора увидел, сразу передумал. Толстяком захотел быть.

Андрей отбросил веревки, помог Лешке подняться. Брата качнуло, Оля поддержала его за руку.

Чудовища продолжали метаться по оврагу. Одно наступало на Максима, а тот пытался перезарядить двустволку.

Лешка сделал пару шагов. Потом застонал. Отвернулся, бухнулся на колени, и его вырвало.

— Поднимайся, — Андрей взял брата за плечо, несильно потянул. — Надо бежать.

Сплюнув, Лешка выпрямился. Грохнул выстрел. Ребята вздрогнули, обернулись и увидели, что Максим попал в большеголового. Уродец сучил ногами, из развороченной шеи бил темный фонтанчик. А вожатый снова нажал на спусковой крючок. Услышав грохот, твари отступили и пригнулись, но ни одна не упала.

Отбежав, Максим полез в карман за патронами. Страшный гном с приплюснутой головой бросился под каталку и вытащил из груды останков острую кость. Разинув пасть и замотав башкой, с ревом кинулся на вожатого. Тот едва успел отскочить и выронил патрон. Остальные твари радостно зашипели и ринулись в атаку.

Максим попробовал отмахнуться ружьем, но двое уродцев ухватились за ствол. Остальные тут же обступили вожатого, вцепились в джинсы и футболку. Заорав, Максим упал на колени и скрылся под уродливыми телами.

Андрей растерянно переглянулся с Олей и Лешкой.

— Надо помочь, — прошептал он. — Иначе его разорвут.

— Надо, — кивнула Оля. — Вилы и топор остались наверху. Давай быстрее.

Крадучись, ребята подобрались к склону и начали карабкаться. Рев страшных гномов с каждой секундой становился громче. Слышался звук ударов.

«Только бы он выдержал», — думал Андрей.

Словно в ответ, снизу донесся крик вожатого.

Ребятам, наконец, удалось выбраться. Они выпрямились и застыли — со всех сторон к оврагу слетались окруженные синим свечением фигуры. Невдалеке Андрей заметил Егора Толстяк, без глаз и с раной, пересекающей горло, подплыл к Новожилову.

— Мы пришли помочь, — сказал призрак. — Теперь у нас хватит сил, я убедил остальных. Вы сможете спастись.

Страшные гномы что-то почувствовали. Они прекратили реветь и стали расползаться в разные стороны. Максиму удалось подняться. Шатаясь, вожатый взял двустволку и спиной вперед приблизился к склону.

— Мы убьем страшных гномов. А потом уйдем навсегда, — Егор грустно улыбнулся. — Я рад, что познакомился с вами, ребята. И рад, что могу помочь, — он обернулся и посмотрел на остальных призраков. Те замерли, будто ждали команды. — Нам пора. А вы лучше уходите. Не надо на это смотреть.

Лешка снова заплакал. Он шмыгал носом и бормотал:

— Носатый... Он сам захотел...

Егор посмотрел на него и улыбнулся.

— Я знаю. Да, это было больно и страшно. Но теперь все закончилось. Ты ни в чем не виноват. У нас хватит сил. Мы больше не будем призраками. Пойдем дальше. И спасем всех от страшных гномов.

Лешка спрятал лицо в ладонях и зарыдал. Андрей обнял брата и неуверенно кивнул Егору. Призрак еще раз улыбнулся и заскользил вниз по склону. Вслед за ним стали спускаться и остальные.

Страшные гномы испуганно урчали, кряхтели и прижимались к земле. Максима не было видно.

«Что-то будет... — подумал Андрей и вспомнил слова Вики: — Что-то случится. Она чувствовала».

Среди окруженных свечением фигур он увидел девочку. Та скользила рядом с Егором. Почувствовав взгляд, она повернулась к Андрею и махнула рукой.

Призраки спустились. Страшные гномы взвыли и стали корчиться.

Сзади послышались шаги. Вздогнув, Андрей обернулся и увидел Максима. Выглядел вожатый неважно: лицо и руки расцарапаны, в пятнах грязи, на одежде дыры. Спотыкаясь, он подошел к ребятам и хрипло спросил:

— Вы как? Нормально?

— Да, — кивнул Андрей. — Более-менее.

Уродцы завизжали. Новожилов сморщился и повернулся к оврагу.

Призраки взяли за руки и медленно кружились. В стороне, сбившись в кучу, дергались страшные гномы. Время от времени они замирали и, уставившись на привидений, хрипели — со страхом и ненавистью.

«Они боятся тех, кого убили», — понял Андрей, глядя на хоровод светящихся фигур.

Те кружились все быстрее. Каталка начала подрагивать. Вскоре она оторвалась от земли и, переворачиваясь, полетела в заросли. Страшные гномы отозвались испуганным воем. Один попытался отползти по склону, но ему словно притянуло обратно.

Призраки превратились в светящийся синий смерч. С тихим свистом он удлинялся, становился тоньше и уходил в землю. Скоро смерч полностью скрылся, и стало тихо.

«Что дальше?» — недоумевал Андрей. Он посмотрел на страшных гномов. Те неподвижно паялились на уродливые останки.

Прошло еще несколько безмолвных мгновений, и Андрей увидел, что кости начинают светиться — все тем же синим. Они зашевелились, застучали. Несколько соединились и взлетели. К ним, будто магнитом, притягивало позвоночники, ребра, кости руки и ног, черепа. И все это собиралось в единую конструкцию — шевелящуюся и непрерывно щелкающую.

Из кучи уродливых тел донесся скулеж. Страшные гномы заворочались. Каждый пытался укрыться за собратом. Краем глаза Андрей заметил, что одному удалось выскользнуть, взобраться по склону и скрыться в кустах.

Окруженные синим свечением кости продолжали соединяться. Призраки строили какое-то существо — многоголовое, многолапое, громоздкое.

Факелы разгорелись сильнее. Пламя трепетало, будто отплясывало дикий танец.

Существо из костей приподнялось, развернулось. Щелкая, поползло к страшным гномам. Твари тут же заверещали. Засуетились и кинулись в разные стороны. Один из тех, что привел Лешку, покрытый язвами, скрылся под волной светящихся останков. Верещание уродца потонуло в треске костей. Потом чавкнуло, и из-под созданного призраками монстра разлетелись темные ошметки.

Сжав зубы, Андрей отвел взгляд. Оля зажмурилась и зажала рот ладонями. Лешка лише выругался.

А страшные гномы отозвались истошными воплями. Твари вновь сбились в кучу. Теперь они сами напоминали единое целое. Уродливое, с множеством кривых рук, ног, туловищ и голов.

Чудовище из костей заработало лапами. Развернулось. Синее свечение стало ярче, и один уродец отделился от общей кучи. Андрей узнал его — тварь с маленькой головой и выгнутым вперед телом держала вилы и не единожды била Новожилова в спину. И теперь страшного гнома затягивало под созданное призраками существо. Он визжал и хрипел. Загребал костлявыми лапами. Но спустя минуту и от него остались лишь куски плоти, разбросанные по оврагу.

— Сколько так будет? — с дрожью спросил Максим.

«Пока оно не убьет последнего страшного гнома», — мысленно отозвался Андрей.

Не стало еще одного уродца. Смотреть на это было невыносимо, но Новожилов терпел. Он не собирался уходить, пока созданное призраками существо не расправится с последним страшным гномом.

И оно расправлялось. Накрыло очередную тварь. С треском раздавило и стало притягивать следующую. Потом еще. И еще...

Через пять минут в овраге остался лишь один страшный гном. Горбатый, со скособоченной башкой и разными по длине руками. Он сучил единственной ногой и пытался защититься, метая в монстра из костей комья земли. Тот медленно подобрался к жертве. Поднял подобие лапы и обрушил на уродца.

«Все», — подумал Андрей, выдыхая.

Вслед за секундным облегчением пришла усталость. Такая, что Новожилову казалось, будто на спину привесили здоровенный валун. Из чувств осталось лишь желание повалиться, закрыть глаза и уснуть. А проснувшись, не помнить ничего. По крайней мере, с того момента, как автобусы отъехали от городских курантов.

Созданное призраками чудовище не шевелилось. Синее свечение перестало быть ровным — оно то вспыхивало, то почти гасло. Над оврагом разнесся звук, похожий на вздох,

и кости перестали светиться. Они только изредка пощелкивали и падали, одна за другой.

Пламя факелов затрепетало. Послышался треск, и существо из костей взорвалось. Осколки полетели во все стороны, ребята едва успели пригнуться. Мгновением позже огонь погас. Луна пряталась за облаком, и над оврагом сгустилась темнота.

Андрея качнуло. Тряхнув головой, он сделал несколько шагов и обернулся к Лешке, Оле и Максиму.

— Я... — вожатый прервался, кашлянул. — Я не знаю, что сказать. И как все это объяснить.

«Не надо ничего объяснять, — подумал Новожилов. — И рассказывать никому не надо — все равно не поверят. А забыть не получится. Придется терпеть. Всю жизнь...»

Он болезненно сморщился и поджал губы. В лесу было тихо, однако Андрей словно все еще слышал визг страшных гномов и треск костей. А перед глазами то и дело мелькали уродливые силуэты.

— Ладно, — снова заговорил Максим. — Нам нужно вернуться в лагерь. Идемте, — он развернулся, немного отошел. — Я тут где-то фонарь оставил. Хорошо бы найти.

— Да, — кивнул Андрей. — Пошли отсюда.

Он приблизился к Лешке и Оле и вместе с друзьями пошел за вожатым. Тот время от времени прерывисто вздыхал, вздрагивал и покачивался.

«Ему сегодня досталось не меньше, чем нам», — Андрей покачал головой, вспомнив, как уродцы навалились на Максима.

— Вот он, — Максим нагнулся, поднял что-то. Щелкнул, и перед вожатым вытянулся толстый луч света. — Теперь надо найти дорогу к лагерю. Давайте покричим, может, услышит кто-нибудь. Вожатые наверняка до сих пор в лесу. Вас ищут. Вы весь лагерь на уши поставили, — он обернулся и посмотрел на троицу.

— Мы не виноваты, — слабо пробормотал Лешка. — Страшные гномы... — он всхлипнул. — Они украли меня. В туалете. Заткнули рот, накинули мешок на голову и вытащили из окна. Они...

Лешка не выдержал и заплакал. Андрей нахмурился и положил брату руку на плечо. Он понимал, что не один будет помнить...

— Они... — снова заговорил Лешка, — притащили меня сюда, зажгли факелы. Потом привязали к той штуке. Один урод, кривой, с носом на всю голову, ходил рядом и хихикал. А когда Егора привели, урод к нему кинулся и сказал, что хочет быть толстяком. Меня развязали, положили Егора. Ему... — брат замолчал. В горле у него заурчало, и Андрей понял, что Лешку вот-вот стошнит.

— Ему выкололи глаза и перерезали горло, — безжизненным тоном произнес Максим. — И Себастьян переселил душу уроду с носом в тело Егора.

— Да, — сглотнув, кивнул Лешка. — А откуда вы знаете?

— Знаю, — невнятно отозвался вожатый. Андрей заметил, что того начало трясти. — Просто знаю.

«С ним тоже что-то случилось, — понял Новожилов, не сводя глаз с Максима. Он вспомнил, как тот вытаращился, увидев человека на снимке. А теперь вожатый рассказывает, как происходит переселение, упоминает Себастьяна. — Надо выяснить, что именно».

— А мы правильно идем? — спросил Лешка.

— Я надеюсь, — ответил вожатый и, приставив ладонь ко рту, крикнул: — Ау-у-у!

В ответ — тишина.

«Скорее бы в лагерь попасть, — думал Новожилов, плетясь за Максимом. — И заснуть...»

Вожатый снова закричал. Спустя несколько секунд неподалеку затрещали кусты. Все четверо резко остановились.

— Слышали? — Максим обернулся к ребятам. Вдохнув поглубже, он еще раз крикнул. Шорох стал громче и ближе. Но никто не ответил, и Андрею стало не по себе.

«Если бы там был кто-то из лагеря — давно отозвался бы», — думал он, пятясь.

Поймав взгляд Оли, Новожилов понял, что девочка тоже встревожена.

— Эй! — закричал Максим. Он вытянул руку с фонарем и водил лучом влево-вправо. — Идите сюда! Я нашел ребят! Можем возвращаться!

Шаги... Слишком частые...

— Мне кажется, лучше уйти, — тихо сказала Оля. — И побыстрее.

— Сейчас встретимся и пойдем, — ответил Максим.

Шаги приближались, и Андрею становилось все страшнее. Сердце заколотилось, ноги грозили подкоситься.

— Пойдемте навстречу, — вожатый шагнул вперед.

«Не надо», — подумал Андрей, оставаясь на месте. Вслед за страхом пришла дурнота. Спина и ладони вспотели. Дрожь в ногах усиливалась.

Лешка и Оля тоже не спешили за Максимом. Брат напряженно сопел.

— Чего вы?! — сердито спросил вожатый, обернувшись. — Давайте быстрее! Или не нагулялись еще?!

— Нагулялись, — пробормотал Андрей, нехотя приблизившись к Максиму. Лешка и Оля двинулись следом.

Вожатый кивнул, сделал несколько шагов. И замер, испуганно охнув — луч света выхватил страшного гнома.

Тварь стояла возле старого сухого пня, едва видимого за кустами. Горбатая и худая, она закрывала голову тонкими руками с вывернутыми кистями, чуть заметно раскачивалась и похрипывала.

Андрей сглотнул и попятился. Он вспомнил, как один уродец успел выбраться из оврага, пока существо из костей расправлялось с остальными.

«Опять!» — мелькнуло в мозгу.

Новожилов сжал кулаки и стиснул зубы, ожидая, что тварь заверещит и бросится вперед. Но ничего не происходило. Страшный гном топтался на месте.

— Быстро ко мне за спину! — шепотом скомандовал Максим, подавшись вперед.

Андрей переглянулся с братом и Олей и осторожно встал позади вожатого.

«Еще одна тварь, — подумал он, не сводя с уродца глаз. — Или не одна? Вдруг есть еще?»

Он вспомнил овраг. Сколько там было страшных гномов? Что если не все успели к несостоявшемуся переселению и тем самым спасли свои уродливые шкуры? И сейчас, когда Себастьян и большая часть собратьев мертвы, они будут мстить.

Чуть согнув колени, Андрей прислушивался. Ждал, что впереди, слева, справа или сзади затрещат кусты, послышатся шаги, хрипы, рев и вопли... Но нет: оставалось тихо.

— Давайте попробуем обойти его, — прошептал Максим.

Вожатый медленно поднял ногу. Переставил.

Уродец никак реагировал.

«Может, он больной какой-нибудь?» — мысленно предположил Андрей, переступая вслед за Максимом.

Неожиданно страшный гном затрясся. Стал скулить и, не отрывая рук от головы, сделал пару шагов к вожатому.

Тот вскрикнул, отскочил и взмахнул фонарем.

— Уйди от нас! — выкрикнул Максим. — Себастьян мертв! Никто тебя больше не переселит!

Андрея передернуло. Слышать, как вожатый разговаривает со страшным гномом, было жутко.

Тварь затряслась еще больше. Потом отняла руки от головы, и Новожилов увидел ее лицо — угловатую, словно сшитую из разных по величине кусков маску. С рыхлой кожей, тремя глубоко посаженными глазами, десятком ноздрей и двумя беззубыми, слюнявыми ртами.

Тихо выругался Лешка. Оля прижала ладони ко рту и попятилась. А Максим ахнул и, задрожав, опустил фонарь. Морда твари оказалась в тени, зато стала видна впалая грудная клетка. С правой стороны Андрей заметил клеймо — единицу и шестерку.

Вожатый тоже увидел цифры. Бросив фонарь, он сгорбился и затрясся.

— Ше... шестнадцатый... — заикаясь, вытолкнул Максим. Его качнуло. — Шестнадцатый...

Страшный гном вытянул руки и, издав ноющий звук, сделал шаг к вожатому.

«Они как будто узнали друг друга», — невольно подумал Андрей.

Максим закричал и отшатнулся. Тварь замерла.

— Эй! — Оля осторожно направилась к вожатому. — Что с вами?

Тот снова попятился и замотал головой.

— Шестнадцатый... Это шестнадцатый! — выкрикнул Максим и повалился на колени.

Заскулив, уродец вытянул лапу.

— Не могу... — забормотал вожатый, вновь мотая головой. Он уперся руками в землю, развернулся к твари боком. — Не могу быть таким!

— Что он несет? — прошептал Лешка.

Андрей лишь дернул плечами. Он ничего не понимал. А Максим все твердил:

— Не могу быть таким! Не могу!..

«Он напуган», — Новожилов напряженно смотрел на вожатого.

Шестнадцатый заурчал и медленно пошел к Максиму. Тот вскрикнул. Потом развернулся и на четвереньках, не переставая бормотать, бросился в темноту. Уродец словно захныкал. Вытянув лапы, переваливаясь, он побежал следом.

— Подождите! — Оля хотела кинуться за вожатым, но Андрей удержал ее.

— Не надо, — прошептал он, серьезно глядя на девочку. — Что-то не так.

— Ничего не понимаю, — со страхом пробормотал Лешка.

Андрей лишь кивнул. В ту же секунду впереди мелькнул огонек. Затрещали ветки.

Ребята вздрогнули и попятились.

«Кто там еще?» — Андрей нахмурился и сжал кулаки.

Сквозь листву прорезался свет от фонаря, и из зарослей вынырнул крепкий парень в камуфляжной куртке. Несколько мгновений он изучал ребят. Потом облегченно выдохнул:

— Ну, наконец-то! Нашлись!

Он подошел, оглядел каждого.

— Вы как? Не ранены? — осведомился он.

— Нет, — ответил Андрей. — Нормально все.

— Фу-ух. Тогда идем в лагерь, — вожатый покачал головой и с укором оглядел троицу. — Ну и заставили же вы нас поволноваться. По лесу уже второй час бегаем, Светлана Максимовна и воспитательница ваша с ума сходят.

— Извините, — пробубнил Новожилов, опустив голову.

Невдалеке закричали. Вожатый обернулся и, сложив ладони рупором, гаркнул:

— Идите сюда! Нашлись ребята!

Вскоре Андрея, Лешку и Олю обступили еще трое вожатых. Крепкая девица, подстриженная почти под «ноль», долговязый парень в очках и дождевике и лопухий гитарист — на этот раз он был в темном спортивном костюме.

— Здравствуйте! — подбоченился последний. — Вы что же делаете, черти?..

— Не надо, — оборвал парень в камуфляжной куртке. — Объясняться они с воспитательницей и директором будут. А нам сейчас побыстрее бы в лагерь вернуться. Пойдемте.

Девица легонько подтолкнула Андрея в спину и пошла рядом. Она то и дело поглядывала на Новожилова, словно боялась, что тот опять улизнет. Лешка, шмыгая носом, плелся чуть позади.

Минут пять шли молча. Потом лопухому опять приспичило поговорить. Он стал допытываться, «какого хрена вы, сопляки, сюда поперлись?» и так далее. Андрей упорно твердил только «извините» и «мы нечаянно». Лешка и Оля молчали.

Так добрались до лагеря. Увидев ворота, Андрей, наконец, смог облегченно выдохнуть. Обернувшись, он посмотрел на темную стену деревьев.

«Вот и выбрались, — подумал Новожилов. — Еще бы забыть все...»

Но он знал, что собственный разум не окажет такой милости.

— Ну, чего ты застрял опять?! — нетерпеливо осведомился лопухий вожатый. — Еще погулять что ли хочешь?!

Андрей покачал головой и прошел за ворота.

Глава 12. Неожиданная встреча

Федор Иванович только закончил бриться, когда зазвонил телефон. Промокнув подбородок полотенцем, он торопливо прошел в коридор и взял трубку.

— Федор Иванович? Здравствуй, это Корольков, — послышался голос психиатра. — Ты... э-э... не мог бы подъехать? Очень надо.

— Хорошо, — ответил Сбитнев, предчувствуя недоброе.

Он второпях умылся, оделся и, забыв о завтраке, вышел из дому.

На огороды наплывала туча. Резкие порывы ветра поднимали дорожную пыль, заставляли деревья и кусты перешептываться. Улица была пустынна, и Федор Иванович радовался этому. Не хотелось снова встречаться со странными ребятами.

«Скорее», — поторопил Сбитнев сам себя и двинулся к трамвайной остановке.

Когда он вышел рядом с психлечебницей, туча полностью закрыла небо. Ветер стал сильнее, ненастье грозило обрушиться на город в любую секунду.

С тревогой поглядывая вверх, Федор Иванович почти бегом направился к желтому зданию. Прошел по мощеной дорожке, миновал клумбу, и над головой пророкотал гром.

«Успел», — подумал Сбитнев, дергая дверь.

Игорь Витальевич ждал внизу. Доктор сидел на старом диване, напротив заваленного бумагами стола, хмурился и жевал губами. Увидев Сбитнева, он поднялся, молча подошел и пожал руку.

— Я... — он прервался, откашлялся. — Я... не знаю. Поднимемся, сам посмотришь.

Дурное предчувствие усилилось и отозвалось в груди жестоким жаром. Переборов себя, Федор Иванович пошел вслед за доктором. Поднялся по лестнице и, стараясь смотреть только перед собой, двинулся по коридору.

Из кабинета Королькова донесся плач.

Федор Иванович вздрогнул, обернулся.

— Черт, опять, — напряженно пробормотал доктор. — Пойдем. Нужно успокоить ее. Иначе больных напугает.

Он развернулся и вместе со Сбитневым направился к кабинету.

За столом Игоря Витальевича сидела молоденькая медсестра. Светлые волосы девчонки растрепались, круглое лицо опухло от слез, мокрые пальцы комкали бело-синий платок.

Помрачнев, Корольков подошел к медсестре, погладил по спине.

— Света, — тихо произнес он. — Не надо, пожалуйста.

— О-он... Лежал та-ам... На тумбочке, — заикаясь, выдавила медсестра. — Я ду-умала, о-он спит. А о-он... — она снова разрыдалась, приложила платок ко рту.

— Не надо. Не вспоминай, — твердо сказал Корольков. — Только хуже будет, — он посмотрел на Сбитнева, поджал губы. Потом снова наклонился к девчонке. — Ты вот что... Иди домой. Я тебе два дня выходных даю. Отдохни, как следует, выпись. Идет?

Медсестра, все еще подрагивая от слез, кивнула.

— Вот и славно, — Игорь Витальевич улыбнулся. Сбитнев покачал головой, поняв, каких усилий доктору стоила эта улыбка. — А теперь успокойся, приведи себя в порядок и ступай.

Еще раз погладив медсестру по спине, Корольков повернулся к Федору Ивановичу.

Спустя пару секунд оба снова оказались в коридоре.

— Она первая обнаружила, — сказал Игорь Витальевич. — Зашла утром в палату, таблетку ему дать, и увидела. Жаль девчонку, — он опустил глаза, покачал головой. — Мне, многое видевшему, плохо стало, а ей... Как дальше работать здесь будет, не знаю...

— Что ж ты загадками-то говоришь, Игорь Витальич? — Сбитнев с легким укором посмотрел на доктора.

— Сам сейчас все увидишь, — тот толкнул дверь восьмой палаты, прошел внутрь.

«Господи!» — Сбитнев вытаращился и попятился, глядя на Максима.

Парень сидел на кровати, навалившись грудью на тумбочку. Руки висели, голова была повернута набок, и Федор Иванович хорошо видел кончик карандаша, торчащий из правого глаза Максима, кровавые потеки на белом лице и крышке тумбочки.

— Таким Света его и нашла, — тихо сказал Корольков. Он посмотрел на парня, покачал головой и провел дрожащей рукой по лицу.

— Это что же? Он сам?

Игорь Витальевич кивнул.

— Да. И в этом виноват я. Поверил парню. Не заподозрил вовремя неладного.

— Значит, он заранее все решил?

— Этого не знаю. Но обещание Максим выполнил. Вот, — доктор шагнул к кровати, взял листок, протянул Сбитневу. — Гляди.

Это был рисунок. Максим изобразил жуткое существо. Горбатое, тощее, с длинными руками и уродливой трехглазой мордой. На груди чудовища Федор Иванович увидел две цифры — единицу и шестерку.

«Шестнадцать. А ведь... — он наморщил лоб, вспомнив обрывки фраз, записанных доктором. — Максим ведь не раз повторял это число».

— Там еще кое-что, — сказал Корольков. — На другой стороне.

Федор Иванович перевернул листок и увидел ряды строчек, написанных размашистым, прыгающим почерком.

«Я плохой человек и давно знал это, — начал читать Сбитнев. — Но насколько плохой — понял лишь недавно. Чуть больше недели назад, в лагере. Там я узнал все. Там я понял, что мои догадки были верны. Хотя в то время, когда они появились, я, наверное, еще не был таким. Тогда все еще можно было исправить. Вернее — предотвратить. Но сейчас об этом поздно даже думать. Остается только сожалеть, хотя от этого становится только больнее.

Все благодаря лагерю. И, конечно же, Доктору. Да, его эксперимент не был успешен, но все же... Доктору удалось увидеть, как все мы выглядим на самом деле. Он узнал, что творят с нами злоба, зависть, ненависть, вранье, жадность... Эти чувства уродуют нас изнутри. Клеймят на всю жизнь. И с каждой вспышкой злости чудовище внутри становится сильнее. Мы сами кормим монстров, которые сидят в нас. Сами растим в себе страшных гномов. Я видел их — уродливых и безумных. Они — наше настоящее отражение. А зеркала врут.

Мне пришлось убить Доктора. Я не хотел: просто был в отчаянии. А он насмеялся над этим. Потом я взялся за страшных гномов, потому что надо было спасти ребят. И тоже убивал. Я надеялся, что с ними покончено, но нет.

Остался один. Экземпляр номер шестнадцать, выращенный из моей крови. Настоящий я. Вот он, на другой стороне листа. С тремя глазами, двумя ртами, сгорбленный, уродливый. И в том, что он такой, моя вина. Если бы я не делал больно маме с папой, если бы не злился, не ненавидел, может, он и не получился бы таким.

Ненавистьк себе, замешанная на детском страхе... Так сказал Доктор о шестнадцатом.

То есть, обо мне. Я ведь видел его уже. Впервые — в пять лет, в доме у бабушки. Он посмотрел на меня из треснувшего зеркала. Точнее, не он, а настоящий я. И вот недавно мы снова встретились. На этот раз вживую.

Мне кажется, он почувствовал наше родство. Не стал нападать, как другие. Он тянулся ко мне. А когда я не выдержал и побежал, бросился следом. Он долго гнался за мной, почти до самой трассы. Выл, словно просил остановиться. Потом отстал.

А я побежал в город. Сил не было, воздуха не хватало. Но я бежал. И надеялся, что сердце не выдержит. Жаль, что я не умер тогда.

Я выполнил обещание — нарисовал настоящего себя. И теперь надо уходить. Очень жалко маму, но жить, зная, что на самом деле ты страшный гном, невозможно. Поэтому я ухожу.

Но напоследок хочу предупредить: бойтесь детей с розовыми тенями под глазами и полосой на горле. Это страшные гномы, успевшие переселиться до того, как я убил их вожака, владеющего магией. Они полны злобы и пойдут на все, лишь бы причинить страдания. Надеюсь, вы никогда с ними не встретитесь».

Федор Иванович отложил листок. Сердце колотилось, палата расплывалась, руки и ноги дрожали. А перед мысленным взором стояли Егор и пятеро других ребят. Пятна под глазами и на шее делали их похожими, будто братьев и сестер.

Пошел дождь. Капли ударили в стекло, забарабанили по подоконнику.

— Прочитал? — Корольков присел рядом. Помолчал, потер лицо ладонями и заговорил: — Ты ведь знаешь, я материалист. Тут нужно над диагнозом думать, составлять бумажки для полиции и так далее. А я... — он покачал головой. — Не знаю. Понимаю, что нельзя в это верить. Но... Как будто сидит что-то внутри. И заставляет сомневаться.

— Я их видел, — вместо ответа произнес Федор Иванович. Он повернулся, посмотрел на доктора. — Этих ребят. С тенями под глазами и на горле. Один из них — мой сосед Егор. Он тоже отдыхал в «Березках». Уехал туда славным мальчишкой, а вернулся через два дня... таким. Слово бес в него вселился. Или... — Сбитнев вновь взял листок, — страшный гном.

— То есть, ты считаешь, что все это правда?

— Не знаю я, Игорь Витальич, не знаю, — Сбитнев с отчаянием поглядел на психиатра. — Понимаю, что не бывает такого. Умом понимаю, а сердцем... Ты бы видел мальчишку этого. Каждый день мать изводит. Кота убил, мне подложил. А вчера к нему еще пятеро присоединились. Точь-в-точь как он. С тенями под глазами и на горле, злые... Смотрят на тебя так... — он покачал головой. — Знаешь, словно у тебя над головой невидимое ведро с помоями переворачивается. А они глядят на это и ухмыляются. Мол, так и было задумано.

Корольков промолчал. Он ссутулился, провел ладонями по лицу, отчего на пару секунд оттянулись нижние веки, и растерянно уставился в стену.

— Мать Егора уже не знает, что с сыном делать, — продолжал Сбитнев. Только сейчас он понял, сколько страхов накопилось за эти дни. Они росли в душе, будто гнойник, и сейчас прорывались наружу. — Вот-вот с сердцем сляжет. А Егору радостно. Он как будто в энергетического вампира превратился. Я как раз сегодня собирался тебе о нем рассказать. Но, — он глянул на Максима, — ты первый позвонил.

Игорь Витальевич чуть заметно кивнул.

— Скажи, а эти ребята... Которых пятеро... Откуда они взялись? Ты их раньше видел?

— Нет, — Федор Иванович покачал головой. — Вчера впервые увидел. Обступили меня.

самый маленький — мальчонка совсем, наверняка еще в школу не ходит — закурить попросил. А другой... Ровесник Максима, как мне кажется, угрожать начал. Дескать, не суй, дед, свой нос в чужие дела.

— А что они вообще хотели?

— Егора ждали. Знаешь, что еще странно... Они его братом называли. Да, — Сбитнев прищурился, кивнул сам себе, — так и сказали: «мы к брату пришли». И к самому мальчишке они обращались не по имени. Носачом звали. Почему — ума не приложу. Нет у Егора такого носа...

— Странные ты мне вещи рассказываешь, — пробормотал доктор. Он встал, подошел к окну. На стекле дрожали десятки капель, а дождь все стучал по подоконнику. — Не знаю... И не верить тебе не могу, и поверить никак не получается.

— Может, посмотришь на Егора? Что-нибудь да поймешь. И матери его совет дашь.

— Хорошо, — Корольков повернулся, присел на подоконник. Посмотрел на Максима и вздохнул. — А теперь... идти надо. Нине Евгеньевне сообщать.

— Надо, — одними губами ответил Федор Иванович.

В душе заворочался страх. Сбитнев поднялся, украдкой глянул на Максима.

«Что ж ты наделал, дурак? — мысленно обратился он к покойнику. — Как мать теперь одна будет?»

Доктор подошел к двери, остановился. Поджал губы и тихо проговорил:

— Виноват я. Очень виноват. Поверил, что Максим на поправку идет, расслабился. Вот и поплатился. Боюсь я Серовой звонить, — доктор посмотрел на Сбитнева. — Бедная женщина и так на взводе. Досталось ей от жизни. Сначала муж, теперь сын. Для кого она жить будет?

— Думаешь?.. — Федор Иванович не договорил. Он знал: Корольков поймет и так.

— Вполне может быть, — серьезно ответил доктор. — Ты же видел, в каком она состоянии.

— Да-а, — протянул Сбитнев. Гроыхнуло, и стекло отозвалось дребезжанием. — Одну ее сейчас оставлять не надо. Но ничего, я прослежу, чтобы ничего больше не случилось.

— Проследи. Очень тебя прошу.

— Обещаю, — кивнул Федор Иванович.

Он поднялся, подошел к Королькову, и оба вышли из восьмой палаты.

Через несколько дней после этого.

Андрей открыл глаза, посмотрел в потолок и чуть заметно улыбнулся. Наконец-то удалось провести ночь без кошмаров. Уже почти две недели он засыпал, и разум переносился в лес.

Новожилов то отбивался от страшных гномов вилами. То пытался отвязать Лешку от кушетки, а за спиной ревели уродцы. То сам лежал, а над ним нависал Себастьян. То барахтался в куче тварей, спасаясь от созданного призраками существа из костей. То...

Было еще много страшных снов, после которых Андрей долго приходил в себя. Но этой ночью он не увидел ничего — и очень радовался.

Открылась дверь, в комнату вошел Лешка. Он уперся плечом в косяк, что-то дожевывая, проглотил и сказал:

— Спишь что ли еще? Двенадцатый час, между прочим. Давай, подъем. Мама нам бутеры сделала.

Договорив, Лешка повернулся и исчез в коридоре. Несколько секунд Андрей слышал,

как тот шаркает по линолеуму босыми пятками.

Откинув одеяло, Новожилов сел и оглядел комнату. За последние две недели она заметно изменилась — по мнению мамы, в лучшую сторону. Со стен исчезли плакаты с чужими, хищниками, зомби и другими тварями, которых Андрей обожал истреблять, сидя перед монитором. Полки освободились от дисков с компьютерными играми и фильмами и фигурок всякой разной нежити. А немногочисленные книжки-ужастики отправились в коробку на антресолях.

«Правильно мама считает, — подумал Андрей, обводя взглядом белые с зеленым обои, компьютерный стол, голубой палас. — Без всей этой фигни лучше».

Он поднялся, влез в шорты и майку и пошел на кухню. В голове было легко, а на душе светло.

«Я прям помолодел», — усмехнулся про себя Новожилов.

Лешка сидел за столом и покачивался на табуретке. Перед ним стояла пустая, если не считать россыпи хлебных крошек, тарелка и кружка с соком.

— Твое в холодильнике, — сказал Лешка, выпрямляясь.

Позавтракав, Андрей убрал посуду в раковину, глянул на часы над входом в кухню. Полдвенадцатого.

— Что делать будем? — осведомился Лешка, вновь раскачиваясь.

— Давай Оле позвоним, по развлекательному центру прогуляемся. Может, в кино заглянем, — предложил Андрей. Подумав, он добавил: — На мультик какой-нибудь или комедию.

— Можно, — кивнул Лешка.

После истории в «Березках» Новожиловы очень сдружились с Олей и виделись почти каждый день — разумеется, после того, как истек срок домашнего ареста. Андрей не знал, насколько сильно рассердились Олины предки, но им с Лешкой досталось крепко. Еще бы: вылететь из лагеря через двое суток.

Поспать той ночью так и не удалось. Сначала Ирина Олеговна старательно промыла мозги, потом директриса Светлана Максимовна, потом мама с папой. Но перед этим случилось еще кое-что. Неприятное и страшное.

Как только вернулись на территорию лагеря, троицу сразу же отвели в административный корпус. Там, возле директорского кабинета, сидел Егор. Увидев друзей, он встал, оглядел их. Круглое лицо с розовыми пятнами исказилось злобой. Егор заорал и бросился на ребят. Вожатые, воспитательница и директриса еле его успокоили.

«Он понял, что мы — это мы», — подумал тогда Андрей.

— Эй! Опять залип что ли?! — послышался Лешкин голос.

Новожилов тряхнул головой и посмотрел на брата. Тот скорчил сердитую рожу.

— Звонить Оле?! Третий раз спрашиваю! — недовольно заявил Лешка.

Андрей кивнул, и брат, буркнув «так бы сразу!», пошлепал в коридор. Посмотрев на него, Новожилов снова улыбнулся.

Он боялся, что Лешка станет другим. Молчаливым, напуганным. Ему ведь досталось больше, чем Андрею и Оле: он видел, как происходит переселение, и сам едва не лишился тела. Но нет — брат отошел довольно быстро. И, судя по всему, его даже не мучили кошмары.

«Или он просто виду не подает», — невольно подумал Андрей.

Лешка договорился с Олей встретиться через пятнадцать минут, и ребята стали

собираться. Оделись, вышли из квартиры, вызвали лифт. Зашли, Андрей нажал на единицу и задумался.

Все-таки лес оставил много загадок. Что случилось с Максимом? Почему он так напугался, увидев на груди уродца клеймо с единицей и шестеркой? «Я не могу быть таким!» — бормотал вожатый. Как это понимать? Куда он побежал? Зачем уродец кинулся следом? Догнал ли? И если догнал, что сделал?

«Этого мы не узнаем никогда, — подумал Андрей. Лифт распахнул двери. — Так что лучше не думать».

Ребята вышли из подъезда, спустились с крыльца и остановились возле зеленой лавочки, под которой валялись шелуха от семечек, бумажки и пустые бутылки. Сморщившись, Андрей отвернулся и вслед за братом пошел к арке.

Сзади зашипели.

Андрей вскрикнул, Лешка отпрыгнул. Обернувшись, братья увидели под кустами двух котов. Один, серый, здоровенный, нависал над рыжим и бил хвостом. Противник прижимал уши и шурился.

— Тьфу ты! — Лешка сплюнул, облегченно выдохнул. — Так и в штаны надуть недолго!

«Да уж, — мысленно согласился Андрей. — Страшные гномы забудутся нескоро. Если вообще забудутся».

Словно подтверждая, коты заорали. Серый кинулся на рыжего, тот отскочил и кометой понесся через двор.

— Зверюги, блин, — проворчал Лешка.

— Идем, — Андрей подтолкнул брата, и оба скрылись в арке. Вышли на улицу, перебежали проезжую часть и направились к развлекательному центру — прямоугольному сине-белому зданию в три этажа, со стеклянной пирамидой на крыше.

Припекало. В небе неподвижно висели пухлые, словно разомлевшие на солнце облака. Все лавочки вдоль фасада центра были заняты. На детской площадке с разноцветными качелями, горками и надувными батутами верещала малышня. Рядом с чебуречным ларьком, на ящике из-под бутылок сидел старик в замызганном пиджаке и играл на баяне. У ног старика лежала коробка с мелочью. Из динамиков лилась бессмысленная попсовая песенка. Несколько парней и девушек выцепляли прохожих и совали им бумажки с рекламой, а вдалеке, держа плакат с рекламой, расхаживал непонятный зверь из поролонка.

— Идем к центральному входу, — сказал Лешка. — Оля там ждать будет.

Андрей кивнул и двинулся дальше.

Подул ветер, и на ребят, шелестя, полетела истоптанная десятками ног газета. Лешка хотел перешагнуть, но газета взмыла вверх и прилепилась к животу.

— Вот блин! — брат взял ее за уголок двумя пальцами, скорчив брезгливую рожу, поднял перед собой и пошел к урне.

— Пстой-ка! — Андрей подскочил к нему, не сводя глаз с жирного заголовка: «Мертвый чупакабра?» и фотографии — на ней был уродец с тремя глазами и двумя ртами. Раскинув кривые руки, он лежал на белой простыне.

Выхватив у Лешки газету, Андрей увидел заметку.

«Три дня назад житель поселка Березовое обнаружил в лесу труп неизвестного существа, — начал он читать. — Оно имеет сходство с человеком, однако есть ряд существенных отличий. Возможно, это мутант. Возможно, инопланетянин — например, постоянно упоминаемый в СМИ чупакабра. Возможно, представитель еще не известного

науке вида. С этим предстоит разобраться ученым из областного центра, куда и была доставлена уникальная находка. Корреспондент нашей газеты будет следить за развитием событий».

— Значит, он умер, — пробормотал Новожилов. — Тем лучше. Надеюсь, это был последний страшный гном.

Лешка чуть заметно кивнул. Было видно, что еще одна — пусть и такая — встреча с уродцами испортила ему настроение. А вот Андрею стало спокойнее.

— Ты как думаешь, он сам сдох? — тихо спросил Лешка. — Или это Максим его?..

— Не знаю. Да и не хочу знать. Хватит об этом думать. Мы дома, в безопасности. Согласен?

— Угу, — промычал Лешка, задумчиво глядя на детскую площадку, где ликовала малышня.

— Пойдем, — Андрей подошел, несильно хлопнул брата по спине. Потом скомкал газету и выкинул в урну. — Оля, наверное, уже заждалась.

Лешка кивнул и, с опаской посматривая на урну, сделал несколько шагов.

— Расскажем Оле?

Андрей на секунду задумался, потом покачал головой.

— Не надо. Мы отдохнуть собрались, а не вспоминать... — он не договорил.

Ребята, лавируя в толпе, прошли к центральному входу. Оля уже стояла там — она была в зеленой футболке и фиолетовых шортах. Темные волосы девочка, как обычно, собрала в пышный хвост.

«Красивая», — невольно подумал Андрей, чувствуя волнение. Оля нравилась ему все больше.

Втроем ребята прошли внутрь и первым делом навестили кафе — съели по мороженому. А затем, как и хотел Андрей, направились в кинозал. Показывали третью часть полнометражного мультфильма про компанию из четверых зверей — льва, зебры, жирафа и бегемотихи.

— Фу, блин! — выдохнул после мультика Лешка. Голос у него стал хриловатым от смеха. — Давно так не ржал!

— Ага, — Андрей поглядел на брата с легким недовольством. Ржал тот и впрямь будь здоров — так, что с передних рядов оборачивались. Да еще попкорн просыпал и газировку разлил.

«Как был свинтусом, так и остался», — подумал Новожилов.

Но вслед за этой мыслью тут же пришла другая: пусть уж лучше Лешка на всю жизнь останется свинтусом, чем изо дня в день будет вспоминать «Березки», лес и страшных гномов.

— Ладно, ребята, мне пора, — сказала Оля, подняв глаза к большому циферблату.

«Полчетвертого! — ахнул про себя Андрей. — Ни фига себе посидели! Сейчас мама вернется, а мы еще посуду с завтрака не вымыли!»

Друзья отошли от кинозала и побежали к выходу. На эскалаторах, как всегда, была куча народа, и троица быстренько спустилась по ступенькам.

Очутившись на улице, Андрей, Лешка и Оля подошли к скамейке и остановились.

— Ну что, до завтра? — спросила Оля. — Я вам сама позвоню.

— Договорились, — кивнул Андрей.

Сзади донесся испуганный вскрик... Потом что-то застонало, грохнуло... Взвизгнули по

асфальту шины... Звук удара — и снова крики...

— Что там такое? — Андрей обернулся, вытянул шею и увидел, что на дороге, едва не заехав передними колесами на газон, стоит грузовик с оранжевой кабиной. А шагах в десяти лежала женщина. Вокруг быстро собиралась толпа.

Друзья переглянулись и, не сговариваясь, бросились к месту происшествия. Протолкались вперед.

— Не виноват я, е-мое! — надрывался водитель — здоровенный мужик с черными курчавыми волосами и щетиной на круглых, чуть отвислых щеках. Он метался из стороны в сторону и нервно оттягивал подол грязной футболки. — Сама под колеса кинулась! Вы же видели! — он замолчал и вытаращился на кого-то.

Андрей сглотнул и перевел взгляд на женщину. Маленькая, бледная, в длинной серой юбке и бежевой кофте, она лежала на боку. Под головой натекла темно-красная лужа, светлые волосы слиплись от крови.

— Я просто ехал! — снова завопил водитель. Он раскраснелся и дрожал. — А она выскочила, е-мое! Как бы я затормозил?! Она ждала, как будто!

«Жуть!» — подумал Андрей. Ему вдруг стало страшно — и этот страх был очень похож на тот, что мучил в лагере.

Женщина вздрогнула. Кашлянула, выплюнув кровь. Попробовала поднять голову. Не получилось. Тогда она вытянула руку и шевельнула пальцами, словно хотела коснуться неба.

— Ма... Максюша! — выдохнула она, глядя вверх широко распахнутыми глазами. — Максюша, миленький! Потерпи немножко, я уже скоро! Я... уже сейчас... К тебе...

Рука опустилась, женщина закрыла глаза. Она больше не двигалась. И не дышала. Андрея замутило.

«Она умерла! Прямо сейчас! И здесь, у меня на глазах!» — с ужасом думал он, не в силах отвести от женщины взгляд.

— Да что же это?! — воскликнул водитель. Он обхватил голову, бросился к кабине. — Е-мое!

С полминуты было тихо. Потом Андрей услышал сухой смешок:

— Откинула тетка копыта.

Новожилов вздрогнул и повернул голову. Увидев говорившего, он попятился, отдал кому-то ногу.

— Извините, — пискнул он, по-прежнему глядя на коренастого парня лет двадцати, в черной футболке с надписью «The Prodigy» и нарисованной рожей, высунувшей язык. Под глазами парня залегли розовые тени, горло пересекала полоса того же цвета.

Позади коренастого стояли еще пятеро переселенных. Две девчонки — темная и рыжая, толстяк в зеленой кепке козырьком назад, маленький белобрысый мальчишка и... Егор. Поймав взгляд Андрея, последний ухмыльнулся и провел большим пальцем по горлу. По тому самому месту, где была розовая отметина — след, оставленный инструментами самого главного и самого страшного гнома.

Больше книг на сайте — Knigoed.net